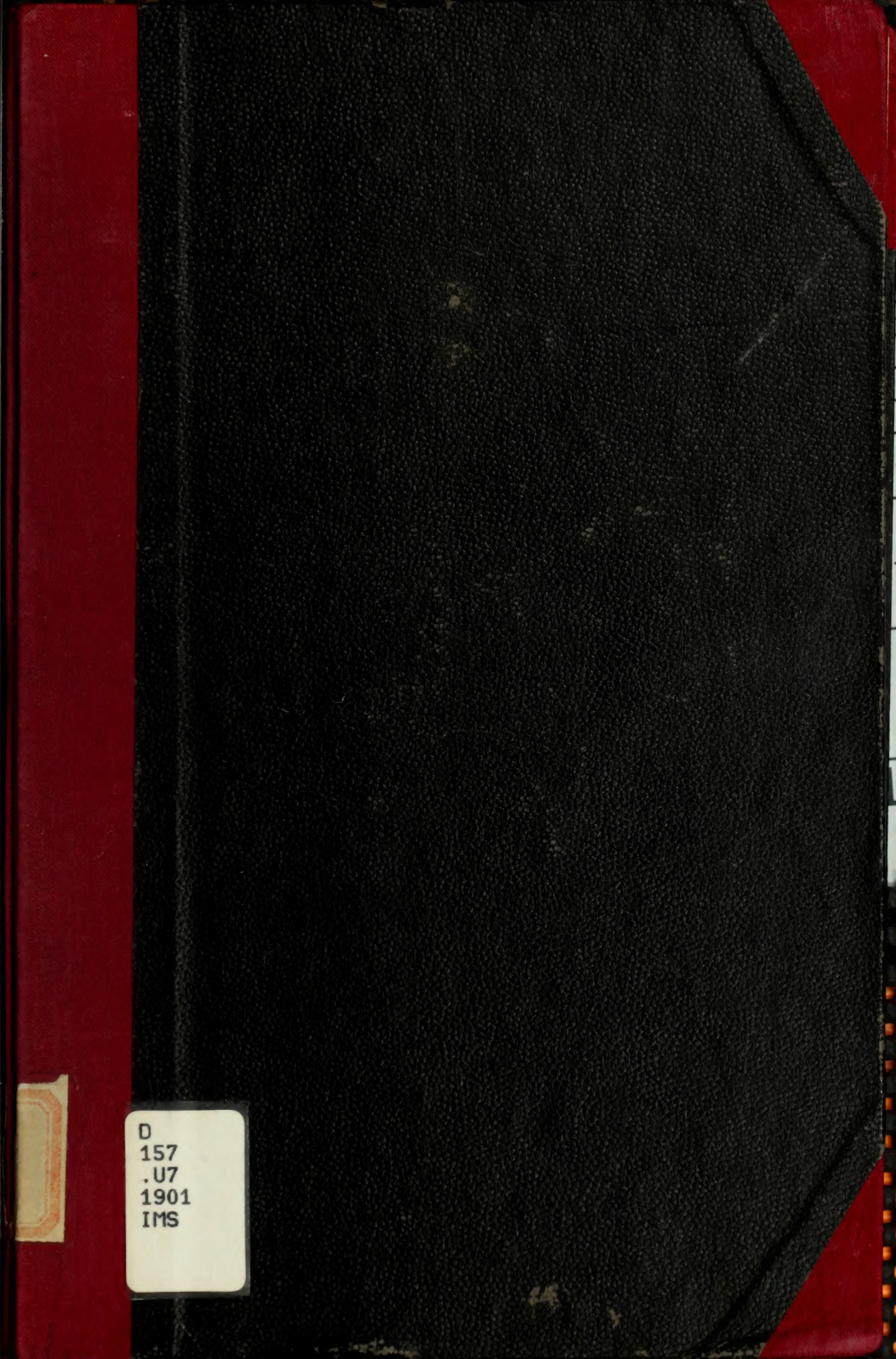

D
157
.U7
1901
IMS

Іосиф И. Гурл.

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.
Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

Ѳ. И. УСПЕНСКІЙ.

ИСТОРІЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. «Изд. дѣло Брокгаузъ-Ефронъ».
1901.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская литература по всеобщей исторіи особенно бѣдна общими пособіями, принаровленными къ цѣлямъ самообразованія и къ потребности большой публикѣ въ научныхъ, но въ то же время небольшихъ по объему и общедоступныхъ по изложенію историческихъ книгахъ. Особенно мало у насъ общихъ трудовъ по исторіи отдѣльныхъ народовъ, равно какъ по исторіи отдѣльныхъ эпохъ или сторонъ жизни (культурной, политической, экономической и т. п.). Для устраненія этого важнаго недостатка многіе русскіе спеціалисты всеобщей исторіи, большею частью университетскіе профессора и приватъ-доценты, предприняли составленіе цѣлой коллекціи небольшихъ (отъ 10 до 12 листовъ) историческихъ книжекъ подъ общимъ заглавіемъ—«Исторія Европы въ средніе вѣка и новое время по эпохамъ и странамъ». Всѣхъ книжекъ предположено около сорока, причемъ все изданіе будетъ дѣлиться на двѣ серіи—эпохъ и странъ. Каждой эпохѣ или странѣ предполагается посвятить по одной книжкѣ, за исключеніемъ главнѣйшихъ странъ (Англіи, Германіи, Италіи и Франціи), которыя потребуютъ по двѣ и даже по три книжки. Отдѣльные томики этой коллекціи будутъ составлены учеными, болѣе спеціально занимавшимися тѣмъ или другимъ отдѣломъ всеобщей исторіи, и всѣми ими будетъ принято во вниманіе, что ихъ читателями явятся вообще лица, получившія образованіе не ниже средняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ желающія пополнить и расширить свои знанія. Поэтому въ предполагаемыхъ книжкахъ на первый планъ будетъ выдвинута внутренняя, т. е. культурная и соціально- полити-

ческая исторія, и изъ изложенія будетъ устранено все, что можетъ имѣть интересъ только для спеціалистовъ. Общее веденіе изданія приняли на себя нижеподписавшіеся, участвовать же въ составленіи отдѣльныхъ книжекъ будутъ: Г. Е. Аѳанасьевъ, В. П. Бузескулъ, А. С. Вязигинъ, В. И. Герье, И. М. Гревсъ, Н. И. Карѣевъ, М. М. Ковалевскій, И. В. Лучицкій, Н. Н. Любовичъ, П. Н. Милюковъ, Н. В. Молчановскій, В. А. Мякотинъ Д. М. Петрушевскій, В. К. Пискорскій, С. Ѳ. Фортунатовъ, Е. В. Тарле, Ѳ. И. Успенскій и др.

Настоящій выпускъ посвященъ исторіи крестовыхъ походовъ, по которой въ русской литературѣ нѣтъ ни одного оригинальнаго труда. Слѣдующій выпускъ, который уже печатается, составитъ второе изданіе книги покойнаго профессора московскаго университета М. С. Корелина. „Паденіе античнаго міросозерцанія“ (Культурный кризисъ въ Римской имперіи).

Н. Карѣевъ.

И. Лучицкій.

ГЛАВА I.

Ближайшія обстоятельства, вызвавшія крестовые походы. Состояніе Византійской имперіи предъ крестовыми походами.

Крестовые походы имѣютъ не только общеисторическій интересъ, какъ выраженіе идей и настроенія умовъ въ извѣстный періодъ средневѣковой исторіи. По своимъ мотивамъ, а равно по ближайшимъ послѣдствіямъ, въ особенности же по разнообразнымъ и глубокимъ вліяніямъ на взаимныя отношенія Востока къ Западу, крестовые походы не лишены спеціальнаго значенія для исторіи восточно-европейскихъ народовъ. Составляя весьма важный отдѣлъ въ западно-европейской исторіи, крестовые походы обильны внѣшними фактами и богаты результатами, которые хотя и куплены были весьма дорогой цѣной, но могущественно повліяли на духовное развитіе европейскихъ народовъ. Тогда западно-европейцы въ первый разъ большими массами поднялись съ своихъ мѣстъ и познакомившись съ неизвѣстными имъ народами и странами, частію усвоили ихъ нравы и учрежденія, частью передали имъ свои понятія и воззрѣнія. На Востокѣ передъ европейцами открылся новый міръ съ совершенно новыми и чуждыми ему понятіями, образомъ жизни и политическимъ устройствомъ. Разсказы и описаніе видѣннаго и слышаннаго составили богатую литературу, которая съ живымъ интересомъ читались по монастырямъ и рыцарскимъ замкамъ. Западные народы вложили въ крестовые походы много своихъ силъ и матеріальныхъ и духовныхъ, потому нѣтъ ничего удивительнаго, что національная исторія французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ и англичанъ не можетъ не удѣлять значительнаго мѣста изложенію исторіи крестовыхъ походовъ.

Для восточно-европейской—въ частности для русской исторіи—крестовые походы представляютъ интересъ съ другой точки зрѣнія, именно по соображенію мотивовъ и результатовъ крестовыхъ походовъ. Весьма рельефно выступающій въ новой исторіи антагонизмъ между западной и восточной Европой, рѣзко выдвигающаяся противоположность интересовъ и культуръ романо-германской и греко-славянской—въ первый разъ обнаружилась въ эпоху крестовыхъ походовъ, а нынѣшнее политическое и религіозное вліяніе католическихъ странъ на Востокѣ началами своими восходитъ къ той же эпохѣ. Религіозная и національная вражда къ мусульманству, одушевлявшая первыхъ крестоновцевъ и поддерживавшая ихъ въ перенесеніи громадныхъ лишеній и потерь, скоро уступила мѣсто другимъ побужденіямъ, которыя однако оказались нисколько не слабѣе первыхъ и продолжали увлекать на Востокъ новыя и новыя западныя ополченія. Когда первоначальная цѣль крестоноснаго движенія перестала быть руководящимъ мотивомъ, выдвинулись на первое мѣсто политическія соображенія. Не объ Іерусалимѣ и не объ освобожденіи Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ стали помышлять вожди крестоносцевъ, а объ основаніи независимыхъ княженій на Востокѣ, о завоеваніи Византіи, наконецъ, о торговыхъ преимуществахъ въ областяхъ византійскихъ и мусульманскихъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія восточно-европейской исторіи эпоха крестовыхъ походовъ представляетъ собой любопытнѣйшій эпизодъ борьбы между Западомъ и Востокомъ, борьбы, которая еще не окончилась и понынѣ и продолжается на нашихъ глазахъ, соединивъ разнообразные интересы, какъ религіозные, такъ и политическіе и торговые, въ такъ называемомъ Восточномъ вопросѣ. Въ виду указаннаго крестовые походы и съ точки зрѣнія русской исторіи получаютъ важное значеніе, какъ эпизодъ столкновенія двухъ міровъ, раздѣляющихъ и понынѣ господство въ Европѣ и Азіи и какъ вступительная глава въ исторію Восточнаго вопроса, въ разрѣшеніи котораго Россіи суждено принять дѣятельное участіе.

Ближайшія обстоятельства, вызвавшія крестовые походы, остаются до сихъ поръ не вполнѣ ясными. Сильное развитіе папской власти, мечтавшей въ концѣ XI вѣка обратить грековъ къ послу-

шанію римской церкви, глубокое вліяніе духовенства, подвинувшаго западные народы къ исполненію воли римскаго первосвященника, тяжкое экономическое и соціальное положеніе народныхъ массъ привычка къ войнѣ и жажда приключеній—вотъ причины, которыми объясняютъ начало крестовыхъ походовъ. Рѣшительнымъ и послѣднимъ побужденіемъ было обращеніе царя Алексѣя I Комнина къ папѣ Урбану II-му въ 1094 году съ просьбой о помощи противъ турокъ-сельджуковъ. Всѣ эти мотивы конечно имѣли значеніе при возбужденіи перваго крестоваго похода, но ни всѣ вмѣстѣ, ни каждый въ отдѣльности они недостаточно объясняютъ принятое крестовыми походами направленіе и на первыхъ же порахъ обнаружившіяся недоразумѣнія между крестоносными вождями и византійскимъ правительствомъ. Въ русской исторической литературѣ съ особенной силой выдвинуто то обстоятельство, что крестовые походы стоятъ въ тѣсной внутренней связи съ тогдашнимъ состояніемъ Византійской имперіи и что принятое имъ направленіе можетъ быть выяснено изъ разсмотрѣнія политическихъ условій, въ какихъ находилась тогда Византія.

Само собой разумѣется, здѣсь подразумѣваются отношенія Византіи къ мусульманскому міру. Къ VIII вѣку мусульмане овладѣли Азіей и Африкой и утвердились на островахъ Средиземнаго моря и въ нѣкоторыхъ областяхъ Западной Европы. Въ 717 г. они осадили Константинополь съ суши и съ моря, семь разъ дѣлали приступъ на столицу восточнаго христіанскаго міра. Но царь Левъ Исавръ успѣлъ соединить противъ магометанъ большія морскія и сухопутныя силы и нанесъ имъ сильное пораженіе подъ Константинополемъ; это была первая побѣда христіанъ, надолго пріостановившая побѣдоносный напоръ мусульманскаго міра и спасшая отъ порабощенія имъ переднюю Малую Азію. Скоро затѣмъ (въ 732 г.) магометане потерпѣли большое пораженіе отъ Карла Мартела, заставившее ихъ надолго отказаться отъ попытокъ новыхъ завоеваній и въ Западной Европѣ. Не смотря на частные успѣхи магометанъ на островахъ Средиземнаго моря (Критъ и Сицилія), не смотря на опустошенія, производимыя ими въ Италіи и Южной Франціи, въ общемъ въ IX и X вв. они уже не были такъ страшны и побѣдоносны, какъ ранѣе. Это частію объясняется внутренними явленіями, наблюдаемыми въ самомъ мусуль-

манскомъ мірѣ. Когда ослабѣлъ первый религіозный пылъ, въ магометанской средѣ начались распри, выразившіяся въ политическомъ дробленіи калифата и въ религіозномъ сектаторствѣ. Мало-по-малу образовалось три калифата: Богдадскій, Египетскій или Фатимидскій и Испанскій или Омайядскій. Богдадскій калифатъ раздѣлился къ X вѣку на множество отдѣльныхъ княженій; пользуясь его раздробленіемъ, византійскіе императоры Никифоръ Фока и Іоаннъ Цимисхій отняли у него часть Сиріи съ городомъ Антіохіей и островъ Критъ. Египетскій калифатъ дѣйствовалъ отдѣльно отъ другихъ и направлялъ свои силы противъ Сициліи и Южной Франціи. Что касается испанскихъ арабовъ, то они также заняты были внутренними войнами и борьбой съ вестъ-готами. Магометанство вновь становится опаснымъ для христіанъ въ XI вѣкѣ, и притомъ какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. На Востокѣ Магометане пріобрѣли новыхъ прозелитовъ въ лицѣ туркменовъ, жившихъ около Каспійскаго и Аральскаго морей. Туркмены, получившіе потомъ имя турокъ-сельджуковъ, вторглись въ области Багдадскаго калифата, подчинили себѣ мелкихъ властителей Ирана и Месопотаміи и начали принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ самого калифата, занимая мѣста приближенныхъ совѣтниковъ и администраторовъ калифа и составляя его военную стражу. Скоро турки-сельджуки перенесли на себя весь интересъ исторіи магометанскаго міра. Они завоевали почти всю Малую Азію, образовавъ могущественный султанатъ со столицей въ Иконіи и угрожая самому Константинополю. Одинъ изъ крупныхъ эпизодовъ этой эпохи сосредоточивается на событіяхъ 1071 года, когда султанъ Альпъ-Арсланъ одержалъ блестящую побѣду надъ византійскими войсками при Манцикертѣ, въ Арменіи, взявъ въ плѣнъ царя Романа Діогена. Это пораженіе имѣло важное значеніе не для одной Византіи, но и для всего христіанскаго міра. Для сельджуковъ теперь открывался свободный путь къ Мраморному морю и Босфору, они могли безъ особенныхъ затрудненій осадить Константинополь. Какъ бы ни были грубы и дики сельджуки, они и тогда уже понимали, что тотъ планъ дѣйствій, который впослѣдствіи осуществленъ былъ османскими турками, могъ быть испробованъ и теперь. Что туркамъ

сельджукамъ была не чужда мысль о завоеваніи Константинополя, это доказывается нижеслѣдующими фактами.

Говоря о состояніи мусульманскаго міра наканунѣ крестовыхъ походовъ, нельзя оставлять безъ вниманія европейскихъ сородичей сельджуковъ, хорошо извѣстныхъ изъ русской лѣтописи половцевъ и печенѣговъ, которые въ концѣ XI-го вѣка распространились по Южной Россіи и, переходя черезъ Дунай, не разъ тревожили Византійскую имперію. Не далѣе, какъ лѣтомъ 1088 г., печенѣги нанесли Алексѣю Комнину страшное пораженіе при Дерстрѣ (Силистрія), захватили въ плѣнъ много знатныхъ византійцевъ и самого императора заставили искать спасенія въ постыдномъ бѣгствѣ. Богатая добыча, доставшаяся печенѣгамъ, пробудила алчную зависть въ ихъ союзникахъ — половцахъ, которые пришли къ нимъ на помощь. Откупившись золотомъ отъ хищныхъ сосѣдей и подданныхъ (печенѣги были уже приняты на византійскую землю), Алексѣй однако не могъ быть спокоенъ и за ближайшее будущее, пока печенѣги безъ страха переходили Балканы и нападали на византійскіе города Адріанополь и Филиппополь, доходя даже до стѣнъ столицы. На этотъ разъ опасеніе усиливалось еще и потому, что половцы, не получивъ себѣ части изъ византійской добычи, грозили двинуть всю половецкую орду за Дунай, чтобы отмстить печенѣгамъ. Правда, половцы въ этомъ отношеніи могли оказать услугу Византіи, но чего было ожидать потомъ отъ такого рода слугъ и союзниковъ?

Въ зиму 1089—90 года печенѣги расположились въ адріанопольской области, чтобы весной начать свои опустошительные набѣги въ самомъ сердцѣ имперіи. Императоръ занимался обученіемъ войска для предстоящаго похода и наборомъ новыхъ отрядовъ. Лѣто (1090) принесло съ собой новыя затрудненія. Турецкій пиратъ Чаха́, воспитанный въ Константинополѣ и хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ, снарядилъ собственный флотъ и составилъ планъ дѣйствій противъ Имперіи съ моря, когда печенѣги будутъ развлекать ея силы съ сухого пути. Все лѣто императоръ провелъ въ походѣ противъ печенѣговъ. Чтобы судить объ опасности, угрожавшей Константинополю, достаточно сказать, что военныя дѣйствія сосредоточивались около Чурля, т. е. въ разстояніи одного днев-

ного перехода отъ столицы. Съ наступленіемъ осени война прекращалась, но печенѣги не думали возвращаться въ свои кочевья, а расположились тутъ же, почти въ виду Константинополя. Зима 1090—91 г. прошла въ постоянныхъ схваткахъ, которыя впрочемъ не имѣли рѣшительнаго значенія ни для той, ни для другой стороны. Столица была заперта, изъ нея не выпускали жителей, потому что за стѣнами города рыскали печенѣжскіе наѣздники. Въ трудныхъ обстоятельствахъ, какія могла помнить Византія изъ предшествовавшей исторіи, ее спасала возможность морскихъ сношеній. Но теперь Чаха замышлялъ отрѣзать отъ Константинополя и море. Располагая значительнымъ числомъ кораблей, онъ сдѣлался полновластнымъ господиномъ Босфора и Мраморнаго моря. Стало извѣстнымъ, что его послы переговариваются съ предводителями печенѣжской орды и условливаются объ общемъ планѣ дѣйствій. Вообще положеніе имперіи въ 1091 году представляется въ высшей степени безпомощнымъ. Едва ли ранѣе угрожала ей такая неминуемая и близкая гибель. Императоръ, говоритъ Анна Комнина, видя, что и съ моря, и съ суши наше положеніе весьма бѣдственно... посланіями, отправленными въ разныя стороны, спѣшилъ собрать наемное ополченіе. Нѣкоторыя изъ этихъ грамотъ назначены были въ половецкія вежи, другія—къ русскимъ князьямъ; безъ сомнѣнія, были посланія и на западъ, въ особенности къ друзьямъ, которые уже доказали разъ свое расположеніе къ императору, каковъ былъ Робертъ, графъ Фландрскій, приславшій Алексѣю вспомогательный отрядъ. До нашего времени сохранился одинъ экземпляръ посланія, отправленнаго Алексѣемъ Комниномъ къ графу Роберту Фландрскому. Вотъ въ главныхъ чертахъ его содержаніе: „Святѣйшая имперія христіанъ греческихъ сильно утѣсняется печенѣгами и турками; они грабятъ ее ежедневно и отнимаютъ ея области. Убійства и поруганія христіанъ неисчислимы и такъ страшны для слуха, что способны возмутить самый воздухъ... Почти вся земля отъ Іерусалима до Греціи,—не исключая и Ѳракіи,—подверглась ихъ нашествію. Остается одинъ Константинополь, но они угрожаютъ въ самомъ скоромъ времени и его отнять у насъ, если не подоспѣетъ быстрая помощь вѣрныхъ христіанъ латинскихъ. Пропондита уже покрыта двумя

стами кораблей, которые принуждены были выстроить для своихъ угнетателей греки. Такимъ образомъ Константинополь подвергнется опасности не только съ суши, но и съ моря. Я самъ, облеченный саномъ императора, не вижу никакого исхода, не нахожу спасенія: я принужденъ бѣгать предъ лицомъ турокъ и печенѣговъ. Итакъ, именемъ Бога умоляемъ васъ, спѣшите на помощь мнѣ и греческимъ христіанамъ. Мы отдаемся въ ваши руки; мы предпочитаемъ быть подъ властью вашихъ латинянъ, чѣмъ подъ игомъ язычниковъ. Пусть Константинополь достанется лучше вамъ, чѣмъ туркамъ и печенѣгамъ. Для васъ да будетъ также дорога та святыня, которая украшаетъ городъ Константина, какъ она дорога для насъ... Священные предметы не должны достаться во власть язычниковъ, ибо это будетъ великая потеря для христіанъ и ихъ осужденіе. Если, сверхъ ожиданія, васъ не одушевляетъ мысль объ этихъ христіанскихъ сокровищахъ, то я напомню вамъ о безчисленныхъ богатствахъ и драгоцѣнностяхъ, которыя накоплены въ столицѣ нашей. Сокровища однихъ церквей въ Константинополѣ могутъ быть достаточны для украшенія всѣхъ церквей міра. Нечего говорить о той неисчислимой казнѣ, которая скрывается въ кладовыхъ прежнихъ императоровъ и знатныхъ вельможъ греческихъ. Итакъ, спѣшите со всѣмъ вашимъ народомъ, напрягите всѣ усилія, чтобы такія сокровища не достались въ руки турокъ и печенѣговъ. Ибо, кромѣ того безконечнаго числа, которое находится въ предѣлахъ имперіи, ожидается ежедневно прибытіе новой 60-ти-тысячной толпы. Мы не можемъ положиться и на тѣ войска, которыя у насъ остаются, такъ какъ и они могутъ быть соблазнены надеждой общаго расхищенія. Итакъ дѣйствуйте, пока есть время, дабы христіанское царство и что еще важнѣе — Гробъ Господень не были для васъ потеряны, дабы вы могли получить не осужденіе, но вѣчную награду на небеси".

Нѣтъ ничего удивительнаго, что для патріотическаго чувства тогдашнихъ греческихъ писателей прискорбно было вспоминать о тяжелыхъ обстоятельствахъ, связанныхъ съ посылкою на западъ подобныхъ посланій; чувство гордости и сознанія собственнаго достоинства не позволило имъ приводить содержаніе грамотъ, посланныхъ Алексѣемъ Комнинымъ въ 1091 году. И вообще, обращеніе визан-

тійской имперіи за помощью къ латинскому западу всегда знаменовало крайній упадокъ нравственныхъ силъ въ Константинополѣ и было выраженіемъ самаго безпомощнаго состоянія. Положеніе императора Алексѣя Комнина въ зиму 1090—91 года можетъ быть сравниваемо развѣ съ послѣдними годами имперіи, когда османскіе турки окружили Константинополь со всѣхъ сторонъ и отрѣзали его отъ внѣшнихъ сношеній.

Не только въ области дипломатической замѣчается склонность безусловно отдать себя въ распоряженіе латинствующаго запада: заведена была рѣчь о церковномъ раздѣленіи востока и запада, о мѣрахъ къ соединенію двухъ церквей. Пересылка посольствами по церковнымъ вопросамъ началась съ 1089 г.; что папа считалъ возможнымъ дружелюбное разрѣшеніе этихъ вопросовъ, свидѣтельствуется уже освобожденіемъ императора Алексѣя Комнина отъ церковнаго отлученія, которое лежало на немъ, какъ на схизматикѣ. Къ тому же времени (1091 г.) относится происхожденіе сочиненія Болгарскаго архіепископа Ѳеофилакта о заблужденіяхъ латинянъ. Оно написано въ весьма миролюбивомъ духѣ и приводитъ къ заключенію, что ошибки латинянъ были не такъ многочисленны, чтобы считать неизбѣжнымъ раздѣленіе церквей. Перечисливъ обыкновенныя отступленія западной церкви: опрѣсноки, постъ субботній и безбрачіе духовенства, онъ говоритъ, что одни изъ нихъ не заслуживаютъ вниманія, другія нуждаются въ умѣренномъ исправленіи. Только одинъ вопросъ не допускаетъ никакой уступки — о прибавкѣ въ символѣ. Латиняне, продолжаетъ онъ, могутъ сослаться на скудость своего языка, и имъ можетъ быть предоставлено право пользоваться своимъ способомъ выраженій въ бесѣдахъ и церковныхъ поученіяхъ, но въ символѣ не должна быть допущена никакая неясность, никакое прибавленіе. Если такимъ образомъ западные и восточные богословы могли-бы согласиться между собой въ вопросѣ о догматѣ, тогда греческой церкви, говоритъ Ѳеофилактъ, слѣдовало-бы сообразоваться съ примѣромъ ап. Павла, который для сущихъ подъ закономъ самъ являлся подзаконнымъ и участвовалъ въ жертвахъ очищенія. Такимъ образомъ, и въ церковномъ вопросѣ Византія склонна была въ это время къ уступкамъ. Если не состоялся тогда такъ желаемый объ-

ими сторонами соборъ, это произошло отъ совершенно постороннихъ обстоятельствъ, и между прочимъ отъ того, что самому папѣ Урбану II угрожало низверженіе съ римскаго престола (антипапа Климентъ III).

Между тѣмъ воззваніе Алексѣя Комнина на Западѣ должно было произвести сильное движеніе. Не безъ причины, конечно, первый крестовый походъ составился по преимуществу изъ владѣтельныхъ князей и рыцарей Франціи. Робертъ Фризъ, къ которому между прочимъ адресовано письмо Алексѣя Комнина, былъ авторитетнымъ глашатаемъ перваго похода именно въ средѣ высшихъ классовъ; при томъ и посланіе императора Алексѣя совершенно ясно и опредѣленно ставило вопросъ о цѣли похода, т. е. именно такъ, что могло возбудить самыя заманчивыя надежды феодальныхъ рыцарей: берите имперію и Константинополь, богатствъ найдете вы много; пусть все будетъ ваше, лишь бы не достовалось печенѣгамъ и туркамъ. Гробъ-же Господень и Іерусалимъ, оскверняемый невѣрными, былъ достаточнымъ знаменемъ для вѣрующихъ въ простотѣ сердца, среди которыхъ дѣйствовали другіе проповѣдники, между которыми особенной извѣстностью пользовался Петръ Пустынникъ. Не забудемъ и того, что въ первомъ походѣ участвуютъ сынъ Роберта Фриза и два его племянника, также не мало близкихъ родственниковъ. Первый крестовый походъ такимъ образомъ состоялся бы и помимо папы и имѣлъ бы тогда совершенно иное значеніе и нѣсколько другія цѣли. Но въ октябрѣ 1093 года умеръ Робертъ Фризъ, чѣмъ нѣсколько замедлился ходъ начавшагося въ рыцарствѣ движенія. Въ латинскихъ лѣтописяхъ того времени сохранились нѣкоторыя указанія, что уже въ 1092 г. были рѣчи о крестовомъ походѣ, было движеніе умовъ въ этомъ направленіи.

Пока на Западѣ происходили переговоры и составлялись соображенія, скорому осуществленію которыхъ помѣшала смерть Роберта Фриза,— императоръ Алексѣй Комнинъ не только успѣлъ пережить мучительныя минуты отчаянія, внушившія ему малодушное посланіе, но и устранить опасность, которая угрожала его имперіи. На весну 1091 г. Чаха приготовлялъ высадку въ Галлиполи, сюда же потянулась печенѣжская орда. Но его отвлекли отъ своевременнаго прибытія къ мѣсту сбора Греческія морскія силы, а потомъ онъ

былъ убитъ никейскимъ султаномъ. 40 тысячъ половцевъ подъ предводительствомъ Тугоркана и Боняка и отрядъ русскаго князя Василька Ростиславича содѣйствовали тому, что печенѣги были уничтожены 29-го апрѣля 1091 года. Половецкіе предводители Тугорканъ и Бонякъ оказали громадную услугу Византіи. Печенѣжская орда была ими уничтожена, остатки ея не могли уже возбуждать опасеній, напротивъ, въ качествѣ легкихъ развѣдочныхъ отрядовъ, они съ пользою служили въ византійскомъ войскѣ. Не будь на службѣ императора этихъ печенѣжскихъ конниковъ, ему не такъ легко было бы тревожить крестоносные отряды неожиданными нападеніями, заставлять ихъ держаться въ тѣсномъ строѣ и не расходиться по окрестностямъ для грабежа мирнаго населенія. Съ побѣдой надъ печенѣгами Алексѣю перестала угрожать опасность соединенія азіатскихъ и европейскихъ турокъ (печенѣги и турки-сельджуки—одного происхожденія); раздробленныя и враждующія между собой малоазіатскія княжества турокъ-сельджуковъ были для Алексѣя совсѣмъ не такъ опасны, какъ норманнское нашествіе, какъ набѣгъ печенѣжскій, или какъ остроумный и дальновидный замыселъ пирата Чахи. Но къ 1092 году Алексѣй былъ уже свободенъ отъ томительнаго страха за судьбы имперіи, а на Западѣ только еще знакомились съ содержаніемъ его посланія и собирались въ походъ, который имѣлъ опредѣленную цѣль—спасти византійскую имперію отъ печенѣговъ и сельджуковъ. Здѣсь конечно слѣдуетъ искать причину къ объясненію взаимныхъ недоразумѣній и горькихъ обвиненій, которыя направлялись крестоносцами противъ византійцевъ и наоборотъ. Къ крайнему изумленію крестоносцевъ, печенѣги и турки оказывались на службѣ императора и всего чувствительнѣе вредили имъ быстрыми набѣгами; византійскій императоръ не только не сдавалъ имъ города и не унижался, но еще требовалъ себѣ ленной присяги и договаривался о городахъ, которые крестоносцы завоюютъ у турокъ. Но нужно помнить, что не меньше изумлены были движеніемъ крестоноснаго ополченія и византійцы: они утверждаютъ, что это движеніе на востокъ не вызвано было просьбами ихъ, а произошло самостоятельно и угрожало пагубными послѣдствіями для греческой имперіи.

ГЛАВА II.

Первый крестовый походъ.

Движеніе въ пользу крестовыхъ походовъ было уже довольно замѣтное въ рыцарскихъ замкахъ и въ деревняхъ, когда въ немъ принялъ непосредственное участіе папа Урбанъ II. Можно даже думать, что первый крестовый походъ осуществился бы и безъ знаменитой Клермонской рѣчи, какъ это показываетъ ходъ событій. Въ мартѣ 1095 года папа Урбанъ II присутствовалъ на соборѣ въ Піаченцѣ, гдѣ рѣшались вопросы церковнаго благочинія — о строгости монашеской жизни, о мирѣ Божіемъ и проч. и гдѣ церковный авторитетъ обнаружился въ нѣкоторыхъ мѣрахъ по отношенію къ германскому императору и французскому королю. Говорятъ, что въ концѣ собранія была высказана мысль о крестовомъ походѣ. Лѣтомъ того же года папа былъ въ южной Франціи, 18 ноября состоялся соборъ въ Клермонѣ. Дѣйствія этого собора далеко не отличаются характеромъ военныхъ рѣшеній, напротивъ ограничиваются церковной сферой. Здѣсь снова выдвинуты были церковные вопросы: о прекращеніи феды, о мирѣ Божіемъ, произнесено отлученіе отъ церкви короля Филиппа. Въ концѣ засѣданія папа произнесъ ту рѣчь, съ которой обыкновенно начинаютъ исторію перваго крестоваго похода. Но о содержаніи этой рѣчи, сказанной подъ открытымъ небомъ, ибо огромное стеченіе народа не могло помѣститься ни въ одномъ городскомъ зданіи, нельзя составить точнаго представленія. Правда, рѣчь эта передана тремя писателями перваго похода, которые сами присутствовали на соборѣ и были свидѣтелями всего происходившаго, но содержаніе рѣчи у всѣхъ передано по памяти, съ значительными личными вставками и такими отличіями въ изложеніи, которыя спо-

собны внушить мысль, что всѣ они передаютъ не одну рѣчь, а разныя. Само собой разумѣется, если бы рѣчь Урбана II имѣла дѣйствительно оффиціальное значеніе, то она должна бы была сохраниться въ какомъ нибудь актѣ, а не въ случайномъ изложеніи писателей. Точно также и по отношенію къ организаціи крестоваго похода роль Урбана II сводится къ самымъ незначительнымъ мѣропріятіямъ. Правда, онъ обѣщалъ принять подъ защиту церкви имущество тѣхъ, кто отправится въ крестовый походъ, возобновилъ распоряженіе о прекращеніи внутреннихъ войнъ, поручилъ епископу Адемару произнести отпущеніе грѣховъ для всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ, но этимъ въ сущности и ограничивалось участіе папы въ дѣлѣ такой важности для всего европейскаго человѣчества, какъ организація крестоваго похода. Нужно было имѣть мало политическаго такта и совсѣмъ не понимать готовящихся событій, чтобы оставаться до такой степени безучастнымъ къ организаціи и направленію похода, въ которомъ за отсутствіемъ церковнаго руководительства должны были получить мѣсто несогласныя съ интересами церкви вліянія.

Если такимъ образомъ папѣ Урбану и его клермонской рѣчи нельзя приписывать рѣшительнаго значенія въ дѣлѣ перваго крестоваго похода, то остается разсмотрѣть составные элементы, изъ которыхъ составилась крестоносная армія и въ нихъ поискать разгадки движенія.

Въ первомъ крестовомъ походѣ прежде всего выступаетъ на первый планъ народное движеніе, оно шло впереди и по всей вѣроятности вызвало движеніе высшихъ классовъ. Во главѣ воодушевленныхъ проповѣдниковъ, неотразимо дѣйствовавшихъ на простой народъ, преданіе ставитъ Петра Пустынника или Амьенскаго. Теперь уже доказано, что сага о Петрѣ Амьенскомъ не имѣетъ фактической достовѣрности, ибо стало извѣстно, что онъ не былъ въ Іерусалимѣ и что разсказъ объ его видѣніи въ храмѣ Гроба Господня есть позднѣйшій вымыселъ. Тѣмъ не менѣе, участіе Петра и подобныхъ ему лицъ, краснорѣчиво обращавшихся къ массамъ простого народа съ проповѣдью о борьбѣ съ невѣрными, болѣе всего содѣйствовало тому, что идея крестоваго похода стала популярной въ народныхъ массахъ.

Петръ пустынникъ проповѣдовалъ о походѣ въ сѣверной Франціи; вокругъ него собралось множество народа съ полнымъ довѣріемъ къ нему, какъ пророку Божію. Въ тоже время нѣкто Вальтеръ изъ рыцарскаго сословія собралъ массы народа въ другихъ мѣстахъ. Къ концу зимы онъ уже имѣлъ до 15.000. Готшалькъ сначала ведетъ дѣло вмѣстѣ съ Петромъ, потомъ отдѣляется отъ него и самъ собираетъ огромную толпу изъ франковъ, швабовъ и лотарингцевъ. Проходя Германіей, эти толпы нападали на сельскихъ жителей, производили грабежъ и вообще не хотѣли соблюдать приказаній своихъ мало уважаемыхъ вождей. Въ прирейнскихъ городахъ Трирѣ, Майнцѣ, Шпейерѣ и Вормсѣ толпы крестоносцевъ напали на евреевъ, многихъ перебили и разграбили ихъ имущество. Означенные вожди и сподвижники ихъ, выступившіе въ походъ весной 1096 года, стояли во главѣ хотя и многочисленнаго, но самаго жалкаго сброда, къ которому приставали преступники, бѣглые крестьяне и не ужившіеся въ монастыряхъ монахи. Эти первыя крестоносныя толпы не имѣли съ собой ни запасовъ, ни обоза, не признавали никакой дисциплины и позволяли себѣ невообразимыя насилія на пути, оставляя по себѣ самую дурную память. Съ подобными нестройными массами въ первый разъ знакомятся греки и турки-сельджуки и по нимъ составляютъ понятіе о цѣляхъ, средствахъ и силахъ крестоносцевъ.

Когда крестоносное ополченіе приблизилось къ границамъ Венгріи тамъ уже знали, съ кѣмъ приходится имѣть дѣло, и приняли мѣры предосторожности. Король Каломанъ стоялъ съ войскомъ на границѣ и поджидалъ крестоносцевъ. Онъ соглашался не только пропустить ихъ, но и снабдить съѣстными припасами, если они не будутъ позволять себѣ насилій и безпорядковъ. Первая толпа, пришедшая въ Венгрію, имѣла во главѣ Готшалька. Здѣсь услыхала она, что другой отрядъ, предводимый графомъ Эмикономъ Лейнингенъ, былъ почти весь уничтоженъ въ Чехіи княземъ Брячиславомъ. Тогда ополченіе Готшалька, считая своимъ долгомъ отомстить за своихъ собратьевъ, начало опустошать страну, по которой оно проходило. Каломанъ напалъ на крестоносцевъ и однимъ дѣломъ рѣшилъ участь всего отряда. Позже этой же дорогой идутъ

толпы, предводимыя Петромъ и Вальтеромъ. Наученныя опытомъ, онѣ прошли черезъ Венгрію въ должномъ порядкѣ и безъ особенныхъ приключеній. Но на границѣ Болгаріи ждалъ ихъ враждебный пріемъ. Петръ проходилъ Болгаріей какъ непріятельской землей и весьма ослабленный добрался до границъ византійской имперіи. Численность крестоносцевъ, послѣ всѣхъ потерь, доходила до 180.000.

Когда ополченіе Петра достигло границы Византійской имперіи, царь Алексѣй Комнинъ послалъ на встрѣчу ему пословъ и обѣщалъ снабжать Петра всѣми продовольственными средствами, если онъ безъ замедленія поспѣшитъ къ Константинополю. На мѣстахъ остановокъ крестоносцы дѣйствительно находили припасы, и греческое населеніе относилось къ нимъ съ довѣрчивостью и не разбѣгалось при появленіи ихъ. Только два дня Петръ остановился въ Адріанополѣ и перваго августа 1096 года прибылъ къ столицѣ. Здѣсь присоединились къ нему остатки отряда Вальтера, императорскіе чиновники указали имъ мѣсто остановки и расположенія. Императоръ отнесся къ этой крестоносной толпѣ со всею гуманностью и состраданіемъ. Онъ уговаривалъ Петра переждать на европейскомъ берегу пролива, пока подойдутъ рыцарскіе отряды, ибо плохо вооруженная толпа, каково было почти 200 тысячное войско Петра, не въ состояніи вести дѣла съ турками. Призвавъ къ себѣ Петра и разспросивъ его, императоръ понялъ, что онъ имѣетъ дѣло съ мечтателемъ, совсѣмъ не знакомымъ съ принятыми имъ на себя обязанностями предводителя. Алексѣй выразилъ однако полное расположеніе къ Петру, сдѣлалъ ему подарокъ, приказалъ раздать деньги и припасы его отряду и просилъ лишь наблюдать порядокъ и не допускать насильственныхъ дѣйствій. Крестоносцы бродили по городу, удивлялись роскоши и богатствамъ; бѣднякамъ нельзя было брать на деньги всего, что имъ нравилось, они начали брать силой. Послѣдовали неизбѣжныя столкновенія съ полиціей, пожары и опустошенія. Благочестивые крестоносцы стали жаловаться, что ихъ удерживаютъ противъ воли на европейскомъ берегу и не позволяютъ вступить въ борьбу съ врагами креста Христова. Что оставалось дѣлать византійскому правительству? Не безъ удо-

вольствія оно вняло ропоту толпы и дало ей возможность переправиться на азіатскій берегъ. Здѣсь при Еленополѣ, на сѣверо-западѣ отъ Никеи, крестоносцы расположились лагеремъ. На непріятельской землѣ, въ виду турокъ-сельджуковъ, владѣнія которыхъ простирались тогда почти до самаго берега моря, крестоносцамъ нужно было держаться со всею осторожностью и въ полномъ подчиненіи одному вождю. Но Петръ не съумѣлъ сохранить своего вліянія: толпы расползлись по окрестностямъ, грабили селенія и опустошали страну, одной удалось даже близъ Никеи одержать верхъ надъ турецкимъ отрядомъ. Съ кичленіемъ и самонадѣянностью удальцы разсказывали въ лагерѣ о своихъ подвигахъ: составилась другая толпа охотниковъ, пожелавшая повторить набѣгъ. Все это дѣлалось помимо Петра пустынника, противъ его совѣтовъ и предостереженій. Съ огорченіемъ оставилъ онъ лагерь крестоносцевъ и возвратился въ Константинополь поджидать рыцарскихъ ополченій. Затѣмъ все крестоносное войско постигла самая жалкая участь. Между тѣмъ какъ толпа охотниковъ, запертая въ одномъ укрѣпленіи, была уничтожена турками, въ Еленопольскомъ лагерѣ распущенъ былъ ложный слухъ, что Никея взята крестоносцами. Всѣ пожелали участвовать въ добычѣ и шумно, безъ всякаго порядка, снялись съ лагеря. Путь лежалъ по гористой мѣстности, которую заняли турки. Нестройная и безпорядочная толпа крестоносцевъ перебита была въ одинъ день, немногіе спаслись бѣгствомъ къ Босфору и перевезены на греческихъ лодкахъ въ Константинополь. Это было въ первыхъ числахъ октября 1096 г.

Разсказанныя событія составляютъ введеніе въ первый крестовый походъ. Большинство участвовавшихъ въ этихъ событіяхъ были люди, которые не возвышались до политическихъ цѣлей и соображеній, и дѣйствовали только подъ вліяніемъ фанатическаго чувства: насилія и убійства, совершенныя ими въ тѣхъ странахъ, чрезъ которыя они только проходили, стремясь къ своей цѣли — въ Венгріи, Болгаріи и Константинополѣ, казались имъ вполнѣ благочестивыми подвигами, прямо относившимися къ дѣлу. Несчастный опытъ, сдѣланный первыми крестоносцами, послужилъ урокомъ для послѣдующихъ крестоносныхъ войскъ. Какъ венгры, болгары, такъ

и сами греки стали недовѣрчиво относиться къ дѣйствіямъ крестоносцевъ и ихъ цѣлямъ; по первымъ толпамъ они судили вообще о всѣхъ крестоносцахъ. Но кромѣ этого обстоятельства весьма невыгодно отозвалось на крестоносцахъ и то, что несчастный исходъ октябрьской катастрофы, уничтоживъ сотни тысячъ крестоносцевъ, вселилъ увѣренность въ турокъ. Какъ у грековъ, такъ и у турокъ возникли новые планы относительно крестоносцевъ.

Событія 1096 г. должны были ускорить движеніе рыцарей. Проповѣдь о крестовомъ походѣ нашла приверженцевъ и среди высшихъ слоевъ общества; но она не коснулась тѣхъ лицъ, которыя могли направить движеніе по одному плану и къ одной цѣли. Ни французскій, ни англійскій, ни нѣмецкій короли не могли принять и не приняли участія въ этомъ движеніи. Это объясняется тѣмъ, что, какъ король французскій, такъ и германскій императоръ стояли въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ къ римскому престолу. Филиппъ I, король французскій, навлекъ на себя гнѣвъ св. престола своимъ бракоразводнымъ дѣломъ. Германскій король Генрихъ IV находился въ самомъ критическомъ положеніи; онъ вовлеченъ былъ въ трудную и опасную борьбу за инвеституру и готовился въ это время смыть съ себя позоръ каносскаго свиданія. Но не принимая личнаго участія, никто изъ нихъ не могъ и остановить начавшагося движенія. Среднее и высшее сословія—рыцари, бароны, графы, герцоги—были увлечены сильнымъ движеніемъ низшихъ классовъ, къ которымъ пристали также и города, и не могли не поддаться общему теченію. Видя массы народа, которыя безъ оружія, безъ провизіи стремились въ неизвѣстныя земли на неизвѣстное рискованное предпріятіе, военные люди считали безчестнымъ оставаться спокойными на своихъ мѣстахъ.

Лѣтомъ 1096 г. начинается движеніе графовъ, герцоговъ и князей. Въ срединѣ августа снаряжается въ походъ Готфридъ Бульонскій, герцогъ Нижнелотарингскій (племянникъ Готфрида Бородатаго, который въ борьбѣ за инвеституру былъ рѣшительнымъ врагомъ Григорія VII). Готфридъ Бульонскій имѣлъ качества феодальнаго государя, который хотѣлъ провести въ своихъ владѣніяхъ мѣры, противоположныя интересамъ св. престола, и далеко не сочув-

ствовалъ недавней побѣдѣ папства надъ свѣтской властью. Но какъ скоро Готфридъ Бульонскій принялъ участіе въ крестоно[illegible]омъ движеніи, народная сага придала ему церко[illegible]актер[illegible]Въ этомъ обликѣ для историка трудно отличить настоящаго Готфрида, отдѣлить дѣйствительность отъ фантазіи, истину отъ вымысла. По позднѣйшимъ преданіямъ, свой родъ Готфридъ ведетъ отъ Карла Великаго. Онъ находится въ прямой связи съ папами, онъ ихъ помощникъ и слуга; онъ строитъ, обогащаетъ церкви... Но если отнять отъ Готфрида весь фантастическій элементъ, то онъ представляется намъ въ высшей степени не симпатичнымъ, не идеальнымъ. Онъ желаетъ на востокѣ вознаградить себя за тѣ потери, которыя онъ понесъ въ собственныхъ владѣніяхъ. Чтобы имѣть средства для похода, онъ заложилъ свои владѣнія епископу Люттиха и Вердюна. Получивъ за это значительную сумму денегъ, онъ собралъ вокругъ себя многочисленный отрядъ (до 70 тыс.) изъ хорошо вооруженныхъ рыцарей и снабдилъ его провіантомъ и всѣмъ необходимымъ для дальняго похода.

Къ нему пристаютъ его братья Евстаѳій и Балдуинъ, впослѣдствіи король іерусалимскій. Готфридъ не былъ главнымъ начальникомъ всего похода, но во многихъ случаяхъ князья и бароны спрашивали его совѣта и руководились его мнѣніями. Онъ держалъ путь къ Константинополю черезъ Венгрію и Болгарію, т. е. шелъ тою же дорогой, что и ополченіе Петра, Вальтера и другихъ.

Наслѣдственныя земли тогдашней французской короны выставили отрядъ подъ предводительствомъ брата короля, Гуго графа Вермандуа. Это былъ еще молодой человѣкъ, гордый своимъ происхожденіемъ и рыцарской славой, тщеславный и пустой, по свидѣтельству Анны Комниной. Походъ былъ для него лишь средствомъ искать славы и новыхъ владѣній. Онъ спѣшилъ возможно скорѣе добраться до Константинополя и предпринялъ путь чрезъ Италію, чтобы отсюда переѣхать моремъ въ Византію. Поспѣшность много повредила ему; онъ дѣйствительно первымъ попалъ въ Константинополь, но въ печальномъ положеніи: буря прибила его судно къ берегу, и онъ долженъ былъ безъ особенныхъ почестей отправиться въ Константинополь по приглашенію императорскихъ чиновниковъ.

На сѣверѣ Франціи составилось два ополченія: Герцогъ Нормандіи Робертъ, сынъ Вильгельма Завоевателя, и братъ тогдашняго англійскаго короля Вильгельма Рыжаго предпринялъ походъ уже совсѣмъ не изъ религіозныхъ побужденій. Въ своемъ герцогствѣ онъ пользовался весьма ограниченной властью и располагалъ малыми доходами. Большая часть городовъ Нормандіи принадлежала англійскому королю; бароны не оказывали повиновенія своему герцогу. Для Роберта походъ въ Св. землю казался единственнымъ средствомъ выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ поставилъ себя въ Нормандіи. Заложивъ англійскому королю свое герцогство, Робертъ получилъ необходимую для предпріятія сумму и собралъ вокругъ себя рыцарей Нормандіи и Англіи. Другое ополченіе собралось во Фландріи подъ предводительствомъ Роберта Фриза, сына извѣстнаго графа того-же имени, пилигрима въ Св. землю, находившагося въ дружественныхъ отношеніяхъ съ царемъ Алексѣемъ Комниномъ.

Всѣ три ополченія сѣверной и средней Франціи направились черезъ Италію, гдѣ папа Урбанъ благословилъ ихъ предпріятіе, причемъ Гуго Вермандуа получилъ изъ рукъ римскаго епископа священную хоругвь.

Изъ южной Франціи составилось ополченіе подъ главенствомъ Раймунда, графа тулузскаго. Онъ уже ранѣе прославился въ войнахъ съ арабами и обладалъ всѣми качествами народнаго вождя. Стотысячный отрядъ и строгая дисциплина снискали уваженіе графу тулузскому въ Греціи и въ Азіи. Онъ шелъ черезъ Альпы къ Фріулю и потомъ берегомъ Адріатическаго моря черезъ Далмацію. Графъ Раймундъ С. Жиль играетъ странную роль среди другихъ предводителей крестоноснаго ополченія. Въ немъ мало энергіи, мало предпріимчивости; онъ какъ бы самъ упускалъ изъ рукъ свое главенство и отдавалъ его другимъ.

Французскіе крестоносцы, избравшіе путь чрезъ Италію, не успѣли всѣ переправиться въ Византію до наступленія зимы. Часть ихъ зимовала въ Италіи. Этому обстоятельству слѣдуетъ приписать движеніе, появившееся въ южной Италіи въ началѣ 1097 года. Князь тарентскій Боэмундъ, сынъ Роберта Гвискара, владѣлъ малень-

кимъ княжествомъ, далеко не удовлетворявшимъ его честолюбію и не соотвѣтствовавшимъ его военной славѣ. Онъ вошелъ въ переговоры съ оставшимися въ южной Италіи толпами крестоносцевъ и убѣдилъ ихъ примкнуть къ нему и подъ его начальствомъ начать походъ. Значеніе Боэмунда тарентскаго усилилось особенно тѣмъ, что съ нимъ соединился для похода племянникъ его Танкредъ, замѣчательнѣйшее лицо перваго похода. Южно-итальянскіе норманны, самые опасные враги Византіи, не одинъ разъ уже считавшіеся съ ней изъ-за обладанія Далмаціей, вносили, въ лицѣ своихъ предводителей Боэмунда и Танкреда, новый элементъ въ крестоносное движеніе—политическіе счеты и вражду къ Византіи. Силы норманновъ могли равняться по качеству съ силами французскихъ рыцарей. Но предводители ихъ были кромѣ того чрезвычайно коварны и корыстолюбивы. Въ особенности Танкредъ не могъ переносить совмѣстничества, держался во всемъ походѣ недовѣрчиво и не хотѣлъ подчиняться выгодамъ общей пользы. Зимой 1096 года норманны заняты были общимъ дѣломъ—войной съ Амальфи. Боэмундъ воспользовался случаемъ, сосредоточившимъ въ одной мѣстности норманнскихъ рыцарей, и убѣдилъ ихъ, что лучше искать счастія въ отдаленныхъ земляхъ, чѣмъ терять время въ осадѣ Амальфи. Такъ сталъ князь Боэмундъ во главѣ южно-итальянскихъ и сицилійскихъ норманновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ первый крестовый походъ вносился элементъ политическихъ счетовъ съ Византіею. Всѣ перечисленные отряды преслѣдовали совершенно самостоятельныя задачи. Общаго плана дѣйствія и главнокомандующаго не было. Даже части отрядовъ и отдѣльные рыцари нерѣдко переходили отъ одного вождя къ другому.

Въ Константинополѣ благовременно получались свѣдѣнія о движеніи князей, о числѣ ихъ войска и направленіи, какого держались они на пути въ Азію. Само собой разумѣется, точныхъ извѣстій не могло быть: доносили, что крестоносцевъ болѣе, чѣмъ звѣздъ на небѣ и песку на берегу моря, подозрѣвали у нѣкоторыхъ вождей враждебныя намѣренія относительно самой столицы Византійской имперіи. Царевна Анна Комнина такъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное крестоноснымъ движеніемъ: „разнеслась вѣсть о нашествіи безчисленныхъ франкскихъ ополченій. Императоръ испугался, ибо

зналъ, каковъ былъ этотъ народъ — неудержимый въ порывахъ, невѣрный данному слову, измѣнчивый. Не безъ основанія, предвидя важныя затрудненія, онъ принялъ свои мѣры, чтобы быть готовымъ встрѣтить вождей крестоноснаго ополченія“.

Византійское правительство упрекаютъ въ томъ, что оно своимъ недовѣріемъ и интригами парализовало дѣйствія крестоносцевъ и одно должно нести отвѣтственность въ неуспѣшности всего предпріятія. Вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ съ вождями перваго похода идти противъ турокъ-сельджуковъ, императоръ Алексѣй, говорятъ, довелъ до крайнихъ предѣловъ подозрительности и думалъ извлечь личныя выгоды изъ крестоваго похода. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть возможность судить о взаимныхъ отношеніяхъ византійскаго правительства и вождей крестоваго похода; теперь же замѣтимъ, что византійцы и крестоносцы иначе понимали весь ходъ отношеній, изъ чего возникали крупныя недоразумѣнія и промахи со стороны тѣхъ и другихъ. На первыхъ порахъ Алексѣй остановился на мысли — пользуясь разобщеніемъ вождей и отсутствіемъ между ними такого руководителя, который бы заправлялъ всѣмъ походомъ — не допустить, чтобы всѣ отряды въ одно и то же время собрались около Константинополя; наблюдать особо за каждымъ вождемъ, какъ скоро явится онъ въ предѣлахъ Византіи, и стараться по возможности скорѣе переправить его на азіатскій берегъ. Знакомясь отдѣльно со свойствами и характеромъ каждаго предводителя, Алексѣй вступилъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ пріязнь и завязалъ дружбу, вслѣдствіе чего долженъ былъ измѣниться и взглядъ его на походъ. Тогда открылась возможность поставить вопросъ, чтобы всѣ завоеванія, которыя имѣютъ сдѣлать крестоносцы у турокъ, переходили къ византійскому императору и чтобы вожди предварительно дали въ этомъ присягу.

Первымъ, съ которымъ познакомился Алексѣй, былъ Гуго, графъ Вермандуа Еще изъ Италіи онъ отправилъ къ императору два письма, извѣщая о своемъ рѣшеніи принять крестъ и о томъ, что высадится на византійскую землю въ Драчѣ (Dyrrachium-Epidamnus). На основаніи этихъ писемъ въ Константинополѣ сдѣланы были соотвѣтствующія распоряженія. Мѣстныя власти получили приказаніе сейчасъ-же по прибытіи Гуго дать объ этомъ знать въ сто-

лицу и стараться безъ всякой медлительности препроводить его далѣе. Нѣсколько судовъ греческаго флота крейсировало около берега и наблюдало, когда прибудетъ Гуго. На бѣду, Гуго не могъ встрѣтить торжественнаго пріема: буря выбросила его корабль на берегъ, византійская береговая стража нашла его въ жалкомъ положеніи. Сообразно полученнымъ приказаніямъ, Гуго препроводили въ Константинополь, гдѣ императоръ устроилъ ему почетную встрѣчу. Это было вскорѣ за пораженіемъ турками первой крестоносной толпы подъ Никеей, приблизительно въ декабрѣ 1096 года. Императоръ былъ къ нему весьма любезенъ, оказывалъ ему почетъ и вниманіе и безъ особенной борьбы убѣдилъ его дать вассальную присягу. За Гуго слѣдили и доносили императору обо всемъ, что онъ дѣлалъ и съ кѣмъ говорилъ; на Западѣ изъ этого распространилась молва, что Гуго находится въ плѣну и что императоръ вынудилъ его дать ленную присягу.

Готфридъ, герцогъ нижне-лотарингскій, былъ уже въ византійскихъ предѣлахъ, когда узналъ, что сдѣлалось съ Гуго и какъ онъ далъ византійскому царю присягу на вѣрность. Онъ отправилъ изъ Филиппополя посольство въ Константинополь, требуя, чтобы Гуго дана была свобода, затѣмъ началъ опустошать область, по которой проходило его войско. За день до Рождества Готфридъ былъ уже подъ самымъ Константинополемъ. Императоръ Алексѣй просилъ его къ себѣ для переговоровъ; но Готфридъ боялся западни и не хотѣлъ войти въ столицу. Однако-же крестоносцамъ отведено было мѣсто для стоянки, такъ какъ Готфридъ желалъ дождаться подъ Константинополемъ другихъ вождей. Алексѣю не хотѣлось имѣть въ герцогѣ лотарингскомъ врага себѣ и потому онъ употреблялъ всѣ мѣры предупредительности, чтобы вызвать его на личное свиданіе. Особенно, когда весной 1097 года стали подходить къ столицѣ остальные вожди, для византійскаго правительства были совершенно основательныя причины бояться единодушнаго нападенія ихъ на столицу. Пересылаясь посольствами съ Готфридомъ, Алексѣй оцѣпилъ его лагерь печенѣжскими и славянскими наѣздниками съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ изолировать его отъ сношеній съ вновь прибывавшими вождями. Между этими послѣдними особенныя опасенія воз-

буждалъ Боэмундъ, князь тарентскій. Алексѣй хорошо зналъ этого вождя по предъидущимъ войнамъ съ Робертомъ Гвискаромъ. Воззрѣнія на норманновъ у византійскихъ писателей выражаются такъ: „Боэмундъ имѣлъ старую вражду съ императоромъ и таилъ въ себѣ злобу за пораженіе, нанесенное ему подъ Лариссой; общимъ движеніемъ на востокъ онъ воспользовался съ тѣмъ, чтобы отомстить императору и отнять у него власть. Прочіе графы и по преимуществу Боэмундъ только для вила говорили о походѣ въ Іерусалимъ, на самомъ-же дѣлѣ имѣли намѣреніе завоевать имперію и овладѣть Константинополемъ“. Можно догадываться, въ какомъ тревожномъ состояніи было Византійское правительство, когда Готфридъ не подавалъ надежды на примиреніе, а Боэмундъ приближался къ Константинополю. Однако всю зиму Алексѣй честно выполнялъ свои обязательства, своевременно доставляя припасы и предупреждая столкновенія. 3-го апрѣля 1097 Алексѣй рѣшился понудить силой герцога Готфрида на уступки. Правда, соображенія византійскаго императора были весьма не гуманны, и византійцы первые начали дѣлать нападенія на отдѣлявшихся изъ лагеря крестоносцевъ. Алексѣй думалъ, что герцогъ не рѣшится на борьбу съ нимъ, что запертый съ одной стороны моремъ, а съ другой—цѣпью византійскаго войска, онъ пойметъ всю невыгоду своего положенія и согласится дать требуемую присягу. Но эти разсчеты не оправдались: Готфридъ поднялъ весь лагерь и прорвался черезъ цѣпь византійскихъ войскъ. Къ вечеру того-же дня крестоносцы подступили къ стѣнамъ города. Большой опасности лотарингцы не могли внушать императору, но ему и то уже было непріятно, что дѣло зашло такъ далеко, что разсчеты его оказались ложны. Къ тому-же получено было извѣстіе о приближеніи Боэмунда и желаніи его вступить съ императоромъ въ переговоры. И было чего опасаться: узнай Боэмундъ о раздорѣ между императоромъ и герцогомъ, тогда соединились-бы норманны и лотарингцы и дали ему весьма чувствительный урокъ. Алексѣй сдѣлалъ попытку повидаться съ Готфридомъ и поручилъ вести переговоры объ этомъ графу Гуго. Но герцогъ сурово обошелся съ Гуго и колко замѣтилъ ему: ты, сынъ королевскій, ставши рабомъ, хочешь и меня обратить въ

рабы! Не хочу я ни ленной присяги давать, ни въ Азію переправляться. Тогда императоръ приказалъ вновь тѣснить крестоносцевъ. Ходъ событій прослѣдить весьма трудно, по послѣдующимъ событіямъ лишь можно заключить, что крестоносцы терпѣли пораженія, и что ни Готфридъ не узналъ о приближеніи норманновъ, ни Боэмундъ—о затруднительномъ положеніи лотарингцевъ. Герцогъ согласился наконецъ принять предложеніе императора о личномъ свиданіи и явился во дворецъ. Императоръ принялъ франкскаго герцога сидя, окруженный толпою царедворцевъ. Готфридъ и его свита приблизились къ трону и колѣнопреклоненные цѣловали руку императора. Алексѣй поговорилъ съ каждымъ изъ свиты Готфрида и похвалилъ герцога за его благочестивую ревность, превозносилъ его военную славу. Затѣмъ Готфридъ далъ за себя и своихъ рыцарей ленную присягу, обѣщая возвратить императору всѣ города, которые удастся ему отвоевать у турокъ. Не позже 8 или 10-го апрѣля лотарингское войско переправлено было на азіатскій берегъ Босфора. Примѣръ лотарингскаго герцога, давшаго Алексѣю ленную присягу, имѣлъ значительное вліяніе на сговорчивость послѣдующихъ вождей, а для императора Алексѣя служило это прецедентомъ—отъ каждаго вождя требовать подобной-же присяги.

Боэмундъ шелъ въ Азію съ другими намѣреніями, чѣмъ герцогъ лотарингскій. Онъ думалъ основать на востокѣ независимое владѣніе, причемъ онъ разсчитывалъ не на норманнскія только силы, но и на помощь императора. Боэмунду такимъ образомъ желательно было прикинуться другомъ Алексѣя, для чего онъ заранѣе готовъ былъ на всѣ уступки. Онъ отдѣлился отъ своего отряда, поручивъ его Танкреду, и поспѣшилъ въ первыхъ числахъ апрѣля къ Константинополю, чтобы переговорить съ императоромъ и войти съ нимъ въ соглашеніе. Переговоры съ Боэмундомъ были не продолжительны: какъ императоръ, такъ и тарентскій князь были лучшіе политики того времени и разсыпались другъ передъ другомъ въ любезностяхъ. Противъ ленной присяги Боэмундъ не нашелъ особенныхъ возраженій и спокойно назвалъ себя вассаломъ императора. Ему отведено было роскошное помѣщеніе въ Константинополѣ, и посылались кушанья съ царскаго стола. Боэмундъ боялся отравы и

отдавалъ приносимыя блюда приближеннымъ; тогда изъ дворца стали доставлять припасы въ сыромъ видѣ. Въ тотъ день, когда Боэмундъ далъ клятву, императоръ показалъ ему одну часть дворца, которая ради этого случая украшена была драгоцѣнностями. Золото и серебро лежало здѣсь кучами. У Боэмунда сорвались слова, при взглядѣ на эти сокровища: „если бы мнѣ владѣть такими богатствами, то давно-бы я повелѣвалъ многими землями". Ему замѣтили, что эти сокровища назначены ему. Разъ Боэмундъ предложилъ императору назначить его великимъ „доместикомъ востока". Хотя Алексѣй не далъ на это своего согласія, но и не сдѣлалъ рѣзкаго отказа, оставляя Боэмунда въ надеждѣ получить это важное званіе при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Остальные вожди прибыли въ Константинополь по большей части въ маѣ. Робертъ Фландрскій и другой Робертъ Нормандскій дали ленную присягу безъ особенныхъ колебаній. Только графъ тулузскій Раймундъ не уступилъ ни просьбамъ, ни угрозамъ, ни даже военной силѣ. Алексѣй могъ добиться отъ Раймунда только обѣщанія — не предпринимать ничего противъ жизни и чести императора. Всѣ отряды перевозимы были на другую сторону Босфора. Съ конца апрѣля лотарингцы и норманны двинулись къ Пикеѣ, другіе отряды пристали къ первымъ уже въ походѣ. Императоръ озаботился доставкой съѣстныхъ припасовъ и обѣщался лично присоединиться къ крестоносцамъ, какъ скоро сдѣлаетъ предварительныя къ тому распоряженія.

Алексѣй могъ находить весьма благопріятными для себя обязательства, какія дала ему большая часть вождей. Во всякомъ случаѣ важнѣйшія затрудненія устранялись, какъ скоро западныя дружины перевезены были въ Азію. Ближайшія сношенія византійцевъ съ латинянами не могли однако склонить ихъ къ взаимному уваженію и довѣрію. Императоръ потребовалъ еще разъ торжественной клятвы отъ крестоносцевъ, когда они уже переправились въ Азію, при чемъ случилось слѣдующее. Одинъ французскій рыцарь, принесши императору ленную присягу, сѣлъ на его тронъ, и императоръ ничего не осмѣлился замѣтить ему, „зная высокомѣріе латинянъ". Послѣ того какъ князь Балдуинъ взялъ рыцаря за

руку и указалъ на неприличіе такого поступка, рыцарь воскликнулъ, гнѣвно смотря на императора: „что за грубый человѣкъ, онъ сидитъ, когда столь многіе стоятъ передъ нимъ!“.

Въ Малой Азіи крестоносцы должны были каждый почти шагъ брать съ бою. Византійское господство на востокѣ, во второй половинѣ XI в., было уничтожено турками—сельджуками, которые сдѣлались повелителями всего магометанскаго и христіанскаго населенія въ Азіи. Широкія полномочія, которыми владѣли намѣстники провинцій, и отсутствіе закона о престолонаслѣдіи были однако причиною, что отдѣльныя части обширнаго султаната распались на независимыя одно отъ другого владѣнія. Для крестоносцевъ было весьма важно то, что иконійскій эмиръ, владѣвшій Малою Азіею, не могъ двинуть противъ нихъ большихъ турецкихъ массъ, такъ какъ стоялъ во враждѣ съ сосѣдними магометанскими владѣніями Сиріи и Арменіи, отъ султана же былъ въ полной независимости. Императоръ Алексѣй Комнинъ, угрожаемый норманнами и печенѣгами, не имѣлъ времени возстановить свою власть на востокѣ, хотя внутренніе раздоры и усобицы турокъ не разъ давали ему случай безъ особеннаго напряженія отнять у нихъ по крайней мѣрѣ Малую Азію. Крестоносцамъ пришлось вести дѣло съ эмиромъ Килиджъ-Арсланомъ, который утвердилъ свою столицу въ Никеѣ, на востокъ его эмиратъ простирался до рѣки Евфрата. Нужно имѣть въ виду, что магометанскаго населенія, сравнительно съ туземнымъ христіанскимъ, не могло быть много, что симпатіи малоазійскаго населенія всего скорѣе могли быть въ пользу крестоносцевъ, чѣмъ турокъ завоевателей.

Какъ ни искренно было желаніе крестоносцевъ добраться скорѣе до Іерусалима, но прошло два года, пока они прибыли въ Палестину. Событія этихъ двухъ лѣтъ показываютъ, какъ между предводителями различныхъ частей крестоноснаго ополченія развился духъ партіи, какъ постепенно измѣнялись стремленія и цѣли предводителей.

Болѣе выдающуюся роль въ крестоносномъ ополченіи играютъ норманны, въ лицѣ ихъ предводителя Боэмунда, герцога тарентскаго, и провансальцы, предводимые Раймундомъ. Причины возвы-

шенія этихъ двухъ вождей среди крестоноснаго ополченія различны для каждаго изъ нихъ. Провансальцы были хорошо вооружены и вообще отличались всѣми необходимыми качествами правильно устроеннаго войска. Самъ ихъ предводитель Раймундъ былъ человѣкъ религіознаго направленія и принялъ крестъ, исключительно слѣдуя нравственнымъ влеченіямъ; для религіозныхъ цѣлей онъ готовъ былъ пожертвовать всѣми политическими интересами и соображеніями. Совершенно противоположнаго направленія были Боэмундъ и Танкредъ, представители норманнскаго элемента, это были князья, видѣвши въ крестовомъ походѣ средство для достиженія политическихъ цѣлей. Всѣ ихъ стремленія сосредоточивались теперь на Сиріи, гдѣ они хотѣли основать независимое княженіе. Боэмундъ былъ геніальный человѣкъ какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи: гдѣ нужно было напряженіе силъ для побѣды надъ сильнѣйшимъ врагомъ, гдѣ нужны были серьезныя соображенія и умно составленные планы дѣйствій, тамъ крестоносные вожди обращались къ уму Боэмунда. Норманны шли впереди всего крестоноснаго ополченія; они первые испытывали натиски турокъ-сельджуковъ, они же первые подступили къ Никеѣ, тогда какъ другіе отряды крестоноснаго ополченія, оставшись назади, прибывали постепенно одинъ за другимъ. Мало есть данныхъ, по которымъ можно было-бы судить о численности всего крестоноснаго ополченія. Можно думать, что изъ Константинополя отправилось всего до 300 тыс. военныхъ людей, кромѣ этого, судя по тому устройству войска, которое было въ обычаѣ того времени, нужно предположить, что въ ополченіи было еще около 300 тыс. чернорабочихъ, женщинъ, дѣтей и другихъ лицъ, приставшихъ добровольно къ ополченію; слѣдовательно, численность крестоноснаго ополченія доходила во всякомъ случаѣ до полумилліона.

Обстоятельства, можно сказать, благопріятствовали крестоносцамъ. Килиджъ-Арсланъ, уничтоживши толпы крестоносцевъ, предводимыя Петромъ, Фолькмаромъ и другими, не ожидалъ новой опасности, былъ вдали отъ Никеи, занимаясь наборомъ новыхъ войскъ. Городъ Никея расположенъ на берегу озера, вокругъ котораго возвышаются крутыя горы. Находясь въ выгодныхъ усло-

віяхъ, данныхъ самою природою для защиты отъ внѣшняго врага, и будучи окруженъ стѣной, городъ могъ-бы выдержать продолжительную осаду, но городской гарнизонъ былъ малочисленъ и слабъ. Населеніе, окружавшее городъ, было преимущественно христіанское — греки и армяне, которые, естественно, своими симпатіями были на сторонѣ крестоносцевъ. Послѣдніе могли тѣмъ легче пріобрѣсть эти симпатіи, что вмѣстѣ съ ними слѣдовалъ маленькій греческій отрядъ, предводимый греческимъ-же стратигомъ. Первые подошли къ Никеѣ норманны и лотарингцы. Хотя народная сага выдвинула личность Готфрида Бульонскаго, какъ играющаго первенствующую роль въ дѣлахъ перваго похода, но не ему, не лотарингцамъ принадлежитъ главная заправляющая роль: направленіе дѣламъ даютъ Боэмундъ тарентскій и Раймундъ тулузскій, норманны и провансальцы.

Южная часть города, обращенная къ озеру, была плохо защищена; съ этой именно стороны крестоносцы и должны были начать свои военныя дѣйствія. Такъ какъ крестоносцы подходили къ Никеѣ отдѣльными отрядами, далеко недостаточными для того, чтобы окружить городъ со всѣхъ сторонъ, то они и не могли повести правильной осады. Подойди въ это время къ городу Килиджъ-Арсланъ, онъ могъ-бы нанести крестоносцамъ значительный уронъ, и ихъ ошибка осталась-бы надолго непоправимою. Боэмундъ уговорилъ вождей, не дожидаясь прихода Килиджъ-Арслана, дать сраженіе ему вдали отъ Никеи. Килиджъ-Арсланъ потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ удалиться внутрь страны, предоставивъ Никею собственнымъ ея судьбамъ.

Послѣ пораженія Килиджъ-Арслана, крестоносцы воспользовались лодками, доставленными имъ по распоряженію греческаго императора, для военныхъ операцій противъ Никеи, со стороны Асканіева озера. На 18 или 19 іюня 1097 г. былъ назначенъ общій приступъ, которымъ заправляли Боэмундъ тарентскій и Раймундъ тулузскій. Утромъ того же дня ворота города были отворены, и въ городъ вошелъ византійскій отрядъ. Греческій стратигъ, стоя у стѣнъ Никеи, вошелъ во сношенія съ комендантомъ и отъ имени греческаго императора потребовалъ сдачи города. Крестоносцы были возмущены

такимъ ходомъ дѣла. Они разсчитывали на богатую добычу, между тѣмъ представитель греческаго правительства отнялъ у нихъ возможность грабежа. На ихъ заявленія, онъ отвѣтилъ напоминаніемъ о ленной присягѣ, и объяснилъ, что крестоносцы могутъ требовать удовлетворенія отъ царя, и онъ не откажетъ имъ, но что они обязаны исполнять обѣщаніе, скрѣпленное присягой, согласно которой всѣ отвоеванные у мусульманъ города переходятъ во власть греческаго императора и слѣдовательно не должны подвергаться разграбленію. Князья должны были уступить и еще разъ повторить ленную присягу, отъ которой на этотъ разъ не отказались и самые упорные, какъ напримѣръ Танкредъ. Императоръ съ своей стороны обѣщалъ впослѣдствіи соединиться съ вождями, а въ ожиданіи этого крестоносцамъ сопутствовалъ византійскій уполномоченный Татикій. Истинная цѣль миссіи Татикія выясняется изъ дѣлъ подъ Антіохіей. Повидимому, онъ игралъ роль охранителя интересовъ византійскаго императора. Внѣшнимъ образомъ его миссія мотивировалась тѣмъ, что онъ, какъ представитель греческаго правительства, могъ оказывать большое вліяніе на православное греческое и армянское населеніе страны, и такимъ образомъ крестоносцы, при его помощи, могли пользоваться всѣми тѣми удобствами, какихъ не могли-бы имѣть, еслибы имъ пришлось брать все вооруженной силою. Онъ обязанъ былъ вести крестоносцевъ къ Палестинѣ болѣе краткими и удобными дорогами.

От Никеи путь крестоносцевъ шелъ черезъ Дорилей, Иконій и Гераклею. Здѣсь они раздѣлились на два отряда: одни направились на югъ, къ Тарсу, другіе пошли на сѣверо-востокъ, чтобы, обойдя Таврскія горы, спуститься къ Антіохіи. Килиджъ-Арсланъ ожидалъ крестоносцевъ при Дорилеѣ, желая преградить дальнѣйшее ихъ движеніе. Впереди крестоноснаго ополченія шелъ Боэмундъ со своимъ отрядомъ. Ему и принадлежитъ честь побѣды надъ Килиджъ-Арсланомъ при Дорилеѣ. Позднѣйшіе писатели разсказываютъ, что Боэмундъ, отчаявшись въ успѣхѣ своего предпріятія при Дорилеѣ, послалъ гонцовъ къ крестоноснымъ вождямъ; гонцы, будто, пришли прямо къ Готфриду; послѣдній, посовѣтовавшись съ вождями, отправился лично на помощь Боэмунду и выручилъ его изъ бѣды. Но

дознано, что Готфридъ вовсе не участвовалъ въ дѣлѣ при Дорилеѣ; Боэмундъ разбилъ Килиджъ-Арслана, соединившись съ провансальцами. Дѣломъ при Дорилеѣ и заканчивается болѣе сильное сопротивленіе, которое турки оказывали крестоносцамъ; Килиджъ-Арсланъ удалился внутрь страны и ограничивался слабыми нападеніями па отдѣльные отряды крестоносцевъ. Теперь, когда турки оставили незанятыми области, прилегающія къ морю, императору Византійскому представилась полная возможность возстановить свою власть на всемъ побережьѣ Малой Азіи безъ особенныхъ жертвъ и затрудненій.

Крестоносцы обратили вниманіе на армянъ, которые, естественно, не были довольны магометанскимъ господствомъ. Армяне, ослабленные ударами турокъ-сельджуковъ, долго отстаивали свою независимость; но это удалось только той части ихъ, которые переселились въ Месопотамію, Каппадокію и сѣверо-восточную Сирію, по побережью Средиземнаго моря. Крестоносцы дали понять армянамъ, что, если они согласятся дѣйствовать за одно съ ними, то могутъ надѣяться на освобожденіе отъ турецкаго ига. Армяне съ готовностью приняли предложеніе крестоносцевъ: въ самое короткое время они выгнали изъ своихъ городовъ турецкіе гарнизоны и турецкое населеніе. Та часть крестоносцевъ, которая направилась на сѣверо-востокъ отъ Гераклеи, имѣла цѣлью поднять на своемъ пути христіанскія народности противъ турокъ и спуститься къ Антіохіи, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ крестоноснаго ополченія.

На югъ отъ Гераклеи въ Киликію направились только Балдуинъ, братъ Готфрида и Танкредъ со своими отрядами; они держали путь къ Тарсу, занятому слабымъ турецкимъ отрядомъ. Крестоносцы и здѣсь подняли противъ турокъ христіанское населеніе, какъ въ странѣ прилегающей къ Тарсу, такъ и въ самомъ городѣ. Турецкій отрядъ долженъ былъ сдаться крестоносцамъ. Здѣсь возникли пререканія между — Балдуиномъ и Танкредомъ изъ-за права на владѣніе Тарсомъ. — Честь побѣды была на сторонѣ Танкреда, между тѣмъ Балдуинъ присвоивалъ себѣ и побѣду, и право на городъ. Разсвирѣпѣвшій Танкредъ вырѣзалъ весь турецкій гарнизонъ и выгналъ Балдуина. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ,

что въ это время у норманнскаго вождя уже созрѣвала идея основанія независимаго владѣнія. Съ своей стороны Балдуинъ, потерпѣвъ неудачу подъ Тарсомъ, отправился искать счастія въ другомъ мѣстѣ. Одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ сельджуками и пріобрѣвъ расположеніе армянъ, Балдуинъ вошелъ въ непосредственныя сношенія съ княземъ Эдессы Торосомъ и такъ расположилъ его въ свою пользу, что вскорѣ былъ усыновленъ имъ и объявленъ наслѣдникомъ княжества. Не довольствуясь этимъ, Балдуинъ убилъ Тороса и занялъ его престолъ. Такимъ образомъ съ 1098 г. въ Эдессѣ устраивается первое княженіе, во главѣ котораго стоитъ западный герцогъ. Это княженіе имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что оно составляло оплотъ для всѣхъ христіанскихъ народностей и защищало христіанскій элементъ Малой Азіи отъ ударовъ турецкихъ волнъ, которыя шли изъ середины Азіи.

Къ октябрю 1097 г. крестоносцы подступили къ Антіохіи, гдѣ провели цѣлый годъ (съ октября 1097 г. по ноябрь 1098 г.). Съ одной стороны осада города, съ другой внутренніе раздоры остановили дальнѣйшее движеніе. Этотъ годъ составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи крестовыхъ походовъ. Дѣло въ томъ, что Антіохія, поставленная самой природою въ весьма благопріятныя условія для защиты отъ внѣшняго врага, была укрѣплена еще и искусствомъ. Городъ окружали высокія и толстыя стѣны, по которымъ можно было свободно ѣхать экипажемъ въ 4 лошади; стѣны защищались башнями (450), снабженными гарнизонами. Укрѣпленія Антіохіи представляли такимъ образомъ страшную силу, преодолѣть которую, при недостаткѣ осадныхъ орудій, при отсутствіи дисциплины и неимѣніи главнокомандующаго, не представлялось никакой возможности. Но и оставить позади себя такой важный стратегическій пунктъ, какимъ была Антіохія, которая служила оплотомъ всего мусульманскаго міра, крестоносцы не могли. Правда въ самомъ мусульманскомъ мірѣ господствовала анархія, которая была весьма полезна для крестоносцевъ. Сирія находилась тогда подъ двойнымъ политическимъ вліяніемъ, исходившимъ изъ Египта и изъ Багдада. Фатимидскій калифатъ высылалъ толпы мусульманъ, которыя, завладѣвъ нѣкоторыми пунктами въ Сиріи и занявъ Іеруса-

лимъ, ослабили значительно калифатъ Багдадскій. Эмиръ Антіохіи Баги-Сіанъ ожидалъ помощи то отъ багдадскаго калифата, то отъ египетскаго. Всѣ другія мусульманскія владѣнія въ Сиріи находились также въ положеніи политической раздвоенности. Ожиданія Баги-Сіаномъ помощи со стороны египетскаго или багдадскаго калифата остались тщетны; правда, нѣсколько разъ мусульманскіе отряды показывались въ виду Антіохіи' но они были такъ незначительны, что не осмѣливались вступить въ бой съ крестоносцами и не принесли никакой пользы Баги-Сіану.

Осенью 1097 г. крестоносная армія оказалась въ весьма печальномъ состояніи. Грабежи, отсутствіе дисциплины и взаимная вражда замѣтно раслабляли крестоносное ополченіе. Вожди не успѣли ничего запасти для себя на осень и зиму, между тѣмъ въ крестоносномъ войскѣ начались болѣзни, проявилась смертность, и предъ страхомъ смерти цѣлыя толпы и даже отряды, во главѣ своихъ предводителей, обращались въ бѣгство.

Боэмундъ, князь тарентскій, который и прежде игралъ видную роль въ крестоносномъ ополченіи, какъ опытный вождь, какъ храбрый, неустрашимый рыцарь, какъ устроитель рядовъ, подъ Антіохіей отличается уже какъ искусный политикъ. Боэмундъ увидѣлъ, что Антіохія, со своими неприступными и несокрушимыми укрѣпленіями, со своимъ выгоднымъ положеніемъ (недалеко отъ Средиземнаго моря, на рѣкѣ Оронтѣ, впадающемъ въ морѣ) представляетъ весьма удобный пунктъ для основанія въ ней независимаго княжества, что составляло главный предметъ всѣхъ стремленій и желаній его. Дѣла его въ Эдессѣ и Тарсѣ только разжигали честолюбіе тарентскаго князя. При достиженіи намѣченной цѣли ему могло мѣшать присутствіе въ крестоносномъ войскѣ уполномоченнаго греческаго императора. —Роль Татикія, правда, была двусмысленна, но важно то, что онъ въ походѣ былъ представителемъ и защитникомъ интересовъ греческой имперіи. Съ точки зрѣнія Татикія, и Антіохія, подобно Никеѣ, будучи взята крестоносцами, должна была принадлежать греческому императору и никому другому. Положеніе Татикія среди крестоноснаго ополченія было довольно вліятельное, онъ умѣрялъ честолюбивыя стремленія отдѣльныхъ вождей

Раймундъ Ажильскій, писатель крестовыхъ походовъ, обвиняетъ Татикія въ томъ, что онъ, отчаявшись въ успѣхѣ осады, подговаривалъ князей снять осаду съ города и расположить войска по окрестнымъ селеніямъ, что онъ поселилъ между крестоносцами вражду и измѣну и скрылся изъ лагеря. Обстоятельство это очень важно, но оно не вяжется вообще съ положеніемъ и ходомъ дѣлъ. Анна Комнина прямо обвиняетъ Боэмунда въ вынужденномъ бѣгствѣ Татикія. Эти два противуположныя извѣстія возможно объяснить слѣдующимъ образомъ. Боэмундъ, преслѣдуя свои честолюбивыя цѣли, тяготится присутствіемъ Татикія. Хотя намѣренія Боэмунда не были ни для кого тайной, крестоносцы всякій разъ, когда находились въ стѣсненномъ положеніи, вручали ему командованіе надъ союзными войсками, вынуждаемые къ этому во первыхъ необходимостью, во вторыхъ насильственными дѣйствіями со стороны самого Боэмунда; Татикій-же, представитель византійскаго императора, былъ вполнѣ независимъ и самостоятеленъ въ средѣ крестоносцевъ и въ то-же время пользовался весьма большимъ авторитетомъ и могъ оказывать вліяніе на весь ходъ дѣлъ. Боэмунду нужно было во чтобы то ни стало устранить это вліяніе. Когда разнеслась вѣсть о приближеніи 300 тысячной арміи Мосульскаго эмира Кербуги, который шелъ на выручку Антіохіи, Боэмундъ началъ доказывать вождямъ, что Кербуга подосланъ византійскимъ императоромъ, что цѣль участія Татикія въ ихъ войскѣ состоитъ въ томъ, чтобы возбуждать мусульманъ противъ крестоносцевъ. Все это возбудило въ крестоносцахъ такую непріязнь противъ Татикія, что онъ принужденъ былъ бѣжать. Бѣгство Татикія имѣло важное значеніе для всего хода событій. Крестоносцы нарушили клятву, данную византійскому императору, устранили греческій элементъ изъ своего ополченія и начали дѣйствовать на свой собственный страхъ. Послѣ бѣгства Татикія Боэмунду открылось свободное поле для его честолюбивыхъ замысловъ. Боэмундъ съигралъ здѣсь роль Ахиллеса подъ Троей. Обиженный Ахиллесъ оставляетъ станъ грековъ, проводитъ въ бездѣйствіи цѣлые мѣсяцы, пока, наконецъ, греки, тѣснимые со всѣхъ сторонъ троянцами, не были вынуждены просить его выручить ихъ изъ

бѣды. Увлекаемый честолюбіемъ Боэмундъ, видя, что при той деморализаціи, которая господствовала среди крестоносцевъ, нельзя поддержать осаду и ожидая въ тоже время съ часу на часъ прибытія сильнаго мусульманскаго ополченія, подъ начальствомъ Кербуги, сдѣлалъ рѣшительный шагъ. Онъ заявилъ крестоносцамъ, что если они не предоставятъ ему главнаго начальства надъ всѣмъ войскомъ, если не пообѣщаютъ оставить за нимъ это главенство и на будущее время для веденія дѣла крестоваго похода, если, наконецъ, не предоставятъ въ его власть Антіохіи въ случаѣ ея завоеванія, то онъ умываетъ руки и не отвѣчаетъ ни за что и вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ оставитъ ихъ. Между тѣмъ среди крестоносцевъ день ото дня увеличивалась смертность, бѣгство цѣлыхъ отрядовъ и вождей. Находясь въ такомъ положеніи, крестоносцы порѣшили предоставить Боэмунду всѣ полномочія для веденія дѣла и обѣщали исполнить все, чего онъ требовалъ.

Боэмундъ еще раньше вошелъ въ соглашеніе съ однимъ изъ офицеровъ, защищавшихъ антіохійскія стѣны. Это былъ Фирузъ, армянинъ по происхожденію. Фирузъ, какъ христіанинъ, не могъ не питать симпатіи къ крестоносцамъ, освободителямъ всего малоазіатскаго христіанства; кромѣ того, онъ имѣлъ личную вражду къ Баги-Сіану, эмиру Антіохіи. Сношенія Фируза и Боэмунда держались въ тайнѣ и никто не зналъ о нихъ. Боэмундъ назначилъ на 2-ое іюня общій приступъ на Антіохію. Въ ночь съ 1-го на 2-ое іюня онъ подвелъ свой отрядъ къ башнѣ, которую защищалъ Фирузъ; башня была сдана. Съ другой стороны въ Антіохію ворвались другіе крестоносцы, и въ городѣ началась рѣзня; большая часть мусульманскаго гарнизона, не успѣвшая спастись бѣгствомъ, была перерѣзана и перебита. Самъ Баги-Сіанъ едва спасся бѣгствомъ, но всего только на нѣсколько дней; его поймали и убили. Такимъ образомъ, 2-го іюня 1098 г. Антіохія была взята. Но немного выиграли крестоносцы, занявши городъ обнищавшій, изнуренный голодомъ, ослабленный продолжительностью предшествовавшей осады.

На другой день (3-го іюня) къ городу подошелъ эмиръ Мосульскій Кербуга съ 300-тысячной турецкой арміей. Кербуга зналъ и о слабости крестоноснаго войска, и о томъ бѣдственномъ положеніи,

въ которомъ оно находилось: крестоносное ополченіе простиралось теперь не болѣе, какъ до 120 тыс., остальныя 180 тыс. частью погибли въ битвахъ съ мусульманами и въ трудномъ переходѣ по опустошеннымъ областямъ послѣ Никейскаго дѣла, частью-же были разсѣяны въ различныхъ городахъ Малой Азіи, въ видѣ гарнизоновъ. Но и эти 120 тысячъ вошли въ городъ, лишенный всякихъ средствъ къ пропитанію, при томъ они были утомлены продолжительною осадою и длинными переходами. Кербуга зналъ это и твердо рѣшился голодомъ заставить крестоносцевъ сдаться. Крестоносцы очутились въ самомъ ужасномъ, безвыходномъ положеніи. Три недѣли они сидѣли запертыми въ городѣ, изрѣдка дѣлая незначительныя и не имѣвшія никакихъ послѣдствій вылазки, пользуясь тѣмъ, что городъ не вполнѣ тѣсно окруженъ былъ врагами. Для крестоносцевъ оставалось одно средство къ спасенію: по рѣкѣ Оронту спуститься къ Средиземному морю, въ гаваняхъ котораго были венеціанскіе торговые корабли. Но этотъ путь представлялъ много опасностей, имъ пользовались, однако, сначала по одиночкѣ, а потомъ цѣлыми отрядами, были даже случаи, что князья и знатные рыцари сдавались на милость мусульманъ или спасались бѣгствомъ къ морю.

Къ этому тяжкому для крестоносцевъ времени относится появленіе сагъ и народныхъ сказаній, которыя были продуктомъ болѣзненнаго, фантастическаго настроенія народныхъ массъ. Къ этому времени относится и происхожденіе саги о Петрѣ Пустынникѣ. Историческій Петръ Пустынникъ, спасшись послѣ уничтоженія его арміи, участвовалъ, правда, въ первомъ крестовомъ походѣ, но не какъ вождь, а какъ простой пилигримъ, безъ особенной силы, авторитета и вліянія. Только въ весьма немногочисленномъ кружкѣ простого народа Петръ Пустынникъ пользовался нѣкоторымъ почетомъ и уваженіемъ, что выражалось въ томъ, что его избирали казначеемъ. Онъ былъ между прочимъ однимъ изъ первыхъ, которые рѣшились бѣжать изъ Антіохіи, и только Боэмундъ остановилъ его. Въ это-же время составилось сказаніе о св. копьѣ. Раймундъ тулузскій, отличавшійся религіознымъ настроеніемъ между остальными крестоносными вождями, вполнѣ искренно вѣрилъ въ св. копье. Но уже Боэмундъ, находясь подъ Іерусалимомъ, подсмѣивался надъ Раймундомъ, дока-

зывая ему, что разсказъ о св. копьѣ былъ вымысломъ для поддержанія упавшаго духа и для возбужденія мужества народныхъ массъ. Преданіе о св. копьѣ появилось слѣдующимъ образомъ. Однажды приходитъ къ Раймунду тулузскому одинъ монахъ и разсказываетъ, что во время молитвы ему явился св. Андрей и сказалъ, что въ городѣ есть мѣсто, гдѣ скрыто копье, которымъ было прободено ребро Спасителя, что въ этомъ именно копьѣ крестоносцы должны искать свое спасеніе. Добродушный Раймундъ повѣрилъ этому; объявили народу, начали искать, нашли дѣйствительно заржавленное копье; толпы крестоносцевъ были воодушевлены этой находкой. Боэмундъ, назначенный главнымъ предводителемъ крестоноснаго ополченія, рѣшился сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы освободить Антіохію отъ осады. Въ мусульманскомъ войскѣ между тѣмъ происходили раздоры между предводителями, въ продолженіе трехъ недѣль многіе изъ нихъ оставили отрядъ Кербуги, такъ что осаждающая армія значительно ослабѣла. 28 іюня 1098 г. крестоносцы сдѣлали вылазку, прогнали мусульманъ и завладѣли всѣмъ ихъ лагеремъ. Спасеніе Антіохіи и славная побѣда надъ Кербугой приписана была чудесной помощи св. копья, которое съ тѣхъ поръ сдѣлалось палладіумомъ крестоносцевъ.

Когда крестоносцы овладѣли Антіохіей, религіозный энтузіазмъ ихъ вождей значительно ослабѣлъ. Цѣлый годъ они проводятъ въ бездѣйствіи, во взаимныхъ спорахъ и распряхъ изъ за обладанія Антіохіей; они какъ бы совсѣмъ забыли о главной цѣли своего предпріятія—объ освобожденіи отъ невѣрныхъ Гроба Господня. Какъ только миновала опасность отъ Кербуги, тотчасъ между сильнѣйшими вождями—Боэмундомъ Тарентскимъ и Раймундомъ Тулузскимъ возникъ довольно крупный споръ, характеризующій обоихъ предводителей. Боэмундъ напоминалъ теперь крестоносцамъ объ ихъ обѣщаніи, данномъ ему до взятія Антіохіи, и требовалъ исключительнаго господства въ городѣ. Но у Раймунда тулузскаго, представителя законности и рыцарской вѣрности долгу, была многочисленная партія, которая въ силу чисто матеріальныхъ выгодъ находила требованія Боэмунда вполнѣ несогласными съ положеніемъ крестоносцевъ. Раймундъ и его партія настаивали, къ виду данныхъ ви-

зантійскому императору обязательствъ, на томъ, что Антіохія должна быть передана во власть византійскаго правительства. Партія Раймунда взяла верхъ, и въ Константинополь было отправлено для переговоровъ посольство, во главѣ котораго стоялъ братъ французскаго короля Гуго Вермандуа. О результатахъ переговоровъ мы ничего не знаемъ, такъ какъ Гуго не возвращался болѣе въ лагерь, онъ сѣлъ на корабль и удалился въ отечество. То же сдѣлалъ и другой вождь Стефанъ Блуа, который, правда, не игралъ выдающейся роли въ ополченіи, но участвовалъ въ немъ съ значительнымъ военнымъ отрядомъ, такъ что его удаленіе не могло не ослабить крестоносное войско. Боэмундъ, чтобы отстоять свое право на господство въ Антіохіи, обратилъ вниманіе вождей на поведеніе византійскаго императора, свидѣтельствовавшее о враждебныхъ его чувствахъ къ крестоносцамъ. Въ то самое время, когда крестоносцы, лишенные средствъ къ пропитанію, изнемогали подъ Антіохіей, взятіе которой замедлялось еще и тѣмъ, что они не имѣли осадныхъ снарядовъ, византійскій императоръ находился вблизи Антіохіи съ значительными военными силами и осадными машинами и не захотѣлъ оказать крестоносцамъ никакой помощи; между тѣмъ при переправѣ крестоносцевъ черезъ Босфоръ, онъ далъ слово лично участвовать въ ихъ походѣ. Теперь же, занимая безъ особенныхъ усилій Эфесъ, Милетъ и другіе города, безъ особенныхъ жертвъ, одерживая побѣды надъ турками, ослабленными крестоносцами, императоръ покупаетъ цѣною крови крестоносцевъ легкія побѣды и расширяетъ свои владѣнія. На это именно обстоятельство указывалъ Боэмундъ, какъ на безчестный поступокъ со стороны византійскаго императора, и ему удалось убѣдить князей въ томъ, что передача Антіохіи византійскому правительству принесла бы вредъ дѣлу крестовыхъ походовъ. Такимъ образомъ Антіохія предоставлена была во власть тарентскаго князя.

Въ Антіохіи распространилась смертность, которая похитила многихъ знатныхъ, въ томъ числѣ и папскаго легата, духовнаго представителя въ первомъ крестовомъ походѣ. Крестоносное ополченіе терпѣло большой недостатокъ и въ пищѣ и въ одеждѣ. Лишенія приводили въ экстазъ простой народъ, который приписывалъ

свои несчастія небесной карѣ за то, что медлили освобожденіемъ Гроба Господня. Выведенный изъ терпѣнія народъ угрожалъ сжечь Антіохію, если его не поведутъ дальше. Честолюбивый Боэмундъ устоялъ противъ искушенія и не внялъ побужденіямъ долга, — Раймундъ же Тулузскій и другіе вожди двинулись дальше. Они направились къ Іерусалиму береговою полосою и не теряли надежды вознаградить себя другими земельными пріобрѣтеніями. Легкія побѣды надъ ослабленнымъ турецкимъ населеніемъ не вознаграждали ихъ болѣе. Они съ завистью вспоминали объ Эдессѣ, Тарсѣ и Антіохіи. Въ особенности честолюбивыми желаніями горѣлъ теперь Раймундъ, всего болѣе обиженный судьбой. Онъ былъ изъ сильнѣйшихъ вождей крестоноснаго ополченія, онъ всѣхъ теплѣе относился къ дѣлу крестовыхъ походовъ и однако до сихъ поръ онъ не владѣлъ ничѣмъ; между тѣмъ и менѣе знатные и менѣе сочувствовавшіе дѣлу похода имѣютъ уже независимыя владѣнія. Раймундъ остановился у Триполи. Уже все было готово для взятія города, какъ вдругъ Боэмундъ зорко и ревниво слѣдившій за тѣмъ, чтобы вблизи его княжества не появилось другого самостоятельнаго владѣнія подъ главенствомъ западнаго князя, прислалъ къ Триполи коварнаго Танкреда, который и помѣшалъ плану Раймунда. Въ крестоносномъ лагерѣ начались громкія жалобы на князей, простой народъ требовалъ немедленнаго движенія къ Іерусалиму. Тогда Раймундъ, находя невозможнымъ противиться далѣе общему желанію, принужденъ былъ оставить Триполи (въ серединѣ мая 1099 г.).

Крестоносцы очень много потеряли въ спорахъ изъ-за Антіохіи и Триполи. Лѣтомъ 1098 г. Іерусалимъ, находившійся во власти слабаго багдатскаго калифа, былъ завоеванъ сильнымъ египетскимъ калифомъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ приближенія крестоносцевъ къ Іерусалиму, предъ ними выростали новыя и сильныя преграды Іерусалимъ оказался весьма укрѣпленнымъ, снабженнымъ сильнымъ гарнизономъ. Между тѣмъ крестоносная армія, пришедшая къ Іерусалиму, представляла одни жалкіе остатки того блестящаго ополченія, которое два года назадъ переправилось черезъ Босфоръ. Всѣхъ крестоносцевъ было теперь не болѣе 20 тысячъ, и тѣ были изнурены, обезсилены длинными переходами, битвами и всякаго

рода лишеніями. Въ этомъ ополченіи не доставало уже многихъ знатныхъ; часть погибла отъ эпидемическихъ болѣзней, часть осталась въ различныхъ завоеванныхъ городахъ, часть воротилась въ отечество. Къ Іерусалиму пришли изъ главныхъ вождей только три: Раймундъ Тулузскій, Робертъ Нормандскій и Готфридъ Булонскій, послѣ присоединился Танкредъ. Но у нихъ не было ни средствъ, ни матеріаловъ для предстоявшихъ осадныхъ работъ. Крестоносцамъ помогли въ этомъ отношеніи Генуэзцы и Пизанцы; они доставили все необходимое для осады и средства къ пропитанію. 15-го іюля 1099 г. Іерусалимъ былъ взятъ приступомъ.

Итакъ, цѣль была достигнута, крестъ восторжествовалъ надъ исламомъ. Городъ былъ наполненъ враждебнымъ мусульманскимъ населеніемъ, завоеватели обошлись съ нимъ въ высшей степени жестоко. Какъ бы въ отомщеніе за свои продолжительныя страданія, они предали мечу и огню все, что было въ городѣ мусульманскаго. Лѣтописцы съ удовольствіемъ разсказываютъ о лужахъ крови, по которымъ ходили воины христовы. Кровожадностью и хищностью отличился Танкредъ, удовлетворившій на этотъ разъ, сколько возможно было, своей жестокости и ненасытной скупости. Первымъ дѣломъ, которое должны были рѣшить крестоносцы, былъ вопросъ объ устройствѣ административной власти въ Іерусалимѣ. Но здѣсь снова они опять раздѣлились на двѣ партіи: одна стояла за то, чтобы устроить въ Іерусалимѣ церковную республику съ патріархомъ во главѣ,—это партія духовнаго господства; другая партія выдвигала свѣтскій принципъ, эта послѣдняя взяла перевѣсъ. Предложили Раймунду Тулузскому принять на себя управленіе Іерусалимомъ, но онъ въ силу своихъ личныхъ нравственныхъ принциповъ отказался; предложили Роберту Нормандскому, и тотъ отказался. Остался одинъ Готфридъ Бульонскій, который и согласился на предложеніе, заявивъ, однако, что будетъ носить титулъ не Іерусалимскаго короля, а „защитника Гроба Господня". Такимъ образомъ Іерусалимъ былъ предоставленъ во власть герцога нижне - лотарингскаго Готфрида Бульонскаго. Это обстоятельство имѣетъ важное значеніе для послѣдующей исторіи государствъ, основанныхъ западными князьями. Въ Малой Азіи было другое княжество —Эдесса, принадлежавшее брату

Готфрида Бульонскаго — Балдуину; такимъ образомъ въ рукахъ одного дома были два владѣнія, которыя при необходимости могли соединиться и оказывать сильное вліяніе на политику и положеніе другихъ княжествъ. Врученіе власти надъ Іерусалимомъ Готфриду Бульонскому обусловливало собою усиленіе лотарингскаго дома на Востокѣ. Готфридъ Бульонскій былъ человѣкъ добрый, уступчивый, но въ то же время весьма недалекій. Онъ едва не упустилъ изъ рукъ и той незначительной доли власти, которая ему досталась. Въ первый-же годъ княженія Готфрида духовенство Іерусалимское въ высшей степени систематично начинаетъ его стѣснять, доводя его власть до минимума.

Самый желательный, естественный ходъ событій вслѣдъ за окончаніемъ перваго крестоваго похода долженъ былъ бы заключаться въ дальнѣйшемъ проведеніи того принципа, который поставили себѣ крестоносцы, — принципа укрѣпленія христіанскаго элемента въ Азіи и ослабленія мусульманскаго. Такой именно ходъ событій былъ желаемъ и ожидаемъ всѣмъ христіанскимъ населеніемъ какъ Европы, такъ и Азіи. Но такъ какъ усиленіе христіанскаго элемента въ Азіи обусловливало собою въ тоже время усиленіе тѣхъ княжествъ, которыя были основаны крестоносцами и такъ какъ это послѣднее обстоятельство было противно видамъ и интересамъ византійской имперіи, то ходъ событій принялъ совершенно иное направленіе. Византійскіе цари съ этихъ поръ всегда стояли на стражѣ своихъ собственныхъ интересовъ и препятствовали дѣлу усиленія христіанскаго элемента въ Малой Азіи; этимъ обстоятельствомъ объясняется все негодованіе, всѣ обвиненія, которыя направлены противъ Византіи со стороны западно-европейцевъ.

Турецкій султанъ Килиджъ-Арсланъ, выгнанный изъ Никеи, стѣсненный въ Иконіи, предоставившій всю переднюю Азію ея собственнымъ судьбамъ, не былъ уже болѣе серіознымъ врагомъ для Византіи, которая и поспѣшила возстановить свои права въ Малой Азіи. Но разъ передняя Азія перешла во владѣніе Византіи, политика византійскаго императора пошла дальше: онъ началъ подумы-

вать о томъ, чтобы подчинить своей власти и Сирію, Палестину и владѣнія, основанныя крестоносцами. Вотъ почему въ событіяхъ XII ст. мы встрѣчаемся съ явленіемъ въ высшей степени любопытнымъ. Византійскій императоръ, объявляя войну крестоносцамъ, часто заключаетъ союзы съ тѣмъ самымъ народомъ, который такъ недавно еще готовъ былъ разрушить византійскую имперію, — заключаетъ союзы съ турками. Тоже самое дѣлаютъ и западные князья: угрожаемые со стороны византійской имперіи, они видя въ ослабленныхъ туркахъ менѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ были для нихъ теперь греки, заключаютъ съ турками союзы, чтобы общими силами выжить изъ Азіи безпокойный греческій элементъ. Въ этомъ именно обстоятельствѣ и заключается весь трагизмъ положенія дѣлъ и интересъ изученія эпохи.

Между всѣми князьями выдающееся положеніе занялъ Боэмундъ. Онъ, устроившись въ Антіохіи, сохранилъ сношенія съ западной Европой, что доставило ему весьма благопріятныя условія и выгодное положеніе для предстоявшей ему дѣятельности. Боэмундъ рѣшился округлить свои антіохійскія владѣнія; это и было вполнѣ осуществимо, такъ какъ тѣ незначительные и слабые представители мусульманскаго элемента, которые еще остались вокругъ Антіохіи, не могли оказать большого сопротивленія. Но Боэмундъ въ 1099 г. встрѣчается съ неожиданнымъ для него противодѣйствіемъ. Императоръ Алексѣй, такъ часто обѣщавшій прислать войско и лично участвовать въ походѣ послѣ занятія Іерусалима крестоносцами, поднимаетъ оружіе противъ самихъ крестоносцевъ, направивъ свои дѣйствія на первый разъ противъ самаго опаснаго своего сосѣда князя антіохійскаго. Онъ снарядилъ флотъ и приказалъ осаждать приморскій городъ Лаодикею, занятый отрядомъ Роберта Нормандскаго. Отдать Лаодикею греческому императору было далеко не въ интересахъ антіохійскаго князя, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ всегда былъ бы подверженъ непріятному сосѣдству и наблюденію со стороны грековъ. Поэтому взаимныя отношенія норманновъ и грековъ въ 1099 г., принимая все болѣе рѣзкій характеръ, дошли наконецъ до полнаго разрыва. Борьба между противниками возгорѣлась и привлекла къ участію посто-

ронніи силы. Къ малоазійскимъ берегамъ въ это время прибыли корабли генуэзцевъ и пизанцевъ, привезшіе свѣжія, хотя немногочисленныя военныя силы, направлявшіяся въ св. землю. Имъ Боэмундъ и указалъ, что опасность грозитъ въ настоящее время не отъ мусульманъ, а отъ грековъ, и легко привлекъ ихъ къ участію въ борьбѣ. Такимъ образомъ Боэмундъ, свой личный интересъ сдѣлавъ общимъ дѣломъ, выгналъ греческій гарнизонъ изъ Лаодикеи, а пизанцы начали дѣлать нападенія на приморскіе города.

Сила Боэмунда была въ высшей степени серьезна, другіе князья сравнительно съ нимъ не имѣли значенія. У Готфрида, князя Іерусалимскаго, было не болѣе 200 рыцарей и до двухъ тысячъ мало дисциплинированнаго войска. При такой малочисленности дружины положеніе „защитника Гроба Господня“ было весьма незавидное. Боэмундъ понялъ это, и желалъ распространить свое вліяніе на Іерусалимъ. Для этого отправился въ столицу Готфрида какъ-бы для того, чтобы исполнить тотъ нравственный долгъ, который лежалъ на немъ—поклониться Гробу Господню. Его сопровождаетъ довольно значительная армія, простиравшаяся до 20 тысячъ. Боэмундъ оказалъ такое вліяніе на дѣла въ Іерусалимѣ, что патріархомъ Іерусалима былъ выбранъ архіепископъ пизанскій Адальбертъ, человѣкъ вполнѣ преданный Боэмунду. Новый патріархъ, честолюбивый и ловкій политикъ, направилъ свои дѣйствія къ тому, чтобы отнять у Готфрида и ту тѣнь власти, которую тотъ еще имѣлъ. Адальбертъ хотѣлъ основать на востокѣ святой престолъ, подобно римскому, ввести въ Іерусалимѣ духовный абсолютизмъ и подчинить себѣ всѣ свѣтскія княжества.

Если мы припомнимъ характеръ норманнскихъ завоевателей, какъ Роллонъ, основавшій свои владѣнія въ Нормандіи, какъ Робертъ Гвискаръ, утвердившійся въ Италіи; если примемъ во вниманіе политику и средства, какими пользовались эти князья для достиженія своихъ цѣлей, то мы будемъ имѣть возможность понять и оцѣнить дѣйствія Боэмунда. Боэмундъ считалъ себя ничѣмъ не ниже Роллона и Роберта Гвискара и хотѣлъ повторить въ Азіи дѣла, которыя его предки совершили въ Европѣ. Боэмундъ былъ уже близокъ къ осуществленію исторической задачи нормандскаго народа. Владѣя

сильной арміей, онъ округляетъ свое антіохійское княжество; здѣсь были мелкія государства, принадлежавшія турецкимъ эмирамъ; но эти эмиры не могли оказать Боэмунду сильнаго сопротивленія, такъ какъ они были ослаблены войной съ крестоносцами, къ тому-же ихъ силы были разъединены внутренними раздорами. Но стремленія Боэмунда имѣли трагическій исходъ, отразившійся неблагопріятнымъ образомъ на всемъ христіанскомъ дѣлѣ. Боэмундъ напалъ на опаснаго соперника въ лицѣ Данишменда Мелика-Гази, эмира Сивасскаго (на Галисѣ). Оставшись позади крестоносцевъ, Данишменды успѣли настолько усилиться, что послѣ окончательнаго ослабленія иконійскаго султана, выступили къ 1101 году главнымъ оплотомъ мусульманскаго элемента въ Азіи. Появленіе этой силы было вполнѣ ново и неожиданно для Боэмунда.

Когда Боэмундъ, по просьбѣ армянскаго князя Гавріила, въ Малатіи, пошелъ войной на Мелика-Гази, то противъ ожиданія встрѣтился съ сильнымъ турецкимъ отрядомъ, потерпѣлъ полное пораженіе, захваченъ со многими рыцарями въ плѣнъ и отведенъ въ Неокесарію, гдѣ содержался около четырехъ лѣтъ (1101—1104 г.). Этотъ плѣнъ имѣлъ важное значеніе для всѣхъ христіанскихъ земель въ Азіи: христіане остались безъ своего главы, были предоставлены собственнымъ силамъ среди враждебнаго магометанскаго населенія. Боэмундъ, находясь въ плѣну у Мелика-Гази, очень можетъ быть, сдѣлался его политическимъ наставникомъ и учителемъ. Какъ ни былъ грубъ Данишмендъ, онъ понялъ цѣну своего плѣнника. Когда византійскій императоръ пожелалъ выкупить Боэмунда, Меликъ-Гази потребовалъ огромную сумму денегъ. Греческое правительство готово было на всѣ жертвы, лишь-бы избавиться отъ грознаго норманна. Но тутъ спасло Боэмунда совершенно случайное обстоятельство: Меликъ-Гази и Килиджъ-Арсланъ поссорились между собою изъ за того, какъ должна была быть раздѣлена между ними выкупная сумма за Боэмунда. Боэмундъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы выставить имъ на видъ опасность со стороны византійскаго императора. Онъ выяснилъ имъ, что царь Алексѣй, завладѣвши имъ, избавится отъ сильнаго и грознаго врага и направитъ тогда свои силы противъ нихъ, что если они дорожатъ

собственно выкупной суммой, то ее выплатятъ имъ друзья его — князья Іерусалима и Эдессы, что въ данномъ случаѣ важнѣе не деньги, а политическіе интересы, въ достиженіи которыхъ онъ можетъ оказать большую услугу всему турецкому народу, соединившись съ нимъ противъ византійскаго императора. Боэмундъ обѣщалъ турецкимъ вождямъ всю переднюю Азію, а себѣ выговаривалъ только Антіохію. Уполномоченный византійскій Григорій Таронитъ, который велъ съ турецкими князьями переговоры о выкупѣ Боэмунда, былъ вовлеченъ въ обманъ и потому не донесъ византійскому императору, что переговоры приняли неблагопріятный для Византіи оборотъ. Меликъ-Гази, получивъ за Боэмунда выкупъ отъ одного армянскаго князя, освободилъ его на волю и препроводилъ въ Тарсъ *).

Возвратившись въ Антіохію, Боэмундъ собралъ въ свои руки всѣ нити политическаго движенія. Онъ составилъ большой союзъ, въ которомъ участвовали какъ магометанскія, такъ и христіанскія силы и прежде всего направилъ свой ударъ противъ эмира Моссула и Алеппо, который наиболѣе тѣснилъ христіанъ во время нахожденія его въ плѣну. Хотя средства, собранныя Боэмундомъ, и были значительны, но результатъ далеко не соотвѣтствовалъ его ожиданіямъ: христіанскіе князья потерпѣли полное пораженіе въ битвѣ при Гарранѣ (1104 г.). Это пораженіе имѣло весьма важное значеніе для судьбы христіанскихъ княжествъ на Востокѣ, оно возбудило новыя надежды въ мусульманахъ и грекахъ и поставило на край гибели самое существованіе крестоносцевъ. Къ тому-же и въ

*) Нѣсколько монетъ, сохранившихся отъ этого времени, даютъ намъ весьма любопытный и въ высшей степени драгоцѣнный матеріалъ для уясненія положенія дѣлъ въ эту эпоху. Монеты принадлежатъ царству Данишмендовъ; на одной сторонѣ изображенъ Іисусъ Христосъ, на другой сторонѣ греческими литерами выбито: «Меликъ-Гази, царь Романіи и Анатоліи» — явленіе въ высшей степени знаменательное; оно прямо характеризуетъ намъ Мелика-Гази. Онъ не былъ похожъ на тѣхъ дикихъ турецкихъ завоевателей, которые жгли, опустошали, и уничтожали все, что было внѣ ислама. Меликъ-Гази проводитъ принципъ вѣротерпимости, предоставляетъ подчиненнымъ народамъ политическую свободу, оставляя неприкосновеннымъ греческій языкъ и греческое письмо. Въ этихъ монетахъ въ настоящее время имѣется единственное указаніе на ту политическую роль, какую игралъ въ передней Азіи Данишмендъ и которая была усвоена имъ, безъ всякаго сомнѣнія, по внушенію такого умнаго политика, какъ Боэмундъ.

будущемъ не предвидѣлось благопріятной перемѣны обстоятельствъ, потому что христіане не сохранили между собою солидарности; между вождями двухъ племенъ норманновъ и провансальцевъ продолжала рости вражда и недовѣріе. Провансальцы въ отсутствіи Боэмунда, при помощи греческаго императора, завладѣли Триполи, обстоятельство, которое было весьма нежелательно для Боэмунда, такъ какъ близкое сосѣдство провансальцевъ могло серьезно угрожать судьбамъ антіохійскаго княжества. Кромѣ того, Боэмундъ имѣлъ основаніе недовѣрчиво относиться къ провансальцамъ еще и потому, что они въ продолженіе всего крестоваго похода отстаивали интересы византійскаго царя, заклятаго врага Боэмунда. Послѣ роковаго для христіанъ пораженія при Гарранѣ, всякая попытка со стороны Боэмунда, въ смыслѣ ослабленія византійской или мусульманской силы въ Азіи казалась уже неосуществимой и несвоевременной, ибо силы христіанъ были въ высшей степени ослаблены. Король Іерусалимскій, который по своему положенію долженъ былъ-бы играть передовую роль среди христіанскаго элемента и стоять въ челѣ всякаго предпріятія, направленнаго для ослабленія враговъ Христовыхъ, Іерусалимскій король, „защитникъ Гроба Господня“, лишенъ былъ всякой силы, всякаго авторитета. Если и оставались у кого средства для борьбы, то онѣ сосредоточивались въ рукахъ антіохійскаго князя. Но онъ мало заботился объ общихъ интересахъ, онъ преслѣдовалъ свои личныя цѣли. Такимъ образомъ политическій горизонтъ христіанъ былъ мраченъ; ихъ выручило случайное обстоятельство.

Для исполненія своей завѣтной мечты, Боэмундъ составляетъ обширный и дальновидный планъ. Находя наличныя средства христіанъ недостаточными для борьбы съ двумя силами, мусульманской и греческой, онъ рѣшилъ вызвать для этой борьбы новыя силы изъ Европы. Онъ сообщилъ князьямъ, что они переживаютъ въ данную минуту весьма опасное для себя время. „Но опасное время“, утѣшалъ онъ, „возбуждаетъ къ великимъ планамъ и предпріятіямъ. Я полагаю, что въ Антіохіи можете оставаться вы одни; я же отправлюсь въ Европу и привлеку новыя силы для борьбы“. Но Боэмундъ былъ далекъ отъ мысли составить второй крестовый походъ; честолюбивый и себялюбивый князь преслѣдовалъ одну личную

цѣль—уничтожить византійскаго императора въ Азіи. Этотъ планъ выясняется изъ дѣйствій Боэмунда, когда онъ былъ въ плѣну у мусульманъ, а равно и изъ послѣдующихъ обстоятельствъ. Для выполненія этого плана представлялось немаловажное затрудненіе. Греческій императоръ, какъ-бы предчувствуя, что подобный планъ могъ зародиться въ умѣ предпріимчиваго норманна, приказалъ греческимъ военнымъ судамъ крейсировать у береговъ малой Азіи. Существуетъ легенда, которую повторяетъ и Анна Комнина: чтобы обмануть бдительность грековъ, Боэмундъ будто-бы, приказалъ положить себя въ гробъ и такимъ образомъ удалось кораблю, везшему живаго мертвеца, пройти безпрепятственно ту оберегательную линію, которую составили греческія суда у береговъ малой Азіи. Съ острова Корфу Боэмундъ послалъ письмо, полное сильныхъ угрозъ, греческому императору.

Въ Италіи Боэмунда ожидала восторженная встрѣча какъ героя и борца за святое дѣло. Папа Пасхалисъ II — человѣкъ добрый и довѣрчивый вошелъ въ виды Боэмунда, далъ ему рекомендательныя письма къ королямъ французскому и нѣмецкому и разрѣшилъ проповѣдовать походъ противъ схизматическихъ грековъ. Боэмундъ провелъ въ Европѣ три года, и не даромъ. Его вполнѣ заслуженная слава, какъ лучшаго предводителя крестовыхъ походовъ, выросла на глазахъ Европейцевъ и доставила ему желанный успѣхъ. Король французскій женилъ его на одной изъ своихъ дочерей (Констанція), а другую выдалъ за Танкреда, чѣмъ Боэмундъ завязывалъ связи съ коронованными европейскими особами. Его проповѣдь имѣла полный успѣхъ въ Ломбардіи, Франціи и Германіи. Къ началу 1107 г. возвратившись въ южную Италію, онъ сталъ выжидать соединенія навербованныхъ имъ силъ. Приморскія города — Генуя, Венеція и Пиза предложили къ услугамъ его флотъ. Весною 1107 г. въ южной Италіи собралось многочисленное (свыше 30 тысячъ) ополченіе, снабженное въ изобиліи оружіемъ и съѣстными припасами. Эта эскадра должна была внушать серьезныя опасенія грекамъ. Такимъ образомъ, во имя идеи, уничтоженія византійскаго господства и завоеванія греческой импе-

ріи подъ знаменами Боэмунда соединились Германія, Франція, сѣверъ и югъ Италіи.

Ополченіе, во главѣ котораго стоялъ норманнскій вождь, направилось прямо къ византійскимъ владѣніямъ и осадило городъ Драчъ (Dyrrachium). Въ 1081 г. Робертъ Гвискаръ нападалъ на византійскія владѣнія, но съ тѣхъ поръ обстоятельства во многомъ измѣнились въ пользу Имперіи. Вслѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ крестоносцами на востокѣ, Византія избавилась отъ врага, угрожавшаго ей въ Азіи и императоръ Алексѣй, располагая значительными морскими и сухопутными силами, имѣлъ полную возможность защищать свои западныя владѣнія. Драчъ оказался очень сильнымъ и укрѣпленнымъ городомъ, для взятія котораго нужно было сдѣлать еще большія приготовленія: построить лѣстницы, стѣнобитныя машины, башни, а лѣсу у крестоносцевъ не было. Къ этому присоединилось еще то, что греческій флотъ отнялъ у крестоносцевъ возможность подвоза съѣстныхъ припасовъ. Крестоносцы начали терпѣть лишенія; поднялся ропотъ среди войска; отъ Боэмунда требовали, чтобы онъ не тратилъ безполезно времени въ осадѣ одного города, а велъ бы войско дальше. Подобное внутреннее и внѣшнее положеніе дѣлъ заставило Боэмунда прекратить осаду и начать переговоры съ византійскимъ императоромъ. Царь Алексѣй хорошо зналъ своего противника и потому въ переговорахъ употребилъ всю осторожность и настойчивость. Въ 1108 году былъ заключенъ миръ, унизительный для честолюбія норманнскаго князя. Онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ плановъ, отъ притязаній на Киликію, Лаодикею и провансальскія владѣнія, обязался передать Антіохію византійскому царю, если не оставитъ послѣ себя мужскаго поколѣнія, и, что еще унизительнѣе, даже употребить силу противъ своего брата, если бы онъ не согласился на эти условія. Этимъ и оканчивается дѣятельность Боэмунда. Съ 1108 г. онъ не играетъ уже никакой роли. Можетъ быть, онъ и хотѣлъ еще разъ повторить свою попытку, но на этотъ разъ не встрѣтилъ болѣе того одушевленія въ Европѣ, какое нашелъ ранѣе. Да и обстоятельства были совсѣмъ иныя. Папа Пасхалисъ былъ въ борьбѣ съ германскимъ императоромъ Генрихомъ V, заня-

тый тяжелою и рискованною борьбою, папа на этотъ разъ иначе взглянулъ на дѣло Боэмунда и не только не оказалъ ему поддержки, но даже вошелъ въ сношенія съ византійскимъ царемъ и былъ готовъ сдѣлать ему крупныя уступки относительно южной Италіи, чтобы получить отъ него помощь въ борьбѣ съ Императоромъ. Боэмундъ умеръ въ 1111-мъ году.

Оцѣнивая дѣятельность Боэмунда, мы должны признать, что онъ принесъ много вреда всему христіанскому дѣлу на востокѣ, что онъ есть главный виновникъ всѣхъ бѣдствій, неудачъ и потерь крестоносцевъ. Христіане на востокѣ должны были преслѣдовать одну цѣль: твердо сохраняя солидарность между собою, они должны были заключить въ тоже время прочный союзъ съ византійской имперіей и направить всѣ силы на мусульманъ. Между тѣмъ роковая ошибка христіанъ заключалась въ ихъ соревнованіи между собою и во враждѣ съ Византіей, самая сильная отвѣтственность въ этомъ отношеніи падаетъ на Боэмунда. Онъ своимъ честолюбіемъ поселилъ антагонизмъ между византійскою имперіею и крестоносцами. Онъ первый ввелъ въ практику тотъ странный пріемъ, къ которому впослѣдствіи прибѣгали и византійскіе императоры; онъ первый началъ заключать дружественные союзы съ тѣмъ народомъ, противъ котораго было направлено все крестоносное движеніе.

Въ виду ложнаго направленія, даннаго крестовому походу по винѣ Боэмунда, и принимая во вниманіе слишкомъ незначительныя силы, какими располагали оставшіеся на Востокѣ вожди, естественно возникаетъ вопросъ: чѣмъ же держались основанныя крестоносцами княжества антіохійское, іерусалимское и эдесское?

Главная волна крестоносцевъ, отхлынувшая на западъ, питала тамъ чувство соревнованія своими разсказами о подвигахъ и успѣхахъ, которые имѣли крестоносцы въ Азіи. Правда, эти же разсказы говорили объ опасностяхъ и лишеніяхъ, которымъ подвергались крестоносцы; но рыцарскіе роды, не владѣвшіе землями на западѣ, и не имѣвшіе надежды на пріобрѣтеніе военной славы и добычи на родинѣ, охотно поддавались мечтамъ прославить себя военными подвигами и пріобрѣсти независимыя владѣнія. Такимъ

образомъ возвратившіеся на родину изъ Азіи крестоносцы оживили въ своихъ европейскихъ соотечественникахъ религіозный энтузіазмъ и чувство военной чести. Результатъ этого — приливъ новыхъ волнъ западныхъ народовъ на востокъ. Въ 1101 г. послѣдовало первое движеніе. Бароны Италіи, Франціи и отчасти Германіи составили сильное ополченіе, которое только отчасти въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ весьма немногочисленныхъ вождей было проникнуто религіознымъ энтузіазмомъ; большинство же рыцарей питали честолюбивыя цѣли. Отрядъ этотъ, простиравшійся до 300 тысячъ человѣкъ, направился въ Азію обычнымъ путемъ, которымъ шли всѣ крестоносцы черезъ Константинополь. Участь этого ополченія весьма печальна; его вожди, узнавъ, что главная опора восточныхъ христіанъ — Боэмундъ находится въ плѣну у мусульманъ, хотѣли силою освободить Боэмунда. Въ стычкахъ съ Килиджъ-Арсланомъ и султаномъ Каппадокійскимъ Данишмендомъ, они были почти всѣ уничтожены; только весьма незначительная часть ихъ достигла Антіохіи и Іерусалима и поддержала ослабленныя силы Танкреда и Балдуина.

Другое большое движеніе произошло въ 1107 г., подъ предводительствомъ Боэмунда; какъ мы видѣли выше, отрядъ Боэмунда потерпѣлъ полную неудачу при Драчѣ, и только часть его достигла Сиріи.

Итальянскіе торговые города: Генуя, Венеція и Пиза - увидѣли въ крестовыхъ походахъ средство распространенія своей торговли. Эти города владѣли уже торговыми факторіями на многихъ островахъ Средиземнаго моря; теперь, пользуясь крестоноснымъ движеніемъ, они основываютъ свои факторіи въ Сиріи и Палестинѣ, и снабжаютъ крестоносцевъ военными кораблями. Лучшими своими успѣхами крестоносцы обязаны военнымъ силамъ и помощи италіанскихъ городовъ. Особенно сильный энтузіазмъ охватилъ въ это время сѣверную Италію и южную Францію, которыя и высылали многочисленные отряды. Такимъ образомъ въ теченіи всего XII столѣтія происходитъ движеніе рыцарей съ запада на востокъ и послѣдовательно продолжается приливъ новыхъ силъ, который оказалъ большую поддержку христіанамъ, пріобрѣвшимъ независимыя владѣнія на во-

стокѣ. Это и было первымъ средствомъ, которымъ держались христіанскія княжества.

Второе средство, поддерживавшее восточныхъ христіанъ противъ напора мусульманъ, заключалось въ рыцарскихъ орденахъ религіозно-военнаго характера. Происхожденіе этихъ орденовъ слѣдующее. Благочестивые люди устраивали въ Іерусалимѣ благотворительныя заведенія—богадѣльни, госпитали, цѣль которыхъ была оказывать помощь какъ бѣднымъ пилигримамъ, такъ и туземному христіанскому населенію: здѣсь находили пріемъ всѣ бѣдные, не имѣвшіе собственныхъ средствъ къ жизни, и всѣ тѣ, которые нуждались въ присмотрѣ и уходѣ. Такова была цѣль этихъ учрежденій еще въ XI ст.; въ XII ст. они ставятъ себѣ новыя задачи и новыя цѣли.

Одному изъ такихъ монашескихъ братствъ Балдуинъ отвелъ мѣсто по близости къ Соломонову храму. Это братство, владѣвшее значительными средствами, расширило свои первоначальныя задачи, поставивши себѣ цѣлью поддержать падающія христіанскія княжества на востокѣ; такимъ образомъ это братство получило чисто военный характеръ: «Milites templi», Тампліеры. Одинъ изъ членовъ этого братства, Гуго Пайенскій отправился на западъ и, запасшись письмами папы, набиралъ прозелитовъ въ орденъ. Германскій императоръ и англійскій король сдѣлали богатыя пожертвованія, которыя дали возможность ордену тампліеровъ составить значительныя военныя силы. Рыцари этого ордена, отличавшіеся хорошимъ вооруженіемъ, составляли лучшее христіанское войско на востокѣ. Ихъ отличительная одежда – бѣлый плащъ съ краснымъ крестомъ, наводили ужасъ на мусульманъ.

Рядомъ съ орденомъ Тампліеровъ образовался и другой военный монашескій орденъ — Госпиталистовъ. Первою цѣлью этого братства была благотворительность. Когда Тампліеры преобразовали свой орденъ въ монашествующее рыцарство, то ихъ примѣру послѣдовали и Госпиталисты (иначе называемые—Іоанниты); отличительная одежда ихъ — черный плащъ съ бѣлымъ крестомъ. Эти ордена получили рѣшительное преобладаніе въ дѣлахъ и судьбахъ іерусалимскаго королевства и были могучими факторами въ борьбѣ христіанъ съ мусульманами.

Еще значительнѣе было третье средство, которое поддерживало христіанскія королевства на востокѣ. Провансальскіе бароны не могли забыть того, что сюзеренъ ихъ, тулузскій герцогъ былъ княземъ въ Триполи; точно въ такомъ же положеніи относительно востока находились князья и бароны лотарингскіе: двое изъ лотарингскихъ князей имѣли на востокѣ княжества — одинъ Эдесское, другой — Іерусалимское. Связь Лотарингіи и Прованса съ тремя упомянутыми малоазійскими княжествами была жива и поддерживалась обмѣномъ отношеній. Особенное значеніе имѣло событіе 1131 года, когда прекратилась въ Іерусалимѣ лотарангская линія. Балдуинъ, король іерусалимскій, предъ смертью сдѣлалъ весьма умный шагъ: онъ связалъ родственными узами линію лотарингскаго дома съ одной изъ самыхъ сильныхъ графскихъ фамилій на западѣ; онъ обручилъ свою дочь Мелизинду съ Фулько, графомъ Анжу и Мена. Графства Анжу и Менъ, окружавшія родовыя владѣнія французскаго королевскаго дома (Капетинговъ), были гораздо обширнѣе королевскихъ владѣній; графы Анжу и Мена далеко превосходили своимъ могуществомъ Капетинговъ. Балдуинъ, предложивши руку своей дочери одному изъ самыхъ сильныхъ феодальныхъ французскихъ владѣтелей, связалъ интересы іерусалимскаго королевства съ интересами анжуйскаго дома, владѣвшаго всей средней Франціей; теперь въ дѣлахъ іерусалимскаго княжества была заинтересована не только южная Франція, но и средняя. Но этотъ союзъ обѣщалъ еще громадныя политическія выгоды для всего христіанскаго востока въ ближайшее время. Именно, послѣ прекращенія въ Англіи линіи Вильгельма завоевателя, англійская корона была предложена анжуйскому дому и сынъ Фулька сдѣлался королемъ Англіи. Когда такимъ образомъ во власти одного дома сосредоточились половина Франціи, вся Великобританія и іерусалимское королевство, домъ анжуйскій заявилъ свои претензіи на норманнскую корону. Важность этого союза для христіанскихъ княжествъ на Востокѣ будетъ вполнѣ ясна, если скажемъ, что благодаря лишь ему въ половинѣ XII столѣтія могъ состояться второй крестовый походъ.

Переходъ іерусалимскаго княжества во власть анжуйскаго дома имѣлъ и внутреннее значеніе для самого Іерусалима. Фулько хотѣлъ

дать іерусалимскому княжеству то устройство, которое было въ его земляхъ. Основные законы Іерусалимскаго королевства, извѣстны подъ именемъ Ассизовъ (Les assises de Jérusalem). Обыкновенно устройство іерусалимскаго королевства и происхожденіе Ассизовъ приписывается Балдуинамъ. Но Ассизы носятъ на себѣ чисто-феодальный характеръ; они — копія съ феодальныхъ хартій западной Европы. Нѣтъ сомнѣнія, что такое устройство Іерусалиму могъ дать только тотъ князь, который былъ знакомъ вполнѣ съ феодальнымъ строемъ западной Европы; Фулько именно имѣлъ свои владѣнія въ томъ государствѣ, гдѣ феодальный режимъ былъ лучше всего развитъ и поэтому „городское устройство и законы ленной системы" должны быть отнесены къ его времени. Хотя существованіе христіанскихъ княжествъ было обезпечено приливомъ военныхъ силъ съ запада, вызываемымъ общностью интересовъ, но внутреннее положеніе ихъ далеко не соотвѣтствовало цѣлямъ и пользамъ европейскаго христіанства. Нельзя читать безъ сожалѣнія исторію этихъ княжествъ между первымъ и вторымъ крестовымъ походомъ. Между тѣмъ, какъ вся цѣль ихъ должна была направляться къ ослабленію сильныхъ центровъ мусульманскаго востока — Алеппо, Моссула и Багдада, христіанскія княжества разъѣдаемы были внутренней борьбой и мелкими интригами; въ каждомъ княжествѣ вассалы стоятъ въ раздорѣ со своими сюзеренами.

Серьезная опасность грозила восточнымъ христіанамъ со стороны византійской имперіи. Мы видѣли, что еще Алексѣй Комнинъ объявилъ войну Антіохіи. Царствованіе его преемника Іоанна Комнина представляетъ рядъ завоеваній въ малой Азіи, имѣвшихъ цѣлью захватить Антіохію. Князь Антіохіи даетъ вассальную присягу Іоанну Комнину, направлявшемуся уже съ военными силами къ Іерусалиму. Въ то-же время эмиръ Моссула Имадеддинъ Зенги, родственникъ Кербуги, взялъ приступомъ Эдессу (1144 г.). Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ угрожающимъ положеніемъ, принятымъ императоромъ Іоанномъ Комниномъ, поставило христіанъ въ такое отчаянное положеніе, что ихъ могла спасти только экстренная помощь со стороны западной Европы.

ГЛАВА III.

Второй крестовый походъ.

Политика христіанскихъ князей на Востокѣ преслѣдовала ложную цѣль—уничтоженіе Византійскаго господства въ Азіи и ослабленіе того элемента, на который естественно нужно было расчитывать въ дѣлѣ уничтоженія мусульманъ. Такая политика привела къ тому, что мусульмане, ослабленные и отодвинутые внутрь Азіи вслѣдствіе перваго крестоваго похода, снова усилились и начали изъ Месопотаміи угрожать христіанскимъ владѣніямъ. Одинъ изъ наиболѣе сильныхъ мусульманскихъ эмировъ, эмиръ Моссула-Имад-эд-динъ Зенги, началъ весьма серьезно угрожать передовымъ княжествамъ. Въ 1144 г. Зенги сдѣлалъ сильный натискъ, который окончился взятіемъ Эдессы и паденіемъ Эдесскаго княжества. Это наносило весьма чувствительный ударъ всему восточному христіанству: эдесское княжество составляло форпостъ, о который разбивались волны мусульманскихъ приливовъ, въ эдесскомъ княжествѣ былъ оплотъ, защищавшій весь христіанскій міръ. Въ то время, когда Эдесса пала подъ ударами мусульманъ, другія христіанскія княжества находились или въ стѣсненномъ положеніи, или были заняты вопросами чисто-эгоистическаго характера и поэтому какъ не могли подать помощи Эдесскому княжеству, такъ не въ состояніи были замѣнить для христіанъ его значенія. Въ Іерусалимѣ незадолго передъ тѣмъ умеръ король Фулько, тотъ самый, который соединилъ интересы іерусалимскаго княжества съ интересами своихъ французскихъ владѣній. Послѣ его смерти, во главѣ королевства стала вдова, королева Мелизинда, опекунша Балдуина III; непокорность вассальныхъ князей отняла у нея всякую возможность и средства даже для защиты собственныхъ владѣній — Іерусалимъ

находился въ опасности и не могъ подать помощи Эдессѣ. Что касается Антіохіи, то князь Раймундъ завязалъ несчастную войну съ Византіей, кончившуюся для него полною неудачею, — и такимъ образомъ также не могъ подать помощи Эдессѣ.

Слухъ о нападеніи Эдессы произвелъ сильное впечатлѣніе на Западѣ, и въ особенности во Франціи. Франція во весь періодъ крестовыхъ походовъ отличалась своею отзывчивостью къ интересамъ христіанъ на Востокѣ; изъ Франціи всего больше шло на Востокъ рыцарей; Франція болѣе другихъ европейскихъ государствъ чувствовала связи съ Востокомъ, ибо въ Эдессѣ, Іерусалимѣ, Триполи сидѣли князья французскаго происхожденія.

И тѣмъ не менѣе для поднятія новаго крестоваго похода въ западной Европѣ не представлялось благопріятныхъ условій. Прежде всего во главѣ римской церкви было лицо, которое далеко не могло равняться съ современникомъ перваго похода. Къ 1144 году на римскомъ престолѣ сидѣлъ Евгеній III, человѣкъ, не отличавшійся ни большой силой воли, ни энергіей, ни умомъ, не имѣвшій широкихъ политическихъ взглядовъ. Евгенію III предстояло бы, пользуясь властнымъ положеніемъ церкви, принять подъ свою руку дѣло защиты восточно-азіатскихъ княжествъ, но къ этому времени положеніе папы, даже въ самой Италіи, было далеко не властное, римскій престолъ былъ жертвою партіи. Евгеній III недавно успѣлъ побѣдить антипапу, нуждался въ помощи Германскаго короля и настоятельными просьбами призывалъ его въ Италію. Кромѣ того ему угрожало въ Римѣ новое направленіе, въ конецъ низпровергавшее авторитетъ его. Въ Римѣ дѣйствовалъ проповѣдникъ, представитель философско-политическаго направленія, Арнольдъ Брешіанскій, ученикъ Бернарда, аббата Клерво. Какъ Арнольдъ Брешіанскій, такъ и его знаменитый учитель происходили изъ извѣстной монашеской конгрегаціи монастыря Клюни и были выразителями идей, распространяемыхъ этимъ монастыремъ. Арнольдъ столько же былъ политикъ-философъ, сколько и проповѣдникъ. Его политическіе взгляды были основаны на демократическомъ принципѣ. Онъ боролся всѣми силами своего краснорѣчія и вліянія противъ свѣтской власти папы и противъ злоупотребленій, вкравшихся въ

церковный строй того времени. За Арнольдомъ слѣдовалъ цѣлый рядъ проповѣдниковъ-монаховъ, распространявшихъ тѣ-же идеи. Проповѣдь Арнольда подняла цѣлую бурю противъ папы. Къ тому-же времени городовое движеніе, съ его демократическимъ характеромъ, особенно энергично охватило Италію. Во главѣ городовъ стоятъ не архіепископъ, не свѣтскіе феодалы и дворяне, а народъ; воскресла и древняя форма правленія — сенатъ и народъ, воскресъ даже античный терминъ „senatus populusque Romanus“. Вмѣсто устарѣлаго устройства, вмѣсто вассалитета и сюзеренитета выдвигаются коммуны, которыя въ высшей степени неблагосклонно относятся къ духовнымъ князьямъ. Германскій король Конрадъ III поставленъ былъ также въ затруднительныя обстоятельства борьбою съ Вельфами; онъ въ свою очередь выжидалъ поддержки изъ Рима, надѣясь, что папа пришлетъ ему корону и тѣмъ укрѣпитъ его шаткое положеніе на тронѣ. Такимъ образомъ нельзя было надѣяться, что папа или король приметъ на себя иниціативу втораго крестоваго похода. Этой иниціативы нужно было искать въ другомъ мѣстѣ.

Послѣ разгрома Эдессы значительная часть свѣтскихъ и духовныхъ лицъ явилась съ Востока въ Италію и Францію; здѣсь они обрисовывали положеніе дѣлъ на Востокѣ и возбудили своими разсказами народныя массы. Во Франціи королемъ былъ Людовикъ VII; рыцарь въ душѣ, онъ чувствовалъ себя связаннымъ съ Востокомъ и былъ склоненъ предпринять крестовый походъ. На короля, какъ и на всѣхъ его современниковъ, оказывало сильное вліяніе то литературное движеніе, которое глубоко проникло всю Францію и распространилось даже по Германіи. Подразумѣваемое здѣсь литературное движеніе составляетъ обширный циклъ поэтическихъ сказаній, заключающихся въ пѣсняхъ рыцарей и дворянства. Эта устная литература, обширная и разнообразная, воспѣвавшая подвиги борцовъ христіанства, облекая ихъ фантастическими образами, повѣтствовала о бѣдствіяхъ христіанъ на Востокѣ, держала въ возбужденномъ состояніи народъ и разжигала его страсти. Не чужды были ея вліянія и высшіе слои — духовные и свѣтскіе князья. Людовикъ VII, прежде чѣмъ рѣшиться на такой важный шагъ, какъ походъ въ Св. землю, спросилъ мнѣнія у аббата Сугерія,

своего воспитателя и совѣтника, который, не отговаривая короля отъ добраго намѣренія, посовѣтовалъ принять всѣ мѣры, чтобы обезпечить должный успѣхъ предпріятію. Людовикъ пожелалъ узнать настроеніе народа и духовенства. Духовная политика XII стол. находилась въ рукахъ Св. Бернарда, аббата недавно основаннаго монастыря Клерво. Личность Бернарда въ высшей степени импозантная и авторитетная. Величественная фигура, изможденное лицо, пылкая огненная рѣчь—все это доставляло ему непобѣдимую силу и громадное вліяніе, предъ которымъ никто не могъ устоять. Бернардъ былъ уже хорошо извѣстенъ во всей Европѣ; онъ не разъ являлся въ Римѣ рѣшителемъ дѣла того или другого папы. Ему не разъ уже предлагали епископскія и архіепископскія мѣста, но онъ всегда отказывался отъ повышеній и этимъ еще болѣе выигрывалъ въ глазахъ своевременниковъ; онъ былъ самый рѣзкій противникъ Абеляра, неблагосклонно относился къ проповѣдямъ и дѣйствіямъ своего ученика Арнольда Брешіанскаго. Къ этому авторитету, какъ къ нравственной силѣ, обратился французскій король, прося Бернарда принять участіе въ дѣлѣ поднятія Европы къ крестовому походу: Бернардъ не принялъ на свою отвѣтственность такого важнаго дѣла; онъ далъ совѣтъ обратиться къ папѣ. Евгеній III одобрилъ планъ короля и поручилъ св. Бернарду проповѣдь о крестовомъ походѣ, снабдивъ его воззваніемъ къ французскому народу. Въ 1146 г. св. Бернардъ присутствовалъ на государственномъ собраніи въ Бургундіи (Везеле), онъ сѣлъ рядомъ съ королемъ Людовикомъ, надѣлъ на него крестъ и произнесъ рѣчь, въ которой приглашалъ вооружиться на защиту Гроба Господня противъ невѣрныхъ. Такимъ образомъ съ 1146 г. вопросъ о крестовомъ походѣ былъ рѣшенъ съ точки зрѣнія французовъ. Южная и средняя Франція двинула многочисленную армію, которая была вполнѣ достаточна для того, чтобы дать отпоръ мусульманамъ.

Роковымъ шагомъ и большой ошибкой со стороны св. Бернарда было то, что онъ, упоенный успѣхомъ, который имѣлъ во Франціи, рѣшился повести дѣло далѣе, возбудить идею крестоваго похода за предѣлами Франціи—въ Германіи. Движеніе и само по себѣ дошло до Рейна, гдѣ выразилось въ крайне рѣзки

именно въ антисемитическомъ движеніи. Слухи объ этомъ дошли до св. Бернарда и были весьма непріятны для него и требовали, по его мнѣнію, его личнаго присутствія въ этой странѣ. Явившись за Рейнъ, св. Бернардъ сурово порицалъ духовныхъ лицъ, не сдерживавшихъ своимъ авторитетомъ страстей народныхъ; но онъ не ограничился этимъ и пошелъ дальше. Онъ задумалъ привлечь къ крестовому походу Германію, которая могла внести въ это движеніе новые элементы, не гармонировавшіе съ тѣми, которые были во Франціи. Конрадъ III до прибытія св. Бернарда не обнаруживалъ склонности подняться на защиту св. мѣстъ. Аббатъ Клерво зналъ настроеніе Конрада и задался мыслью обратить его.

Обращеніе Конрада произошло при картинной обстановкѣ. Наканунѣ 1147 г. Бернардъ былъ приглашенъ отпраздновать вмѣстѣ съ Конрадомъ первый день Новаго года. Послѣ торжественной мессы Бернардъ произнесъ рѣчь, которая обладала такою силою и вліяніемъ на умы, что для слушателей она казалась словомъ, исходившимъ изъ устъ Самого Спасителя. Очертивъ въ высшей степени яркими красками бѣдственное положеніе христіанъ на Востокѣ, онъ отъ лица Самого Спасителя обратился со слѣдующей рѣчью къ Конраду: „О, человѣкъ! Я далъ тебѣ все, что я могъ дать: могущество, власть, всю полноту духовныхъ и физическихъ силъ; какое-же употребленіе ты сдѣлалъ изъ всѣхъ этихъ даровъ для службы Мнѣ? ты не защищаешь даже того мѣста, гдѣ Я умеръ, гдѣ Я далъ спасеніе душѣ твоей; скоро язычники распространятся по всему міру, говоря, гдѣ ихъ Богъ". — „Довольно! воскликнулъ король, проливая слезы: я буду служить Тому, Кто искупилъ меня". Побѣда Бернарда была рѣшительна надъ неподатливостью нѣмцевъ, надъ нерѣшительностью Конрада.

Рѣшеніе Конрада III участвовать во второмъ крестовомъ походѣ отозвалось весьма живо во всей германской націи. Съ 1147 г. и въ Германіи началось такое-же одушевленное общее движеніе, какъ и во Франціи. Само собою разумѣется, что это дѣло лично для славѣ Бернарда въ высшей степени было заманчиво; по всей Германіи ходили разсказы о силѣ и вліяніи слова его, о его рѣшительной побѣдѣ надъ королемъ, увеличивая славу его подви-

говъ, поднимая его авторитетъ въ глазахъ современниковъ. Но привлеченіе нѣмцевъ къ участію во второмъ крестовомъ походѣ было въ высшей степени вредно для исхода второго крестоваго похода. Участіе Германцевъ измѣнило дальнѣйшій ходъ всего дѣла и привело къ тѣмъ печальнымъ результатамъ, которыми окончился второй крестовый походъ.

Въ XII стол. большое значеніе для успѣха всѣхъ внѣшнихъ политическихъ предпріятій имѣли союзы, симпатіи или антипатіи государствъ. Французская нація, во главѣ своего короля, выставила значительныя силы. Какъ самъ король Людовикъ VII, такъ и феодальные французскіе князья выказали много сочувствія дѣлу второго крестоваго похода; собрался отрядъ, численностью до 70 тысячъ. Цѣль, которую предстояло достигнуть второму крестовому походу, была ясно намѣчена и строго опредѣлена. Задача его состояла въ томъ, чтобы ослабить моссульскаго эмира Зенги и отнять у него Эдессу. Эту задачу успѣшно выполнило бы и одно французское войско, состоявшее изъ хорошо вооруженной арміи, которая по пути увеличилась вдвойнѣ приставшими добровольцами. Если бы крестоносное ополченіе 1147 г. состояло изъ однихъ французовъ, оно направилось бы другимъ путемъ, болѣе краткимъ и болѣе безопаснымъ, чѣмъ тотъ, который оно избрало подъ вліяніемъ Германцевъ. Французы въ политической системѣ той эпохи представляли націю совершенно обособленную, которая своими ближайшими интересами склонялась къ Италіи. Сицилійскій король Рожеръ II и французскій король находились въ близкихъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе этого для французскаго короля всего естественнѣе было избрать путь чрезъ Италію, откуда онъ могъ, воспользовавшись норманнскимъ флотомъ и также флотомъ торговыхъ городовъ, которые, какъ мы видѣли раньше, явились такими энергичными помощниками въ первомъ крестовомъ походѣ, удобно и скоро прибыть въ Сирію. Этотъ путь представлялся болѣе краткимъ и удобнымъ уже потому, что онъ приводилъ крестоносцевъ не во враждебныя владѣнія мусульманъ, а въ тѣ земли Сиріи и Палестины, которыя принадлежали уже христіанамъ, этотъ путь, слѣдовательно, не только не требовалъ бы отъ крестоноснаго ополченія никакихъ жертвъ, а напро-

тивъ обѣщалъ ему вполнѣ благопріятные результаты. Кромѣ того, путь через южную Италію имѣлъ за собой еще то преимущество, что къ ополченію могъ присоединиться и Сицилійскій король. Людовикъ VII, снесшись съ Рожеромъ II, готовъ былъ двинуться черезъ Италію.

Германскій король былъ носителемъ совершенно противоположныхъ политическихъ идей. Постоянное стремленіе германской націи завладѣть южной Италіей ставило каждаго германскаго короля въ необходимость считать до тѣхъ поръ свою задачу неоконченною, пока онъ не побывалъ въ Италіи и въ Римѣ, не получилъ отъ папы императорской короны, а отъ итальянскаго населенія присяги на вѣрность. Съ этой стороны стремленія германскихъ королей угрожали прямо интересамъ норманнскаго элемента въ южной Италіи и въ данную минуту интересамъ сицилійскаго короля Рожера II. Сила сицилійскаго короля была обусловлена слабымъ вліяніемъ въ Италіи германского императора. Естественно, что Рожеръ II былъ далеко не въ благопріятныхъ отношеніяхъ съ императоромъ; между двумя народностями германской и норманнской не могло быть союза. Но въ разсматриваемую эпоху дѣло было гораздо хуже. Конрадъ менѣе всего задавался цѣлью заключать союзы съ западно-европейскими державами; напротивъ, незадолго передъ тѣмъ онъ заключилъ союзъ съ Византіей. Въ союзѣ германскаго короля съ византійскимъ императоромъ таилось осуществленіе той задачи, которую старался выполнить еще Алексѣй Комнинъ во время перваго крестоваго похода: германскому королю и византійскому царю представлялась полная возможность взять въ свои руки крестоносное движеніе и повести его къ осуществленію своихъ задачъ. Участіе французскаго короля во второмъ крестовомъ походѣ усложняло и затрудняло разрѣшеніе этой задачи; но тѣмъ не менѣе у Конрада III и Мануила Комнина оставалась полная возможность сообща направить движеніе къ общехристіанской цѣли и играть въ этомъ движеніи главную заправляющую роль.

Когда поднялся вопросъ о пути и средствахъ движенія, Германскій король предложилъ избрать тотъ путь, которымъ шли и первые германскіе крестоносцы—на Венгрію, Болгарію, Сербію, Ѳракію и Македонію. Германцы настаивали на томъ, чтобы и

французскій король двинулся этимъ путемъ, мотивируя свое предложеніе тѣмъ, что лучше избѣгать раздѣленія силъ, что движеніе черезъ владѣнія союзнаго и даже родственнаго съ германскимъ королемъ государя вполнѣ обезпечено отъ всякаго рода случайностей и неожиданностей и что съ византійскимъ царемъ начаты по этому вопросу переговоры, въ благопріятномъ результатѣ которыхъ Конрадъ не сомнѣвался.

Лѣтомъ 1147 г. началось движеніе черезъ Венгрію; Конрадъ шелъ впереди, мѣсяцемъ позже шелъ за нимъ Людовикъ.

Рожеръ Сицилійскій, который ранѣе не заявлялъ намѣренія участвовать во второмъ крестовомъ походѣ, но который однако не могъ оставаться равнодушнымъ къ исходу его, потребовалъ отъ Людовика исполненія заключеннаго между ними договора — направить путь черезъ Италію. Людовикъ долго колебался, но уступилъ союзу съ германскимъ королемъ. Рожеръ понялъ, что если бы онъ теперь и принялъ участіе въ походѣ, то положеніе его было бы вполнѣ изолированнымъ. Онъ снарядилъ корабли, вооружился, но не для того, чтобы оказать помощь общему движенію; онъ началъ дѣйствовать на собственный страхъ сообразно норманнской политикѣ относительно Востока; сицилійскій флотъ сталъ грабить острова и приморскія земли, принадлежащія Византіи, берега Иллиріи, Далмаціи и южной Греціи. Опустошая византійскія владѣнія, сицилійскій король завладѣлъ островомъ Корфу и въ то же время, чтобы съ успѣхомъ продолжать свои морскія операціи противъ Византіи и чтобы обезпечить себя съ стороны африканскихъ мусульманъ, заключилъ съ послѣднимъ союзъ.

Такимъ образомъ крестоносное движеніе въ самомъ началѣ было поставлено въ самое неблагопріятное положеніе. Съ одной стороны западный король дѣлаетъ нападенія на византійскія владѣнія въ то самое время, когда крестоносцы подходили къ Константинополю; съ другой стороны составился союзъ христіанскаго короля съ мусульманами, союзъ прямо враждебный успѣху крестовыхъ походовъ. Политика норманнскаго короля тотчасъ отозвалась на отдаленномъ востокѣ. Въ крестовомъ ополченіи участвовала масса людей, которые не желали подчиняться германскому и французскому королямъ,

не признавали надъ собой никакого авторитета. Какъ бы ни желали короли благополучно довести свое войско до Константинополя, не возбуждая ропота въ туземномъ населеніи грабежами и насиліями, имъ было трудно удержать порядокъ и дисциплину въ своемъ войскѣ: добровольцы, приставшіе къ ополченію, отдѣлялись отъ войска, грабили, наносили оскорбленія и насилія жителямъ. Это не могло не поселить недоразумѣній между византійскимъ царемъ и германскимъ королемъ, начались взаимныя неудовольствія и упреки въ неисполненіи договоровъ и конвенцій. Во Ѳракіи дошло даже до открытыхъ столкновеній. Крестоносцы жаловались на то, что имъ несвоевременно доставлялись съѣстные припасы и фуражъ; византійцы обвиняли крестоносцевъ въ грабежѣ. Хотя византійскій царь былъ увѣренъ въ расположеніи къ себѣ Конрада, но для него не было тайной отсутствіе дисциплины въ крестовомъ войскѣ и слабый авторитетъ короля. Царь Мануилъ боялся, что Конраду не удастся обуздать буйную и не покорную толпу, что эта толпа, жадная къ наживѣ, можетъ начать въ виду Константинополя грабежи и насилія и вызоветъ серьезныя смуты въ столицѣ. Поэтому Мануилъ старался отстранить крестоносное ополченіе отъ Константинополя и совѣтовалъ Конраду переправиться на азіатскій берегъ Галлиполи. Это было бы дѣйствительно лучше, ибо предупредило бы много различныхъ недоразумѣній и стычекъ. Но крестоносцы силой пробились къ Константинополю, сопровождая свой путь грабежами и насиліями. Въ сентябрѣ 1147 г. опасность для Византіи со стороны крестоносцевъ была серьезна: у стѣнъ Константинополя стояли раздраженные германцы, предававшіе все грабежу; черезъ двѣ-три недѣли нужно было ожидать прибытія французскихъ крестоносцевъ; соединенныя силы тѣхъ и другихъ могли угрожать Константинополю серьезными непріятностями. Въ то же время до византійскаго царя доходили извѣстія о взятіи Корфу, о нападеніяхъ норманнскаго короля на приморскія византійскія владѣнія, о союзѣ Рожера II съ египетскими мусульманами.

Подъ вліяніемъ грозившей со всѣхъ сторонъ опасности, Мануилъ сдѣлалъ шагъ, который въ самомъ корнѣ подрывалъ предположенныя вторымъ крестовымъ походомъ задачи и цѣли, онъ

заключилъ союзъ съ турками-сельджуками; правда, это не былъ союзъ наступательный, онъ имѣлъ цѣлью обезопасить имперію и пригрозить латинянамъ на случай, если бы послѣдніе вздумали угрожать Константинополю. Но тѣмъ не менѣе этотъ союзъ имѣлъ весьма важное значеніе въ томъ отношеніи, что онъ давалъ понять сельджукамъ, что имъ придется считаться только съ однимъ западнымъ ополченіемъ. Заключая этотъ союзъ съ иконійскимъ султаномъ, Мануилъ давалъ понять, что онъ не смотритъ на сельджуковъ, какъ на враговъ. Оберегая свои личныя интересы, онъ умывалъ руки, предоставляя крестоносцамъ дѣйствовать на собственный рискъ собственными силами и средствами. Такимъ образомъ противъ крестоваго ополченія составилось два христіанско-мусульманскихъ союза; одинъ—прямо враждебный крестоносному ополченію—это союзъ Рожера II съ египетскимъ султаномъ, другой союзъ византійскаго царя съ иконійскимъ султаномъ—былъ не въ интересахъ крестоваго похода. Все это было причиной тѣхъ неудачъ, которыми закончился второй крестовый походъ.

Мануилъ поспѣшилъ удовлетворить Конрада и перевезъ нѣмцевъ на противоположный берегъ Босфора. Едва-ли въ это время византійскій царь и могъ обезпечить дальнѣйшій ходъ дѣлъ на азіатской территоріи. Крестоносцы, дали себѣ первый отдыхъ въ Никеѣ, гдѣ произошли уже серьезныя недоразумѣнія. 15-ти-тысячный отрядъ отдѣлился отъ нѣмецкаго ополченія и на собственный страхъ направился приморскимъ путемъ къ Палестинѣ. Конрадъ съ остальнымъ войскомъ избралъ тотъ путь, котораго держалось первое крестоносное ополченіе — черезъ Дорилей, Иконій, Гераклею. Въ первой сшибкѣ (26 окт. 1147 г.), происшедшей въ Каппадокіи, близь Дорилея, нѣмецкое войско, застигнутое врасплохъ, было разбито на голову, большая часть ополченія погибла или была взята въ плѣнъ, весьма немногіе воротились съ королемъ въ Никею, гдѣ Конрадъ сталъ поджидать французовъ. Почти въ то самое время, когда Конрадъ потерпѣлъ страшное пораженіе, Людовикъ VII приближался къ Константинополю. Происходили обычныя столкновенія между французскимъ войскомъ и византійскимъ правительствомъ. Зная симпатіи между Людовикомъ VII и Рожеромъ II,

Мануилъ не считалъ безопаснымъ продолжительное пребываніе въ Константинополѣ французовъ. Чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ и понудить рыцарей къ ленной присягѣ, царь Мануилъ употребилъ хитрость. Между французами былъ пущенъ слухъ, что нѣмцы, переправившіеся въ Азію, быстро подвигаются впередъ, шагъ за шагомъ одерживаютъ блистательныя побѣды, такъ что французамъ нечего будетъ дѣлать въ Азіи. Соревнованіе французовъ было возбуждено; они требовали переправить ихъ поскорѣе черезъ Босфоръ. Здѣсь уже, на Азіатскомъ берегу, французы узнали о несчастной участи нѣмецкаго войска; въ Никеѣ свидѣлись оба короля — Людовикъ и Конрадъ и рѣшились продолжать путь вмѣстѣ, въ вѣрномъ союзѣ.

Такъ какъ путь отъ Никеи до Дорилея былъ покрытъ трупами и облитъ христіанскою кровью, оба короля желали избавить войско отъ тяжелаго зрѣлища и потому направились обходнымъ путемъ, на Адрамитій, Пергамъ и Смирну. Путь этотъ былъ чрезвычайно трудный, замедлявшій движеніе войска; выбирая этотъ путь, короли надѣялись встрѣтить здѣсь менѣе опасностей со стороны мусульманъ. Надежды ихъ однако не оправдались: турецкіе наѣздники держали въ постоянномъ напряженіи крестоносную армію, замедляли путь, грабили, отбивали людей и обозъ. Кромѣ того, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и фуража заставилъ Людовика бросать массу вьючныхъ животныхъ и багажа. Французскій король, не предвидя всѣхъ этихъ затрудненій, взялъ съ собою многочисленную свиту; поѣздъ его, въ которомъ участвовала и его супруга Элеонора, былъ въ высшей степени блистательный, пышный, не соотвѣтствовавшій важности предпріятія, соединеннаго съ такими затрудненіями и опасностями. Крестоносное ополченіе двигалось очень медленно, теряя на своемъ пути массу людей, вьючнаго скота и багажа.

Въ началѣ 1148 г. оба короля прибыли въ Ефесъ съ жалкими остатками войска, тогда какъ при переправѣ ополченія черезъ Босфоръ, Византійцы, конечно преувеличено, насчитывали его до 90 тысячъ. Въ Ефесѣ короли получили отъ византійскаго императора письмо, въ которомъ послѣдній приглашалъ ихъ въ Кон-

стантинополь отдохнуть. Конрадъ отправился морскимъ путемъ въ Константинополь, а Людовикъ, съ большимъ трудомъ добравшись до приморскаго города Аттахіи, выпросилъ у Византійскаго правительства кораблей и съ остатками войска въ мартѣ 1148 г. прибылъ въ Антіохію. Разсказанными событіями, можно сказать, исчерпывается весь результатъ втораго крестоваго похода; громадныя арміи королей растаяли подъ ударами мусульманъ; а короли — французскій и нѣмецкій, соединившіеся для одной цѣли, скоро разошлись и стали преслѣдовать противоположныя задачи.

Раймундъ Антіохійскій принялъ французовъ очень радушно: послѣдовалъ рядъ празднествъ и торжествъ, въ которыхъ французская королева Элеонора играла первенствующую роль. Не замедлила проявиться интрига, которая не осталась безъ вліянія на общій ходъ дѣлъ: Элеонора вступила въ связь съ Раймундомъ. Само собою разумѣется, Людовикъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ, униженнымъ, онъ потерялъ энергію, воодушевленіе и охоту вести начатое дѣло. Но были обстоятельства, которыя еще хуже отозвались на дѣлѣ втораго крестоваго похода. Пребываніе Конрада III въ Константинополѣ въ зиму 1147—1148 г. сопровождалось охлажденіемъ между нимъ и византійскимъ императоромъ. Весною 1148 г. Конрадъ отправился изъ Константинополя въ Малую Азію, но только не въ Антіохію для соединенія съ французскимъ королемъ, а прямо въ Іерусалимъ. Какъ для Раймунда, такъ и для Людовика было въ высшей степени непріятно извѣстіе, что Конрадъ оставилъ задачи крестоваго похода и предался интересамъ іерусалимскаго королевства. Балдуинъ III, король Іерусалима, побудилъ Конрада стать во главѣ войска, котораго Іерусалимское королевство могло выставить до 50 тысячъ, и предпринять походъ противъ Дамаска. Это предпріятіе слѣдуетъ считать въ высшей степени невѣрнымъ и ошибочнымъ, да оно и не входило въ виды 2-го крестоваго похода. Движеніе противъ Дамаска въ интересахъ іерусалимскаго княжества окончилось весьма печальными результатами. Въ Дамаскѣ, правда, находилась довольно грозная сила; но весь центръ тяжести мусульманскаго востока, вся сила, и опасность для христіанъ сосредоточивались въ это время не въ Да-

маскѣ, а въ Моссулѣ. Эмиръ моссульскій Зенги, а не другой кто завоевалъ Эдессу и угрожалъ остальнымъ христіанскимъ владѣніямъ. Послѣ смерти Зенги въ Моссулѣ сидѣлъ сынъ его Нурединъ (Нур-эд-динъ), который пріобрѣлъ весьма крупную, хотя и печальную извѣстность въ восточныхъ христіанскихъ лѣтописяхъ, какъ самый непримиримый и грозный врагъ Антіохіи и Триполи. Само собою разумѣется, что если его не ослабили въ 1148 г., онъ впослѣдствіи могъ сдѣлаться грозною, роковою силою для всего восточнаго христіанства. Въ Іерусалимѣ этого не поняли. Нѣмецкій король сталъ во главѣ 50-ти тыс. арміи и направился противъ Дамаска. Это вызвало антихристіанскую коалицію: эмиръ Дамаска заключилъ союзъ съ Нурединомъ. Политика христіанъ на востокѣ въ данное время, когда у нихъ не было значительныхъ военныхъ силъ, должна была быть очень осторожна; входя въ борьбу съ какимъ-бы то ни было мусульманскимъ центромъ, христіане должны были быть навѣрное, чтобы не поднимать противъ себя коалицій со стороны мусульманъ. Между тѣмъ Конрадъ и Балдуинъ III шли съ закрытыми глазами и не озаботились ознакомиться съ мѣстными условіями. Дамаскъ оказался укрѣпленнымъ сильными стѣнами и защищеннымъ значительнымъ гарнизономъ; осада Дамаска требовала продолжительнаго времени и значительныхъ усилій. Христіанское войско направило свои силы противъ той части города, которая казалась болѣе слабой. Между тѣмъ въ лагерѣ распространились слухи, что съ сѣвера на выручку Дамаска идетъ Нурединъ. Конрадъ съ горстью нѣмцевъ не терялъ надежды на сдачу Дамаска. Но въ лагерѣ христіанъ составилась измѣна, которая, впрочемъ, еще недостаточно выяснена, хотя объ ней упоминается у многихъ лѣтописцевъ. Будто-бы Іерусалимскій король, патріархъ и рыцари, подкупленные золотомъ мусульманъ, распространили слухи, что Дамаскъ непобѣдимъ съ той стороны, съ которой подошли къ нему крестоносцы. Вслѣдствіе этого осаждающіе перешли на другую сторону города, которая была дѣйствительно неприступна. Проведя довольно продолжительное время въ безполезной осадѣ, угрожаемые съ сѣвера Нурединомъ, христіане должны были отступить отъ Дамаска, не достигнувъ ничего. Эта неудача тяжело

отозвалась на рыцарскомъ королѣ Конрадѣ и на всемъ войскѣ. Не было охотниковъ продолжать дѣло второго крестоваго похода, т. е. идти дальше на сѣверъ и въ союзѣ съ Антіохіей вести войну противъ главнаго врага—эмира моссульскаго. Энергія и рыцарскій энтузіазмъ Конрада ослабѣли, и онъ рѣшилъ вернуться на родину. Осенью 1148 г. на византійскихъ корабляхъ онъ прибылъ въ Константинополь, а оттуда въ началѣ 1149 г. возвратился въ Германію, не сдѣлавъ въ сущности ничего для дѣла христіанъ на востокѣ, а, напротивъ, обезславивъ себя и нѣмецкую націю.

Людовикъ VII, какъ человѣкъ молодой, съ большимъ рыцарскимъ энтузіазмомъ. не рѣшился, подобно Конраду, бросить такъ скоро начатаго имъ дѣла. Но въ то же время, при затруднительности положенія, онъ не рѣшился на энергическія мѣры. Въ его свитѣ нашлись лица, которыя не считали окончательною задачу крестоваго похода, и считая возвращеніе назадъ дѣломъ унизительнымъ для рыцарской чести, совѣтовали ему оставаться въ Антіохіи и ждать подкрѣпленія, т. е. прибытія новыхъ силъ съ Запада для выручки Эдессы. Но были и такіе, которые указывая на примѣръ Конрада, уговаривали короля возвратиться на родину; Людовикъ VII поддался вліянію послѣднихъ и рѣшился возвратиться. Въ началѣ 1149 г. онъ на норманнскихъ корабляхъ переправился въ южную Италію, гдѣ имѣлъ свиданіе съ норманнскимъ королемъ и осенью 1149 г. прибылъ во Францію.

Такимъ образомъ второй крестовый походъ, который казался такимъ блистательнымъ, такъ много обѣщавшимъ въ началѣ, сопровождался вполнѣ ничтожными результатами. Мусульмане не только не были ослаблены, а напротивъ, нанося христіанамъ одно пораженіе за другимъ, уничтожая цѣлыя крестоносныя арміи, получили большую увѣренность въ собственныхъ силахъ, энергія ихъ увеличилась, у нихъ зародились надежды на уничтоженіе христіанскаго элемента въ Малой Азіи. На Востокѣ происходили рѣзкія столкновенія между нѣмецкимъ и романскимъ элементомъ. Нѣмецкое войско въ глазахъ другихъ націй было принижено своими роковыми неудачами. Уже послѣ пораженія Конрада III, нѣмцы служили предметомъ насмѣшекъ для французовъ; слѣдовательно, второй по-

ходъ показалъ, что совмѣстныя дѣйствія французовъ и нѣмцевъ на будущее время невозможны. Этотъ походъ обнаружилъ также рознь между палестинскими и европейскими христіанами. Для восточныхъ христіанъ 50-ти-лѣтнее пребываніе среди мусульманскаго элемента не прошло безслѣдно въ культурномъ отношеніи. Такимъ образомъ между поселившимися въ Азіи европейцами и прибывавшими сюда изъ Европы новыми крестоносцами обнаружилась принципіальная рознь; они взаимно стали не понимать другъ друга. Меркантильный характеръ, подкупъ, распущенность, развратъ сдѣлались отличительною чертою нравовъ палестинскихъ христіанъ.

Неудача второго крестоваго похода сильно отозвалась на французской націи, въ памяти которой долго сохраняется отзвукъ этой неудачи. Она должна была лечь пятномъ на чести церкви, въ особенности она подорвала авторитетъ св. Бернарда, а также и папы: Бернардъ поднялъ массы народа, онъ называлъ крестовый походъ дѣломъ, угоднымъ Богу, предсказывалъ хорошій исходъ. Послѣ позорныхъ неудачъ поднялся сильный ропотъ противъ Бернарда: Бернардъ не пророкъ, говорили, а лжепророкъ; а папа, давшій свое благословеніе, не представитель церкви, а антихристъ. Папа сваливалъ всю отвѣтственность на Бернарда, послѣдній говорилъ, что онъ дѣйствовалъ по приказанію папы.

Въ высшей степени интересна тенденція, возникающая къ этому времени среди романскихъ народовъ: стали взвѣшивать, особенно французы, обстоятельства перваго и второго походовъ, стали доискиваться, какіе были недостатки ихъ организаціи и причины неуспѣха. Выводъ былъ простой: нельзя достигнуть цѣли походовъ потому, что на дорогѣ стояло схизматическое византійское царство, сначала нужно уничтожить это препятствіе. Эта тенденція, возникающая въ половинѣ XII вѣка, пріобрѣтаетъ затѣмъ все болѣе и болѣе сторонниковъ на западѣ. Благодаря постепенному распространенію этой идеи въ массы народа, четвертый крестовый походъ, въ которомъ участвовали венеціанцы, норманны и частью французы, направляется не прямо на Востокъ, а на Константинополь и достигаетъ блистательнаго результата; онъ кончился взятіемъ Константинополя и подчиненіемъ Византіи латинскому элементу.

Результатомъ второго похода былъ огорченъ въ особенности молодой Людовикъ VII. Возвратившись на родину, Людовикъ пришелъ къ сознанію необходимости поправить свою ошибку, смыть пятно съ своего имени. Составленъ былъ соборъ, на которомъ снова подвергся обсужденію вопросъ о новомъ походѣ и, что очень удивительно, нашлась опять масса людей, которые, объятые религіознымъ энтузіазмомъ, вновь готовы были идти въ Св. Землю. Случилось нѣчто еще болѣе удивительное: на соборъ явился и св. Бернардъ и сталъ говорить, что предстоящій походъ будетъ уже удаченъ. На соборѣ стали раздаваться голоса, что недавній походъ былъ неудаченъ потому, что не поставили во главѣ его св. Бернарда. Явилось предложеніе поручить ему веденіе новаго похода. Папа принялъ вѣсть объ этомъ несочувственно. Онъ назвалъ самого Бернарда безумцемъ, а въ оффиціальномъ документѣ характеризировалъ подобное отношеніе къ дѣлу, как глупость. Послѣ этого и Людовикъ нѣсколько охладѣлъ къ задуманному походу.

Изъ детальныхъ чертъ нужно указать еще два момента, относящіеся ко второму крестовому походу, которые показываютъ, что въ 1149 г. религіозная идея похода совершенно отступаетъ на задній планъ. Если во время перваго крестоваго похода въ нѣкоторыхъ князьяхъ еще было видно религіозное воодушевленіе, то теперь оно совершенно падаетъ. Къ эпохѣ второго крестоваго похода относятся два похода, стоящіе совершенно отдѣльно отъ главнаго движенія. Когда началось движеніе въ Св. Землю во второй разъ, нѣкоторые сѣверо-германскіе князья, какъ Генрихъ Левъ, Альбрехтъ Медвѣдь и другіе князья, сообразили, что не имѣютъ надобности искать борьбы съ невѣрными на отдаленномъ Востокѣ, что рядомъ съ ними есть масса вендовъ, языческихъ народовъ славянскаго происхожденія, которые до сихъ поръ не принимали къ себѣ христіанскихъ проповѣдниковъ. Сѣверо-германскіе князья снеслись съ Римомъ, и папа разрѣшилъ имъ направить свое оружіе противъ славянъ. Ближайшія лица—Генрихъ Левъ и Альбрехтъ Медвѣдь были мѣстные графы, князья саксонскіе. Задача саксонскаго племени, начиная съ Карла Великаго, заключалась въ культурной и религіозной борьбѣ со славянскимъ элементомъ, силѣв-

шимъ между Эльбой и Одеромъ. Трудно сказать, чтобы эта борьба, направлявшаяся за Эльбу и Одеръ, велась исключительно въ интересахъ религіозныхъ. Она имѣла въ виду также и цѣли чисто экономическаго характера; саксонскіе князья стремились пріобрѣсть новыя земли для колонизаціи и тѣмъ способствовать распространенію нѣмецкаго элемента на Востокѣ. Разъ земля завоевана, является правитель области — маркграфъ, являются миссіонеры и колонисты. Альбрехтъ Медвѣдь былъ маркграфъ Бранденбурга, возникшаго на славянскихъ земляхъ. Для похода на славянъ составилась армія, доходившая до 100 тысячъ человѣкъ. Представителемъ вендскихъ славянъ былъ въ то время князь Бодричей Никлотъ, который могъ оказать нѣмцамъ лишь слабое сопротивленіе. Результатомъ похода, одобреннаго церковью, сопровождавшагося страшными жестокостями, убійствами и грабежемъ, было то, что нѣмцы пріобрѣли еще болѣе прочное положеніе въ славянскихъ земляхъ. Второй моментъ, о которомъ мы упомянули, заключается въ слѣдующемъ. Часть норманнскихъ, французскихъ и англійскихъ рыцарей была занесена бурею въ Испанію. Здѣсь они предложили Альфонсу, Португальскому королю, свои услуги противъ мусульманъ и въ 1148 г. захватили Лиссабонъ. Многіе изъ этихъ крестоносцевъ остались навсегда въ Испаніи, и только очень незначительная часть направилась въ Св. Землю, гдѣ принимала участіе въ неудачномъ дѣлѣ противъ Дамаска.

ГЛАВА IV.

Третій крестовый походъ.

Положеніе христіанскихъ государствъ на Востокѣ послѣ второго крестоваго похода осталось въ томъ же состояніи, въ какомъ оно находилось до 1147 г. Ни французскій, ни германскій король ничего не сдѣлали для ослабленія Нуредина. Между тѣмъ въ самихъ христіанскихъ государствахъ Палестины замѣчается внутреннее разложеніе, которымъ и пользуются сосѣдніе мусульманскіе властители. Распущенность нравовъ въ антіохійскомъ и іерусалимскомъ княжествахъ обнаруживается особенно рѣзко послѣ окончанія второго крестоваго похода. Къ несчастью, какъ въ іерусалимскомъ, такъ и въ антіохійскомъ государствахъ во главѣ правленія стоятъ женщины—въ іерусалимскомъ царица Мелезинда, мать Балдуина III, въ антіохійскомъ съ 1149 г. Констанція, вдова князя Раймунда. Начинаются придворныя интриги, престолъ окружаютъ временщики, у которыхъ не доставало ни желанія, ни умѣнья стать выше интересовъ партіи. Мусульмане же, увидя безуспѣшность попытокъ европейскихъ христіанъ освободить Св. Землю, начали наступать на Іерусалимъ и Антіохію съ большею рѣшительностью; особенную извѣстность и роковое значеніе для христіанъ пріобрѣтаетъ съ половины XII столѣтія Нурединъ, эмиръ Алеппо и Моссула, стоявшій гораздо выше христіанскихъ государей по своему характеру, уму и пониманію историческихъ задачъ мусульманскаго міра. Нурединъ обратилъ всѣ свои силы противъ антіохійскаго княжества. Въ войнѣ Раймунда антіохійскаго съ Нурединомъ, которая велась въ теченіи 1147—49 г.г., антіохійцы не разъ были разбиты на голову, въ 1149 г. палъ въ одномъ сраженіи самъ Раймундъ. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ въ Антіохіи стало не лучше, чѣмъ въ Іерусалимѣ. Всѣ событія второй половины XII столѣтія на Востокѣ группиру-

ются главнѣйшимъ образомъ около величественной импозантной фигуры Нуредина, котораго затѣмъ смѣняетъ не менѣе величественный Саладинъ. Владѣя Алеппо и Моссуломъ, Нурединъ не ограничивается тѣмъ, что стѣсняетъ антіохійское княжество, онъ обращаетъ вниманіе и на положеніе королевства іерусалимскаго. Еще въ 1148 г. іерусалимскій король, направивъ Конрада на Дамаскъ, сдѣлалъ большую ошибку, которая даетъ себя чувствовать сейчасъ же послѣ второго крестоваго похода. Она повлекла за собою весьма печальный исходъ: Дамаскъ, тѣснимый іерусалимскими крестоносцами, входитъ въ соглашеніе съ Нурединомъ, который дѣлается владѣтелемъ всѣхъ крупнѣйшихъ городовъ и главнѣйшихъ областей, принадлежащихъ мусульманамъ. Когда Нурединъ захватилъ въ свои руки Дамаскъ и когда мусульманскій міръ увидѣлъ въ Нуреднѣ самаго крупнаго своего представителя, положеніе Іерусалима и Антіохіи постоянно висѣло на волоскѣ. Изъ этого можно видѣть, какъ непрочно было положеніе восточныхъ христіанъ и какъ оно постоянно вызывало необходимость содѣйствія со стороны Запада.

Въ то время, какъ Палестина постепенно переходила въ руки Нуредина, на сѣверѣ возрастали притязанія со стороны Византійскаго царя Мануила Комнина, который не упускалъ изъ виду вѣковой византійской политики и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы вознаградить себя на счетъ ослабѣвшихъ христіанскихъ княжествъ. Рыцарь въ душѣ, человѣкъ въ высшей степени энергичный, любящій славу, царь Мануилъ готовъ былъ вдаться въ политику возстановленія римской имперіи въ ея старыхъ предѣлахъ. Онъ неоднократно предпринималъ походы на Востокъ, которые были для него весьма удачны. Его политика клонилась къ тому, чтобы постепенно соединить антіохійское княжество съ Византіей. Это видно между прочимъ изъ того, что послѣ смерти первой своей жены, сестры короля Конрада III, Мануилъ женится на одной изъ антіохійскихъ принцессъ. Вытекавшія отсюда отношенія должны были въ концѣ концовъ привести Антіохію подъ власть Византіи. Такимъ образомъ, какъ на югѣ вслѣдствіе успѣховъ Нуредина, такъ и на сѣверѣ, вслѣдствіе притязаній византійскаго царя, христіанскимъ княжествомъ во второй половинѣ XII ст. угрожалъ близкій конецъ.

Само собой разумѣется, что трудное положеніе христіанскаго Востока не оставалось неизвѣстнымъ на Западѣ, и отношеніе византійскаго царя къ христіанамъ не могло не возбуждать ненависти къ нему со стороны западныхъ европейцевъ. Противъ Византіи такимъ образомъ все болѣе и болѣе раздавались на Западѣ враждебные голоса.

Новое направленіе дѣламъ на Востокѣ далъ Саладинъ; при немъ произошло соединеніе египетскаго калифата съ багдадскимъ. Саладинъ обладалъ всѣми качествами, которыя нужны были для того, чтобы осуществить идеальныя задачи мусульманскаго міра и возстановить преобладаніе ислама. Характеръ Саладина выясняется изъ исторіи третьяго крестоваго похода, изъ его отношеній къ англійскому королю—Ричарду Львиное Сердце. Саладинъ напоминаетъ черты рыцарскаго характера, а по своей политической сообразительности онъ стоялъ далеко выше своихъ враговъ-европейцевъ. Не въ первый разъ во время третьяго крестоваго похода Саладинъ является врагомъ христіанъ. Онъ началъ свою дѣятельность еще во время второго крестоваго похода; онъ участвовалъ въ войнахъ Зенги и Нуредина противъ христіанъ. Послѣ окончанія второго крестоваго похода онъ отправился въ Египетъ, гдѣ пріобрѣлъ большое значеніе и вліяніе на дѣла и скоро захватилъ въ свои руки высшее управленіе въ калифатѣ, поддерживая въ то же время связи и сношенія съ калифатомъ багдадскимъ.

Послѣ смерти Нуредина его сыновья затѣяли междоусобную борьбу. Саладинъ воспользовался этими раздорами, явился въ Сирію съ войсками и предъявилъ свои притязанія на Алеппо и Моссулъ. Врагъ христіанъ, прославившій себя какъ завоеватель, Саладинъ соединилъ вмѣстѣ съ обширными владѣніями и грозными военными силами энергію, умъ и глубокое пониманіе политическихъ обстоятельствъ. Взоры всего мусульманскаго міра обратились на него; на немъ покоились надежды мусульманъ, какъ на человѣкѣ, который могъ возстановить утерянное мусульманами политическое преобладаніе и возвратить отнятыя христіанами владѣнія. Земли, завоеванныя христіанами, были одинаково священны какъ для египетскихъ, такъ и для азіатскихъ мусульманъ. Религіозная идея

была столько же глубока и реальна на Востокѣ, сколько и на Западѣ. Съ другой стороны и Саладинъ глубоко понималъ, что возвращеніе этихъ земель мусульманамъ и возстановленіе силъ мусульманства Малой Азіи возвыситъ его авторитетъ въ глазахъ всего мусульманскаго міра и дастъ прочное основаніе его династіи въ Египтѣ. Такимъ образомъ, когда Саладинъ захватилъ въ свои руки Алеппо и Моссулъ въ 1183 г., для христіанъ насталъ весьма важный моментъ, въ который имъ приходилось разрѣшить весьма серьезныя задачи. Но христіанскіе князья были далеко ниже своей роли и своихъ задачъ. Въ то время, когда со всѣхъ сторонъ они были окружены враждебнымъ элементомъ, они находились въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы оказать сопротивленіе своимъ врагамъ: между отдѣльными княжествами не только не было солидарности, но они находились въ крайней деморализаціи; нигдѣ не было такого простора для интригъ, честолюбія, убійствъ, какъ въ восточныхъ княжествахъ. Примѣромъ безнравственности можетъ служить іерусалимскій патріархъ Ираклій, который не только напоминаетъ собою самыхъ дурныхъ римскихъ папъ, но во многомъ превосходилъ ихъ: онъ открыто жилъ съ своими любовницами и расточалъ на нихъ всѣ свои средства и доходы; но онъ былъ не хуже другихъ; не лучше были князья, бароны, рыцари и духовныя лица. Припомнимъ знатнаго тампліера Роберта С. Албанскаго, который, принявъ мусульманство, перешелъ на службу Саладина и занялъ высокое положеніе въ его войскѣ. Полная распущенность нравовъ господствовала среди тѣхъ людей, на которыхъ лежали весьма серьезныя задачи въ виду наступавшаго грознаго непріятеля. Бароны и рыцари, преслѣдовавшіе свои личные эгоистическіе интересы, не считали нисколько зазорнымъ въ самые важные моменты, во время битвы, оставлять ряды христіанскихъ войскъ и переходить на сторону мусульманъ. Это абсолютное непониманіе событій было на руку такому дальновидному и умному политику, какъ Саладинъ, который вполнѣ понялъ положеніе дѣлъ и оцѣнилъ всю ихъ важность.

Если среди рыцарей и бароновъ можно было ожидать измѣны и коварства, то и главные вожди — князья и короли были не

лучше ихъ. Въ Іерусалимѣ сидѣлъ Балдуинъ IV, человѣкъ, лишенный всякаго политическаго смысла и энергіи, который хотѣлъ отказаться отъ своего княженія и вмѣсто себя намѣренъ былъ короновать своего малолѣтняго сына Балдуина V; при этомъ возникъ споръ изъ за опеки: спорили Гвидо Лузиньянъ, зять Балдуина IV и Раймундъ, графъ Триполи. Представителемъ полнаго произвола служитъ Райнальдъ Шатильонскій, который совершаетъ разбойничьи набѣги на торговые мусульманскіе караваны, шедшіе изъ Египта; мало того, что своими набѣгами Райнальдъ возбуждалъ противъ христіанъ мусульманскій элементъ, но онъ наносилъ существенный вредъ самимъ христіанскимъ княжествамъ, которыя жили этими караванами и подрывалъ въ самомъ корнѣ торговлю Тира, Сидона, Аскалона, Антіохіи и другихъ приморскихъ христіанскихъ городовъ. Во время одной изъ подобныхъ экскурсій, которыя Райнальдъ совершалъ изъ своего замка, онъ ограбилъ караванъ, въ которомъ находилась и мать Саладина. Это обстоятельство и можно считать ближайшимъ мотивомъ, вызвавшимъ столкновеніе между мусульманскимъ повелителемъ и христіанскими князьями. Саладинъ и раньше указывалъ іерусалимскому королю на недостойные поступки Райнальда, но у короля не было средствъ, чтобы обуздать барона. Теперь, когда Саладину было нанесено оскорбленіе чести и родственнаго чувства, онъ, не взирая на перемиріе, которое было заключено между нимъ и христіанскими князьями, объявилъ христіанамъ войну не на животъ, а на смерть. Событія, которыми сопровождалась эта война, относятся къ 1187 г. Саладинъ рѣшился наказать іерусалимскаго короля, какъ за проступки Райнальда Шатильонскаго, такъ и вообще за то, что онъ поддерживаетъ еще тѣнь независимаго владѣтеля. Войска его подвигались изъ Алеппо и Моссула и были сравнительно съ силами христіанъ весьма значительны. Въ Іерусалимѣ можно было набрать всего до 2 тысячъ рыцарей и до 15-ти тысячъ пѣхоты, но и эти незначительныя силы не были мѣстныя, а составлялись изъ элемента пришлаго изъ Европы.

Въ дѣлѣ 5 іюля 1187 года, когда рѣшилась участь всего христіанства, не обошлось въ христіанскомъ войскѣ безъ отврати-

тельной измѣны. Близь города Тиверіады, когда два враждебныя войска стояли одно противъ другаго, готовыя вступить въ битву, многіе изъ князей, увидя, что мусульманское войско превосходитъ ихъ численностью, и считая сомнительнымъ и даже невозможнымъ для себя успѣхъ битвы, перебѣжали на сторону Саладина, въ томъ числѣ и Раймундъ. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи дѣла, христіане не могли выиграть битвы: все войско христіанское было уничтожено; король іерусалимскій и князь антіохійскій попались въ плѣнъ. Всѣ плѣнные были обречены Саладиномъ на смертную казнь; одному королю іерусалимскому была дарована жизнь. Ничтожная горсть христіанъ, которая спаслась отъ несчастной участи бѣгствомъ, часть горожанъ и простыхъ рыцарей, не могла принять на себя защиту христіанскихъ земель. Саладину въ короткое время удалось овладѣть всѣми береговыми замками и крѣпостями, которыми владѣли христіане по берегу Средиземнаго моря. Въ рукахъ христіанъ оставался пока только одинъ Іерусалимъ, который, какъ внутреннее княжество, представлялъ собою не такой важный пунктъ въ политическомъ отношеніи, чтобы Саладинъ могъ имъ весьма дорожить; глубокій политическій умъ Саладина ясно понималъ всю важность приморскихъ торговыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Завладѣвъ этими пунктами (Бейрутъ, Сидонъ, Яффа, Аскалонъ), отрѣзавъ христіанъ отъ сообщенія съ западной Европой, Саладинъ безъ препятствій могъ завладѣть и внутренними пунктами. Отнимая приморскіе города, Саладинъ уничтожалъ вездѣ христіанскіе гарнизоны и замѣнялъ ихъ мусульманскими. Въ рукахъ христіанъ оставались еще, кромѣ Іерусалима, Антіохія, Триполи и Тиръ.

Въ сентябрѣ 1187 г. Саладинъ подступилъ къ Іерусалиму. Горожане думали сопротивляться, поэтому отвѣчали уклончиво на предложеніе Саладина сдать городъ, подъ условіемъ дарованія осажденнымъ свободы. Но когда началась тѣсная осада города, христіане, лишенные организующихъ силъ, увидѣли всю невозможность сопротивленія и обратились къ Саладину съ мирными переговорами. Саладинъ соглашался за выкупъ даровать имъ свободу и жизнь, причемъ мужчины платили по 10 золотыхъ монетъ, женщины

по 5, дѣти по 2. Іерусалимъ былъ взятъ Саладиномъ 2-го октября. Послѣ взятія Іерусалима онъ не могъ больше встрѣтить препятствій къ завоеванію остальныхъ христіанскихъ земель. Тиръ удержался благодаря лишь тому, что его защищалъ прибывшій изъ Константинополя графъ Конрадъ изъ дома Монтферратскихъ герцоговъ, отличавшійся умомъ и энергіей.

Вѣсть о томъ, что совершилось на Востокѣ, получена была въ Европѣ не сразу и движеніе началось на Западѣ не раньше 1188 г. Первыя извѣстія о событіяхъ въ св. землѣ пришли въ Италію. Для римскаго папы къ то время не оставалось возможности колебаться. Вся церковная политика въ XII ст. оказалась ложною, всѣ средства, употребленныя христіанами для удержанія св. земли, были напрасны. Необходимо было поддержать и честь церкви и духъ всего западнаго христіанства. Не взирая ни на какія затрудненія и препятствія, папа принялъ подъ свое покровительство идею поднятія третьяго крестоваго похода. Ближайшимъ образомъ составлено было нѣсколько опредѣленій, имѣвшихъ цѣлью распространить мысль о крестовомъ походѣ по всѣмъ западнымъ государствамъ. Кардиналы, пораженные событіями на Востокѣ, дали папѣ слово принять участіе въ поднятіи похода и проповѣдуя его пройти босыми ногами по Германіи, Франціи и Англіи. Папа же рѣшился употребить всѣ церковныя средства къ тому, чтобы облегчить участіе въ походѣ по возможности всѣмъ сословіямъ. Для этого сдѣлано распоряженіе о прекращеніи внутреннихъ войнъ, рыцарямъ облегчена была продажа леновъ, отсрочено взысканіе долговъ, объявлено, что всякое содѣйствіе освобожденію христіанскаго Востока, будетъ сопровождаться отпущеніемъ грѣховъ.

Извѣстно, что третій походъ осуществился при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ первые два. Въ немъ принимаютъ участіе три коронованныя особы — императоръ германскій Фридрихъ I Барбаруса, французскій король Филиппъ II Августъ и англійскій Ричардъ Львиное Сердце. Не было въ походѣ только общей руководящей идеи. Движеніе крестоносцевъ въ Святую Землю направлялось разными путями, да и самыя цѣли вождей, участвовавшихъ въ походѣ, были далеко не одинаковы. Вслѣдствіе этого

исторія третьяго похода распадается на отдѣльные эпизоды: движеніе англо-французское, движеніе германское и осада Акры. Существенный вопросъ, долго препятствовавшій французскому и англійскому королямъ прійдти къ соглашенію на счетъ похода, зависѣлъ отъ взаимныхъ отношеній Франціи и Англіи въ XII ст. Дѣло въ томъ, что на англійскомъ престолѣ сидѣли Плантагенеты, графы Анжу и Меа, получившіе англійскій престолъ вслѣдствіе брака одного изъ нихъ на наслѣдницѣ Вильгельма Завоевателя. Всякій англійскій король, оставаясь въ то же время графомъ Анжу и Меа, герцогомъ Аквитаніи и присоединенной сюда еще Гіени, долженъ былъ давать французскому королю ленную присягу на эти земли. Ко времени третьяго похода англійскимъ королемъ былъ Генрихъ II Плантагенетъ, а французскимъ Филиппъ II Августъ. Оба короля находили возможность вредить одинъ другому, благодаря тому обстоятельству, что земли ихъ во Франціи были смежны. У англійскаго короля правителями его французскихъ областей были два его сына Іоаннъ и Ричардъ. Филиппъ II заключаетъ союзъ съ ними, вооружаетъ ихъ противъ отца и не разъ ставитъ Генриха англійскаго въ весьма затруднительное положеніе. За Ричарда была сосватана сестра французскаго короля Алиса, которая жила тогда въ Англіи. Разнесся слухъ, что Генрихъ II вступилъ въ связь съ невѣстой своего сына; понятно, что подобнаго рода слухъ долженъ былъ оказывать вліяніе на расположеніе Ричарда къ Генриху II. Французскій король воспользовался этимъ обстоятельствомъ и началъ раздувать вражду между сыномъ и отцомъ. Онъ подстрекалъ Ричарда и послѣдній измѣнилъ своему отцу, давъ ленную присягу французскому королю; этотъ фактъ способствовалъ только большему развитію вражды между французскимъ и англійскимъ королемъ. Было еще одно обстоятельство, препятствовавшее обоимъ королямъ подать возможно скорую помощь восточнымъ христіанамъ. Французскій король, желая запастись значительными денежными средствами для предстоящаго похода, объявилъ въ своемъ государствѣ особый налогъ подъ именемъ „Саладиновой десятины“. Этотъ налогъ распространялся на владѣнія самого короля, свѣтскихъ князей и даже на духовенство; никто, въ виду важности пред-

пріятія, не освобождался отъ платы „Саладиновой десятины“. Наложеніе десятины на церковь, которая никогда не платила никакихъ налоговъ, а сама еще пользовалась сборомъ десятины, возбудило недовольство среди духовенства, которое и начало ставить преграду этой мѣрѣ и затруднять королевскихъ чиновниковъ въ сборѣ „Саладиновой десятины“. Но тѣмъ не менѣе эта мѣра была довольно успѣшно проведена какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, и дала много средствъ для третьяго крестоваго похода.

Между тѣмъ, среди сборовъ, нарушаемыхъ войной и внутренними возстаніями, умеръ англійскій король Генрихъ II (1189 г.) и наслѣдство англійской короны перешло въ руки Ричарда, друга французскаго короля. Теперь оба короля могли смѣло и дружно приступить къ осуществленію идеи третьяго крестоваго похода. Въ 1190 г. короли выступили въ походъ. На успѣхъ третьяго крестоваго похода оказало большое вліяніе участіе англійскаго короля. Ричардъ, человѣкъ въ высшей степени энергичный, живой, раздражительный, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ страсти, былъ далекъ отъ идеи общаго плана, искалъ прежде всего рыцарскихъ подвиговъ и славы. Въ самыхъ сборахъ его къ походу слишкомъ рельефно отразились черты его характера. Ричардъ окружилъ себя блестящей свитой и рыцарями, на свое войско, по свидѣтельству современниковъ, онъ издерживалъ въ одинъ день столько, сколько другіе короли издерживали въ мѣсяцъ. Собираясь въ походъ, онъ все переводилъ на деньги; свои владѣнія онъ или отдавалъ въ аренду, или закладывалъ и продавалъ и такимъ образомъ дѣйствительно собралъ громадныя средства; его войско отличалось хорошимъ вооруженіемъ. Казалось-бы, что хорошія денежныя средства и многочисленное вооруженное войско должны были обезпечить успѣхъ предпріятія. Часть англійскаго войска отправилась изъ Англіи на корабляхъ, самъ же Ричардъ переправился черезъ Ламаншъ, чтобы соединиться съ французскимъ королемъ и направить свой путь черезъ Италію. Движеніе это началось лѣтомъ 1190 года. Оба короля предполагали идти вмѣстѣ, но многочисленность войска и возникшія при доставкѣ пропитанія и фуража затрудненія, заставили ихъ раздѣлиться. Французскій король шелъ впереди и въ сен-

тябрѣ 1190 г. прибылъ въ Сицилію и остановился въ Мессинѣ, поджидая своего союзника. Когда прибылъ сюда и англійскій король, движеніе союзнаго войска было задержано тѣми соображеніями, что начинать походъ осенью по морю неудобно; такимъ образомъ оба войска провели осень и зиму въ Сициліи до весны 1191 года.

Пребываніе союзныхъ войскъ въ Сициліи должно было показать, какъ самимъ королямъ, такъ и окружающимъ ихъ лицамъ всю невозможность совмѣстныхъ дѣйствій, направленныхъ къ одной и той же цѣли. Въ Мессинѣ Ричардъ началъ рядъ торжествъ и праздниковъ и своими поступками поставилъ себя въ ложное положеніе по отношенію къ норманнамъ. Онъ хотѣлъ распоряжаться какъ полновластный повелитель страны, причемъ англійскіе рыцари позволяли себѣ насилія и произволъ. Въ городѣ не замедлило вспыхнуть движеніе, которое угрожало обоимъ королямъ; Филиппъ едва успѣлъ потушить возстаніе, явившись примиряющимъ элементомъ между двухъ враждебныхъ сторонъ. Было еще оно обстоятельство, которое поставило Ричарда въ ложное положеніе, какъ по отношенію къ французскому, такъ и германскому королямъ, это притязанія его на норманнскую корону. Наслѣдница норманнской короны, дочь Рожера и тетка Вильгельма II, Констанца, вышла замужъ за сына Фридриха Барбаруссы Генриха VI, будущаго германскаго императора; такимъ образомъ германскіе императоры этимъ брачнымъ союзомъ узаконили свои притязанія на норманнскую корону.

Между тѣмъ Ричардъ по прибытіи въ Сицилію заявилъ свои притязанія на норманнскія владѣнія. Фактически онъ обосновывалъ свое право тѣмъ, что за умершимъ Вильгельмомъ II была замужемъ Іоанна, дочь англійскаго короля Генриха II и сестра самого Ричарда. Временный узурпаторъ норманнской короны, Танкредъ держалъ въ почетномъ заключеніи вдову Вильгельма. Ричардъ потребовалъ выдать ему сестру и заставилъ Танкреда дать ему выкупъ за то, что англійскій король оставитъ за нимъ фактическое обладаніе норманнской короной. Этотъ фактъ, возбудившій вражду между англійскимъ королемъ и германскимъ императоромъ, имѣлъ большое значеніе для всей послѣдующей судьбы Ричарда.

Все это ясно показало французскому королю, что ему не удастся дѣйствовать по одному плану съ королемъ англійскимъ. Филиппъ считалъ невозможнымъ, въ виду критическаго положенія дѣлъ на востокѣ, оставаться далѣе въ Сициліи и ожидать англійскаго короля; въ мартѣ 1191 г. онъ сѣлъ на корабли и переправился въ Сирію. Главная цѣль, къ которой стремился французскій король, былъ городъ Птолемаида (французская и нѣмецкая форма — Accon, русская — Акра). Этотъ городъ въ теченіе времени отъ 1187—91 г. былъ главнымъ пунктомъ, на которомъ сосредоточиваются виды и надежды всѣхъ христіанъ. Съ одной стороны къ этому городу направлялись всѣ силы христіанъ, съ другой, сюда стягивались мусульманскія полчища. Весь третій походъ сосредоточивается на осадѣ этого города; когда весной 1191 г. прибылъ сюда французскій король, казалось, что главное направленіе дѣлъ примутъ французы.

Король Ричардъ не скрывалъ, что онъ не желаетъ дѣйствовать заодно съ Филиппомъ, отношенія къ которому въ особенности охладились послѣ того, какъ французскій король отказался отъ женитьбы на его сестрѣ. Флотъ Ричарда, отплывшаго изъ Сициліи въ апрѣлѣ 1191 года, былъ захваченъ бурею, и корабль, на которомъ ѣхала новая невѣста Ричарда, принцесса Беренгарія Наваррская, былъ выброшенъ на островъ Кипръ. Островъ Кипръ находился въ это время во власти Исаака Комнина, который отложился отъ византійскаго императора того же имени. Исаакъ Комнинъ, узурпаторъ Кипра, не различалъ друзей и враговъ императора, а преслѣдовалъ свои личные эгоистическіе интересы; онъ объявляетъ своею плѣнницею невѣсту англійскаго короля. Такимъ образомъ Ричардъ долженъ былъ начать войну съ Кипромъ, которая была для него непредвидѣнна и неожиданна, и которая потребовала отъ него много времени и силъ. Овладѣвъ островомъ, Ричардъ заковалъ въ серебряныя цѣпи Исаака Комнина; начался рядъ торжествъ, сопровождавшихъ тріумфъ англійскаго короля. Это было въ первый разъ, что англійская нація пріобрѣла территоріальное владѣніе на Средиземномъ морѣ. Но само собою разумѣется, что Ричардъ не могъ разсчитывать на долгое обладаніе

Кипромъ, который находился на такомъ большомъ разстояніи отъ Британіи. Въ то время, когда Ричардъ праздновалъ въ Кипрѣ свою свободу, когда онъ устраивалъ торжество за торжествомъ, въ Кипръ прибылъ титулярный король Іерусалима Гвидо Лузиньянъ; мы называемъ его титулярнымъ королемъ потому, что de facto онъ не былъ уже королемъ Іерусалима, онъ не имѣлъ никакихъ территоріальныхъ владѣній, а носилъ только имя короля. Гвидо Лузиньянъ, прибывшій въ Кипръ, чтобы заявить знаки преданности англійскому королю, увеличилъ блескъ и вліяніе Ричарда, который и подарилъ ему островъ Кипръ.

Побуждаемый Гвидо Лузиньяномъ, Ричардъ оставилъ наконецъ Кипръ и прибылъ къ Акрѣ, гдѣ два года вмѣстѣ съ другими христіанскими князьями принималъ участіе въ безполезной осадѣ города. Самая идея осады Акры была въ высшей степени непрактична и прямо безполезна. Въ рукахъ христіанъ были еще приморскіе города—Антіохія, Триполи и Тиръ, которые и могли обезпечивать имъ сообщеніе съ Западомъ. Эта идея безполезной осады была внушена эгоистическимъ чувствомъ такихъ интригановъ, какъ Гвидо Лузиньянъ. Въ немъ возбуждало зависть, что въ Антіохіи былъ свой князь, въ Триполи—владѣлъ другой, въ Тирѣ сидѣлъ Конрадъ изъ дома герцоговъ Монтферратскихъ, а у него, іерусалимскаго короля, не было ничего, кромѣ одного имени. Этой чисто эгоистической цѣлью и объясняется его пріѣздъ къ англійскому королю на островъ Кипръ, гдѣ онъ щедро расточалъ передъ Ричардомъ заявленія чувства преданности и старался расположить въ свою пользу англійскаго короля. Осада Акры составляетъ роковую ошибку со стороны дѣятелей третьяго крестоваго похода; они бились, тратили время и силы изъ за небольшого клочка земли, въ сущности никому не нужнаго, вполнѣ безполезнаго, которымъ хотѣли наградить Гвидо Лузиньяна.

Посмотримъ теперь, какое участіе принимали въ дѣлѣ третьяго крестоваго похода нѣмецкія силы.

Большимъ несчастіемъ для всего крестоваго похода было то, что въ немъ вмѣстѣ съ англійскимъ и французскимъ королемъ не могъ принять участія старый тактикъ и умный политикъ Фридрихъ

Барбаруссa. Узнавъ о положеніи дѣлъ на востокѣ, Фридрихъ I началъ готовиться къ крестовому походу; но онъ началъ дѣло не такъ, какъ другіе. Онъ отправилъ посольства къ византійскому императору, къ иконійскому султану и къ самому Саладину. Отовсюду были получены благопріятные отвѣты, ручавшіеся за успѣхъ предпріятія. Если бы подъ Акрой участвовалъ Фридрихъ Барбарусса, ошибка со стороны христіанъ была бы устранена имъ. Дѣло въ томъ, что Саладинъ обладалъ отличнымъ флотомъ, который доставлялъ ему изъ Египта всѣ припасы, а войска шли къ нему изъ средины Азіи—изъ Месопотаміи; само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ Саладинъ могъ успѣшно выдержать самую продолжительную осаду приморскаго города. Вотъ почему всѣ сооруженія западныхъ инженеровъ, башни и тараны, все напряженіе силъ, тактики и ума западныхъ королей, — все пошло прахомъ, оказалось несостоятельнымъ въ осадѣ Акры. Фридрихъ Барбарусса внесъ бы въ дѣло крестоваго похода идею практики и, по всему вѣроятію, направилъ бы свои силы туда, куда слѣдовало: войну нужно было вести внутрь Азіи, ослаблять силы Саладина внутри страны, гдѣ находился самый источникъ пополненія его войскъ.

Крестовый походъ Фридриха Барбаруссы предпринятъ былъ съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности, обезпечивавшихъ возможно меньшую потерю силъ на пути черезъ византійскія владѣнія. Фридрихъ заключилъ предварительно съ византійскимъ императоромъ договоръ (въ Нюренбергѣ), вслѣдствіе котораго ему предоставлялся свободный приходъ черезъ имперскія земли, и обезпечивалась доставка съѣстныхъ припасовъ, по установленнымъ заранѣе цѣнамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что новое движеніе латинскаго Запада на Востокъ не мало тревожило византійское правительство; въ виду неспокойнаго состоянія Балканскаго полуострова, Исаакъ Ангелъ заинтересованъ былъ въ точномъ соблюденіи договора. Еще крестоносцы не двинулись въ походъ, какъ въ Византіи получено было секретное донесеніе изъ Генуи о приготовленіяхъ къ походу на Востокъ. „Я уже извѣстился объ этомъ, писалъ въ отвѣтъ Исаакъ, и принялъ свои мѣры“. Поблагодаривъ Балдуина Гверцо за эти извѣстія им-

ператоръ продолжаетъ: „и на будущее время имѣй радѣніе доводить до нашего свѣдѣнія, что узнаешь и что намъ важно знать“. Само собой разумѣется, не смотря на внѣшнія дружественныя отношенія, Исаакъ не довѣрялъ искренности крестоносцевъ, и въ этомъ нельзя винить его. Сербы и болгаре не только были въ то время на пути къ освобожденію отъ власти Византіи, но угрожали уже византійскимъ провинціямъ; не скрываемыя сношенія съ ними Фридриха были во всякомъ случаѣ нарушеніемъ данной вѣрности, хотя и не предусмотрѣны были нюренбергскими условіями. Для Византіи весьма хорошо извѣстны были намѣренія Фридриха овладѣть далматинскимъ побережьемъ и соединить его съ землями сицилійской короны. Хотя Фридрихъ отвергъ, будто бы, предложенія славянъ безопасно провести его по Болгаріи и не вступилъ съ ними въ наступательный противъ Византіи союзъ, но византійцамъ вполнѣ естественно было сомнѣваться въ чистотѣ его намѣреній; притомъ, едва ли справедливо, что предложенія славянъ были вполнѣ отвергнуты, какъ это видно будетъ изъ послѣдующаго.

24 мая 1189 года императоръ Фридрихъ I Барбаруса вступилъ въ предѣлы Венгріи. Хотя король Бела III лично не рѣшился участвовать въ крестовомъ походѣ, но оказывалъ Фридриху знаки искренняго расположенія. Не говоря уже о цѣнныхъ подаркахъ, предложенныхъ императору, онъ снарядилъ отрядъ въ 2000 человѣкъ, который оказалъ не малую пользу крестоносцамъ знаніемъ мѣстныхъ условій и выборомъ путей. Черезъ пять недѣль крестоносцы были уже на границѣ владѣній византійскаго императора. Прибывъ въ Браничево 2 іюля, они въ первый разъ вступили съ чиновниками императора въ прямыя сношенія, которыя сначала казались впрочемъ удовлетворительными. Изъ Браничева лучшая дорога къ Константинополю шла по долинѣ Моравы къ Нишу, потомъ на Софію и Филиппополь. Греки будто бы, не хотѣли вести латинянъ этимъ путемъ и умышленно испортили его; но люди изъ угорскаго отряда, хорошо знавшіе пути сообщенія, убѣдили крестоносцевъ настоять на выборѣ именно этой дороги, которую они взялись исправить и сдѣлать проѣзжей, вопреки желанію грековъ. Замѣтимъ здѣсь, прежде всего, что крестоносцы держали путь по

землямъ, едва ли тогда вполнѣ принадлежавшимъ Византіи. Теченіе Моравы, всего вѣроятнѣй, было уже спорнымъ между греками и сербами, иначе говоря, здѣсь не было тогда ни византійской, ни другой администраціи. Шайки разбойниковъ на собственный страхъ нападали на мелкіе отряды крестоносцевъ и безъ подстрекательства византійскаго правительства. Нужно, съ другой стороны, имѣть въ виду, что крестоносцы и сами не церемонились съ тѣми, кто попадалъ въ ихъ руки: на страхъ другимъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ они подвергали страшнымъ истязаніямъ.

Около 25 числа іюля къ Фридриху явились послы Стефана Немани, а по прибытіи въ Нишъ, 27 числа, императоръ принималъ и самого великаго жупана Сербіи. Здѣсь же, въ Нишѣ, велись переговоры съ болгарами. Ясно, что въ Нишѣ не оставалось уже византійскихъ властей, иначе они не допустили бы Стефана Неманю до личныхъ объясненій съ германскимъ императоромъ, которыя во всякомъ случаѣ не клонились въ пользу Византіи. И если крестоносцы на пути отъ Браничева до Ниша и потомъ до Софіи подвергались неожиданнымъ нападеніямъ и терпѣли уронъ въ людяхъ и обозѣ, то, по справедливости говоря, византійское правительство едва ли должно нести за это отвѣтственность. Нужно только удивляться, почему оно ни разу не сдѣлало соотвѣтствующаго заявленія Фридриху I и не обратило его вниманія на положеніе дѣлъ на полуостровѣ. Сербы и болгаре предлагали крестоносцамъ въ сущности одно и то же—союзъ противъ византійскаго императора, но въ награду за то требовали признанія новаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ. Мало того, славяны готовы были признать надъ собою протекторатъ западнаго императора, если онъ согласится обезпечить за сербами сдѣланныя ими на счетъ Византіи завоеванія и присоединить Далмацію и если Асенямъ предоставлена будетъ Болгарія въ безспорное владѣніе. Въ частности, великій жупанъ Сербіи просилъ согласія императора на бракъ своего сына съ дочерью герцога Бертольда, владѣтеля Далмаціи. Хотя не было тайной, что съ этимъ брачнымъ проектомъ соединялись виды на перенесеніе владѣтельныхъ правъ надъ Далмаціей на домъ Немани, тѣмъ не менѣе согласіе Фридриха было

получено. Это обстоятельство, въ соединеніи съ новыми переговорами, имѣвшими мѣсто между германскимъ императоромъ и славянскими вождями, позволяетъ выставить нѣкоторыя сомнѣнія противъ показанія Ансберта, будто отвѣтъ Фридриха въ Нишѣ былъ положительно отрицательнаго свойства. Имѣя дѣйствительной цѣлью крестовый походъ, Фридрихъ, можетъ быть изъ осторожности и по нежеланію впутываться въ новыя сложныя отношенія, уклонялся отъ прямого и рѣшительнаго отвѣта на предложенія славянъ. Но мы увидимъ далѣе, что славянскій вопросъ не разъ еще заставлялъ его задумываться и колебаться. Будь на мѣстѣ Фридриха Робертъ Гвискаръ, Боэмундъ или Рожеръ, событія приняли бы совершенно иной оборотъ и предложенія славянскихъ князей, вѣроятно, были бы оцѣнены.

Нѣтъ причины не довѣрять словамъ Никиты Акомината, который обвиняетъ въ недальновидности и обычной небрежности тогдашняго логоѳета дрома (Іоаннъ Дука) и Андроника Кантакузина, на отвѣтственности которыхъ лежало провести крестоносное ополченіе. Взаимное недовѣріе и подозрѣнія питались не только тѣмъ, что крестоносцы не получали иногда подвоза припасовъ, но и слухами, что опаснѣйшая клизура (Sancii Basilii или Трояновы ворота), ведущая черезъ Балканскія горы на Софію къ Филиппополю занята вооруженнымъ отрядомъ. Конечно, нельзя не видѣть нарушенія нюренбергскаго договора въ тѣхъ мѣрахъ, какія принимало византійское правительство, чтобы задержать движеніе крестоносцевъ: порча дорогъ, запоръ клизуръ и снаряженіе наблюдательнаго отряда; но оно старалось объяснить свои предосторожности и выражало открытое неудовольствіе на сношенія Фридриха съ возмутившимися сербами и болгарами. Такъ, когда еще крестоносцы были около Ниша, къ нимъ явился Алексѣй Гидъ, который высказалъ строгое порицаніе губернатору Браничева и обѣщалъ все устроить по желанію Фридриха, если только самъ онъ запретитъ войскамъ грабить окрестныя селенія, прибавляя, что германцы не должны имѣть никакихъ подозрѣній относительно вооруженнаго отряда, стерегущаго клизуры, ибо это мѣра предосторожности противъ жупана Сербіи. Когда крестоносцы подвигались къ главнѣйшей клизурѣ, ведущей

въ филиппопольскую равнину, трудности путешествія увеличивались для нихъ болѣе и болѣе. Мелкіе отряды безпокоили ихъ неожиданными нападеніями въ опаснѣйшихъ мѣстахъ; вслѣдствіе чего крестоносное ополченіе шло медленно и въ боевомъ порядкѣ. Германское посольство, отправленное въ Константинополь, по слухамъ, принято было недостойнѣйшимъ образомъ. Чѣмъ ближе крестоносцы подходили къ Македоніи, тѣмъ сильнѣе росло неудовольствіе ихъ противъ грековъ. Полтора мѣсяца шли они отъ Браничева до Софіи (Средецъ); какъ натянуты были отношенія между греками и германцами, можно судить изъ того, что когда послѣдніе 13 августа достигли Софіи, то нашли городъ оставленнымъ жителями; само собой разумѣется, здѣсь не было ни византійскихъ чиновниковъ, ни обѣщанныхъ припасовъ.

20 августа крестоносцы держали путь черезъ послѣднюю клизуру, которая была занята греческимъ отрядомъ; послѣдній однако отступилъ, когда крестоносцы обнаружили покушеніе проложить дорогу съ оружіемъ въ рукахъ. Къ Филиппополю подошли крестоносцы уже въ качествѣ враговъ имперіи, и съ тѣхъ поръ до конца октября отдѣльные вожди дѣлали нападенія на города и села и вели себя въ греческой землѣ совершенно какъ непріятели. Если нельзя оправдывать правительство Исаака Ангела за недовѣріе къ крестоносцамъ, то и поступки послѣднихъ не могутъ быть названы благовидными. Не довѣряя грекамъ, Фридрихъ пользовался услугами угорскихъ проводниковъ и сербскаго отряда. Какъ бы крестоносцы ни желали доказать свою правоту, нельзя упускать изъ виду и показаній лицъ, для которыхъ не было повода скрывать настоящее положеніе дѣлъ. Фридрихъ не прерывалъ сношеній со славянами, которые служили ему во все время перехода черезъ Болгарію, хотя онъ не могъ не знать, что это питало подозрительность Исаака Ангела.

Осенью 1189 года, со времени занятія крестоносцами Филиппополя, еще болѣе должно было усилиться взаимное раздраженіе, такъ какъ византійскій наблюдательный отрядъ имѣлъ неоднократно столкновеніе съ крестоносцами, а послѣдніе занимали вооруженною рукой города и селенія. Тѣмъ не менѣе и къ концу осени поло-

женіе не разъяснилось, между тѣмъ Фридриху опасно было пускаться въ дальнѣйшій путь черезъ Малую Азію, не заручившись точными и вѣрными обѣщаніями со стороны греческаго императора. Для разъясненія отношеній отправлено было въ Константинополь новое посольство, которому поручено было сказать, приблизительно, слѣдующее: „Напрасно греческій императоръ не позволяетъ намъ идти впередъ; никогда, ни теперь, ни прежде мы не замышляли зла противъ имперіи. Сербскому князю, врагу греческаго императора, который являлся къ намъ въ Нишъ, мы никогда не давали въ бенефицію ни Болгарію, ни другую землю, подвластную грекамъ, и ни съ однимъ королемъ или княземъ не замышляли ничего противъ греческой имперіи". Этому второму посольству удалось выручить, не безъ большихъ однако хлопотъ, первое, ранѣе того отправленнаго въ Константинополь. Всѣ послы возвратились въ Филиппополь 28 октября. На слѣдующій день, въ торжественномъ собраніи вождей, послы дѣлали донесеніе о томъ, что они испытали въ Константинополѣ и разсказывали обо всемъ, что они видѣли и слышали. „Императоръ не только весьма дурно обращался съ ними, но безъ всякаго стѣсненія принималъ посла отъ Саладина и заключилъ съ нимъ союзъ. А патріархъ въ своихъ проповѣдяхъ, говоренныхъ по праздничнымъ днямъ, называлъ псами Христовыхъ воиновъ и внушалъ своимъ слушателямъ, что самый злой преступникъ, обвиненный даже въ десяти убійствахъ, получитъ разрѣшеніе отъ всѣхъ грѣховъ, если убьетъ сотню крестоносцевъ". Собраніе выслушало такое донесеніе передъ тѣмъ, какъ введены были послы византійскаго императора. Нѣтъ ничего удивительнаго, что переговоры не могли быть дружелюбны, на высокомѣрныя требованія крестоносцевъ греческіе послы отказались отвѣчать. До чего могли доходить греки и крестоносцы въ чувствѣ взаимнаго раздраженія и подозрительности, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай. Значительный отрядъ крестоносцевъ, сдѣлавъ нападеніе на Градецъ, пораженъ былъ странными изображеніями, найденными въ церквахъ и въ частныхъ домахъ: на картинахъ были изображены латиняне съ сидящими у нихъ на спинахъ греками. Это такъ ожесточило крестоносцевъ, что они предали огню и церкви и дома,

перебили населеніе и безъ сожалѣнія опустошили всю эту область. По всему вѣроятію, латиняне разсвирѣпѣли при взглядѣ на картины страшнаго суда, въ которыхъ мѣстные живописцы, для извѣстныхъ цѣлей, могли пользоваться и западными типами. Обычай во всякомъ случаѣ извинительный, если-бы ненависть и нетерпимость латинянъ къ грекамъ и безъ того не достигла крайнихъ предѣловъ. Византійское правительство имѣло полное основаніе предполагать, что сербскій князь дѣйствуетъ въ союзѣ съ Фридрихомъ, и было-бы весьма трудно доказать то, что Фридрихъ не обнадеживалъ Стефана Неманю въ его честолюбивыхъ замыслахъ. Въ то время, когда крестоносцы угрожали уже самой столицѣ греческой имперіи (Адріанополь и Димотика были въ рукахъ крестоносцевъ), тылъ ихъ, защищенный сербскими войсками, былъ въ полной безопасности, такъ что они нашли возможнымъ перевести филиппопольскій гарнизонъ въ Адріанополь.

Лѣтописцы много разъ упоминаютъ о послахъ сербскаго великаго жупана и о сношеніяхъ крестоносцевъ со славянами. Извѣстно, что труднѣе всего было удовлетворить притязанія Стефана Немани на Далмацію,—обстоятельство, которое могло вовлечь Фридриха въ непріятныя столкновенія съ норманнами и уграми. Не лишено значенія, что каждый разъ выдвигается въ переговорахъ съ сербами герцогъ Бертольдъ, тотъ самый, котораго дочь была обѣщана за сына Стефани Немани. Въ трудныя минуты, когда терялась всякая надежда на соглашеніе съ византійскимъ императоромъ, помощь славянъ была для крестоносцевъ истиннымъ благомъ, которымъ они не могли пренебрегать на случай окончательнаго разрыва съ греками. Но такъ какъ все же оставались нѣкоторые признаки, что греческій императоръ также опасается разрыва, то славянскія посольства выслушивались по обычаю милостиво, принимаемы были на службу небольшіе отряды изъ сербовъ, къ рѣшительнымъ же мѣрамъ Фридрихъ опасался прибѣгнуть во все время своего пребыванія на Балканскомъ полуостровѣ и самые мелочные факты и указанія этого рода весьма любопытны. Къ началѣ ноября, когда крестоносцы приближались къ Адріанополю, король Бела III потребовалъ возвращенія своего отряда назадъ, и 19 ноября венгры

заявили рѣшительно, что не могутъ болѣе оставаться съ крестоносцами. Не нужно искать другихъ объясненій этому поступку со стороны венгерскаго короля, кромѣ недовольства на переговоры со славянами. Ясно, что Фридрихъ, попавъ въ Болгарію, задался новыми планами, и что сношенія его со славянскими вождями совсѣмъ не входили въ соображенія венгерскаго короля, который относительно славянскаго вопроса стоялъ конечно на сторонѣ Византіи. На тогдашнее положеніе дѣлъ проливаетъ свѣтъ донесеніе клирика Эбергарда, посла императора Фридриха къ венгерскому королю, возвратившагося, между прочимъ, съ письмомъ отъ послѣдняго для Исаака. Письмо, правда, не заключало въ себѣ ничего важнаго: въ немъ Бела выставлялъ на видъ Исааку, какія опасности можетъ навлечь на имперію его строптивость съ крестоносцами. Но посолъ могъ личными наблюденіями иллюстрировать содержаніе письма и дать ему совершенно новое объясненіе: „Король, говорилъ онъ, весьма смущенъ и пораженъ побѣдоносными успѣхами крестоносцевъ и внесеннымъ ими въ греческую землю опустошеніемъ. Когда получена была вѣсть объ опустошеніи крестоносцами округа Димотики—король совсѣмъ перемѣнился въ обращеніи съ посломъ. Съ тѣхъ поръ онъ уже не былъ такъ добръ и милостивъ, какъ прежде: посолъ не получалъ болѣе ни кормовыхъ, ни карманныхъ изъ королевской камеры“. Между другими новостями тотъ-же клирикъ Эбергардъ сообщилъ, что, проходя Болгаріей, онъ нашелъ разрытыми всѣ могилы крестоносцевъ, умершихъ на пути и что трупы вытащены изъ гробовъ и валяются по землѣ.

Къ началу 1190 г. крестоносцы продолжали еще пересылаться посольствами съ греческимъ императоромъ, но никакого соглашенія не могли достигнуть. Фридрихъ, кажется, серьезно думалъ воспользоваться услугами Петра, вождя болгаръ, который предлагалъ выставить къ веснѣ сорокъ тысячъ болгаръ и куманъ, съ каковымъ подкрѣпленіемъ можно было бы сдѣлать попытку проложить путь въ Малую Азію, и помимо согласія грековъ. Но германскій императоръ долженъ былъ за это не только признать свободу Болгаріи, но и обезпечить за Петромъ императорскій титулъ. Понимая важность положенія и отвѣтственность за подобный шагъ,

Фридрихъ все-таки не отказывался отъ предложенія Петра и старался предварительно оцѣнить всѣ средства, какія ему могли-бы доставить славяне. Такъ, 21 января 1190 года, съ одной стороны онъ ведетъ переговоры съ послами византійскаго императора, съ другой освѣдомляется чрезъ посредство герцога Далмаціи о намѣреніяхъ и расположеніи Стефана Немани. На послѣдняго нельзя было возлагать много надеждъ, такъ какъ онъ началъ въ это время вести войну на собственный страхъ и занятъ былъ предпріятіями на границѣ Сербіи и Болгаріи.

Есть возможность объяснить до нѣкоторой степени мотивы, по которымъ Фридрихъ и въ январѣ 1190 г. колебался еще принять на себя задачу разрѣшенія славянскаго вопроса, на которую наталкивали его обстоятельства. Для него оставалась еще надежда, устранивъ помощь славянъ, которая сопряжена была съ непріятными и тяжелыми обязательствами, получить къ веснѣ вспоможеніе изъ Европы. Въ этихъ соображеніяхъ онъ писалъ къ своему сыну Генриху: „Послику я не надѣюсь совершить переправу черезъ Босфоръ, развѣ только получу отъ императора Исаака избраннѣйшихъ и родовитыхъ заложниковъ или подчиню своей власти всю Романію, то я прошу твое королевское величество послать нарочитыхъ пословъ въ Геную, Венецію, Антіохію и Пизу, и въ другія мѣста и отправить на корабляхъ вспомогательные отряды, чтобы они, подоспѣвъ къ Цареграду въ мартѣ мѣсяцѣ, начали осаду города съ моря, когда мы окружимъ его съ суши“. Къ половинѣ февраля отношенія однако уладились: 14 февраля, въ Адріанополѣ, подписаны были Фридрихомъ условія, на которыхъ византійскій императоръ соглашался дозволить крестоносцамъ переправу въ Малую Азію.

Пребываніе Фридриха I въ Болгаріи во всякомъ случаѣ было не безполезно для болгаръ и сербовъ. Первые, поощряемые германскимъ императоромъ, нарушили миръ, заключенный прежде съ греками, и хотя обманулись въ надеждѣ тѣснить грековъ за одно съ нѣмцами, тѣмъ не менѣе не безъ выгоды для себя воспользовались замѣшательствами въ Константинополѣ, и въ послѣдующей борьбѣ съ Византіей приняли рѣшительно наступательныя дѣйствія.

Сербы, значительно распространивъ въ то-же время свои владѣнія къ сѣверо-востоку до Моравы и къ юго-западу до Софіи, пришли къ сознанію важности одновременныхъ дѣйствій съ болгарами: они заключили союзъ съ Петромъ и Асенемъ и вели съ тѣхъ поръ одно и то-же съ ними дѣло. Какъ-бы уклончивы ни были обѣщанія Фридриха I, все же онъ не прерывалъ переговоровъ со славянами и питалъ въ нихъ враждебное къ Византіи настроеніе. Пусть онъ не заключалъ ни съ болгарами, ни съ сербами договора, который бы обязывалъ тѣхъ и другихъ выставить къ веснѣ 60.000 войска (со стороны болгаръ сорокъ и отъ сербовъ двадцать тысячъ); но войска были собраны и безъ участія крестоносцевъ начали отвоевывать у Византіи города и области. Прошествіе крестоносцевъ сопровождалось всѣми послѣдствіями непріятельскаго вторженія, вызвавъ въ Болгаріи новые элементы недовольства византійскимъ правительствомъ: бѣглые, голодные, лишенные домовъ и достатковъ поселяне должны были пристать къ болгарскимъ или сербскимъ вождямъ.

Переправа крестоносцевъ черезъ Босфоръ началась 25 марта 1190 года.

Путь Фридриха шелъ по западнымъ областямъ Малой Азіи, частію разореннымъ вслѣдствіе войнъ съ сельджуками, частію занятымъ этими послѣдними. Туркменскіе отряды безпокоили крестоносцевъ и заставляли ихъ постоянно быть на сторожѣ. Въ особенности христіане страдали отъ недостатка продовольствія и корма для вьючныхъ животныхъ. Въ маѣ они подошли къ Иконіи, одержали значительную побѣду надъ сельджуками и вынудили ихъ дать провіантъ и заложниковъ. Но въ Киликіи нѣмецкое войско постигло несчастіе, погубившее все ихъ предпріятіе. 9 іюня при переходѣ черезъ горную рѣку Салефъ, Фридрихъ увлеченъ былъ потокомъ и вытащенъ изъ воды бездыханнымъ.

Значеніе Фридриха вполнѣ оцѣнилъ Саладинъ и со страхомъ ожидалъ прибытія его въ Сирію. Въ самомъ дѣлѣ Германія, казалось, готова была поправить всѣ ошибки прежнихъ походовъ и возстановить на Востокѣ достоинство нѣмецкаго имени, какъ неожиданный ударъ уничтожилъ всѣ добрыя надежды. Часть нѣмец-

каго отряда отказалась отъ продолженія похода и возвратилась морскимъ путемъ въ Европу, часть подъ предводительствомъ герцога Фридриха Швабскаго вступила въ антіохійское княжество и затѣмъ осенью 1190 года жалкіе остатки нѣмцевъ соединились съ христіанскимъ войскомъ подъ Акрой, гдѣ имъ не пришлось играть важной роли.

Съ 1188 по 1191 гг. христіанскіе князья приходили подъ стѣны Акры одинъ по одному; не было ни одного момента, когда бы всѣ наличныя силы христіанъ, приходившія съ запада, сосредоточились здѣсь въ одно время. Часть христіанъ, прибывшая подъ Акру, погибала подъ ударами мусульманъ, отъ болѣзней и голода; ее замѣнялъ другой отрядъ и въ свою очередь подвергался той же участи. Кромѣ этого для христіанъ представлялась масса другихъ затрудненій, которыя тяжело отзывались на ходѣ всего дѣла. Христіане осаждали городъ съ моря — единственная часть города, на которую они могли направить свои осадныя орудія. Внутренняя земля была занята войсками Саладина, который удобно и легко сносился съ Месопотаміей, служившей для него источникомъ подновленія его военныхъ силъ. Такимъ образомъ христіане приходятъ подъ Акру одинъ по одному, подставляя себя подъ удары мусульманъ, никогда не соединяютъ своихъ силъ, между тѣмъ какъ Саладинъ постоянно обновлялъ свои войска свѣжими приливами мусульманъ изъ Месопотаміи. Ясно, что христіане находились въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ, Саладинъ могъ долго и энергично отстаивать Акру. Кромѣ того, для осады города нуженъ былъ строительный лѣсъ; вблизи христіане нигдѣ не могли достать его, а должны были доставать строительный матеріалъ изъ Италіи.

Въ войнѣ попеременно принимали перевѣсъ, то итальянцы, въ особенности приморскіе города — Венеція, Генуя и Пиза, торговые интересы которыхъ на Востокѣ заставляли ихъ принимать большое участіе въ дѣлѣ крестовыхъ походовъ, то французы, то нѣмцы, то англичане, смотря по тому, какой народъ въ данный моментъ былъ болѣе въ значительномъ количествѣ. Къ этому неудобному положенію присоединилось еще соперничество восточныхъ вождей.

Гвидо Лузиньянъ былъ во враждѣ съ Конрадомъ Монтферратскимъ. Ихъ соперничество раздѣлило и крестоносный лагерь на двѣ враждебныя партіи: итальянскіе народы сосредоточились около тирскаго князя, англичане приняли сторону Гвидо. Такимъ образомъ дѣло при Акрѣ не только по своей цѣли, но и по отношенію между народами, участвовавшими въ немъ, не могло окончиться благопріятнымъ образомъ для христіанъ. Неудобства въ доставкѣ лѣса замедляли предпріятіе, а несвоевременная доставка, а иногда и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, голодъ и моровая язва ослабили христіанское войско.

Лѣтомъ 1191 года подъ Акру пришли французскій и англійскій короли, на которыхъ много возлагали надеждъ восточные христіане. Кромѣ этихъ двухъ королей, пришло еще одно коронованное лицо—герцогъ австрійскій Леопольдъ. Теперь можно было ожидать, что дѣло пойдетъ надлежащимъ путемъ, по опредѣленному плану. Но, къ сожалѣнію, такого плана не было выработано представителями христіанскихъ націй. Личныя отношенія французскаго и англійскаго королей, наиболѣе важныхъ лицъ по своимъ военнымъ силамъ, выяснились еще въ Мессинѣ: они разстались, если не врагами, то и не друзьями. Когда же Ричардъ овладѣлъ Кипромъ, французскій король предъявилъ претензіи на часть завоеваннаго острова, въ силу договора, заключеннаго между ними еще во время сборовъ въ походъ—договора, по которому оба короля обязались раздѣлять между собою поровну всѣ земли, которыя они завоюютъ на Востокѣ. Ричардъ не признавалъ за французскимъ королемъ правъ на Кипръ: „договоръ, говорилъ онъ, касался только земель, которыя будутъ завоеваны у мусульманъ“. Подъ Акрой недоразумѣнія двухъ королей получили болѣе острый характеръ. Вы видѣли, что Ричардъ, находясь въ Кипрѣ, высказался въ пользу Гвидо Лузиньяна; Филиппъ Августъ сталъ на сторонѣ Конрада Монтферратскаго, который, можетъ быть, пріобрѣлъ симпатіи французскаго короля геройской защитой Тира, но можетъ быть, въ этомъ случаѣ Филиппомъ руководила личная непріязнь къ Ричарду. Такимъ образомъ ни французскій, ни англійскій король не были способны соединить свои силы и дѣйствовать

по одному плану. Личные характеры королей также разъединяли ихъ. Рыцарскій характеръ Ричарда былъ весьма сочувственъ для Саладина; тотчасъ обнаружились симпатіи между мусульманскимъ повелителемъ и англійскимъ королемъ, они начали пересылаться посольствами, оказывать другъ другу знаки вниманія. Такое поведеніе Ричарда отозвалось неблагопріятнымъ образомъ на его авторитетѣ среди христіанъ; въ войскѣ утвердилась мысль, что Ричардъ готовъ измѣнить. Такимъ образомъ въ Ричардѣ была парализована вся его сила, вся мощь и энергія; въ то же время французскій король не обладалъ личной энергіей настолько, чтобы перенести на себя главное направленіе осады. Такимъ образомъ всѣ преимущества, всѣ благопріятныя условія были на сторонѣ Саладина.

Въ іюлѣ Акра доведена была до истощенія, и гарнизонъ началъ договариваться о сдачѣ. Саладинъ не прочь былъ заключить миръ, но со стороны христіанъ были предложены слишкомъ суровыя условія: христіане потребовали сдачи Акры, мусульманскій гарнизонъ города получитъ свободу только тогда, когда христіанамъ будутъ возвращены Іерусалимъ и другія завоеванныя Саладиномъ области, кромѣ того, Саладинъ долженъ былъ дать 2 тысячи заложниковъ изъ знатныхъ мусульманъ. Саладинъ, по видимому, соглашался на всѣ эти условія. Христіанскіе князья, въ виду скорой сдачи города, стали зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы въ городъ не были доставляемы съѣстные припасы. 12 іюля 1191 года Акра была сдана христіанамъ. Исполненіе предварительныхъ условій мира скоро встрѣтило препятствіе. Между тѣмъ, при занятіи Акры среди христіанъ имѣли мѣсто весьма тяжелыя недоразумѣнія. Герцогъ австрійскій, войдя въ городъ, поспѣшилъ выставить нѣмецкое знамя. Ричардъ велѣлъ сорвать его и замѣнить своимъ; это было сильнымъ оскорбленіемъ для всего нѣмецкаго войска; съ этого времени Ричардъ пріобрѣлъ себѣ въ лицѣ Леопольда непримиримаго врага. Кромѣ того, западные князья поставили себя въ ложное отношеніе къ туземному населенію города. При самомъ завладѣніи Акры оказалось, что значительная часть городскаго населенія состояла изъ христіанъ, которые, подъ владычествомъ мусульманъ, пользовались различнаго рода привилегіями. Но осво-

божденіи Акры отъ мусульманъ, какъ французы, такъ и англичане хотѣли захватить побольше власти въ городѣ и начали притѣснять населеніе; короли не заботились о томъ, чтобы были исполнены со стороны мусульманъ другіе пункты договора. Французскій король дошелъ до крайняго раздраженія; непріязнь Филиппа къ Ричарду раздувала слухи о томъ, что англійскій король замышляетъ продать все христіанское войско мусульманамъ и даже готовится посягнуть на жизнь Филиппа. Раздраженный Филиппъ оставилъ Акру и отправился домой. Само собою разумѣется, что преждевременное возвращеніе французскаго короля наносило чувствительный ущербъ дѣлу крестоваго похода. Заправляющая роль оставалась за Ричардомъ, который со своимъ пылкимъ рыцарскимъ характеромъ, лишенный политическаго чутья, являлся слабымъ соперникомъ Саладина, умнаго и хитраго политика.

Во время осады Акры бременскіе и любекскіе купцы по примѣру другихъ военно-религіозныхъ орденовъ, возникшихъ во время I крестоваго похода, устроили на свои средства братство, которое имѣло цѣлью оказывать помощь бѣднымъ и больнымъ нѣмцамъ. Герцогъ Фридрихъ Швабскій принялъ это братство подъ свое покровительство и исходатайствовалъ въ пользу его папскую грамоту. Это учрежденіе впослѣдствіи получило военный характеръ и извѣстно подъ именемъ Тевтонскаго ордена.

Филиппъ, пріѣхавшій во Францію, началъ мстить англійскому королю въ его французскихъ владѣніяхъ. Англійскимъ королевствомъ управлялъ тогда братъ Ричарда Іоаннъ (будущій англійскій король Іоаннъ Безземельный), съ которымъ Филиппъ вошелъ въ сношеніе. Дѣйствія Филиппа, направленныя ко вреду Ричарда, были прямымъ нарушеніемъ договора, заключеннаго ими во время сборовъ къ крестовому походу. По этому договору французскій король во все время отсутствія англійскаго короля не имѣлъ права нападать на его владѣнія и могъ объявить ему войну только спустя 40 дней послѣ возвращенія Ричарда изъ похода. Излишне говорить о томъ, что нарушеніе договора со стороны Филиппа и его посягательства на французскія владѣнія Ричарда должны были вредно вліять на духъ англійскаго короля.

Ричардъ, оставаясь въ Акрѣ, ожидалъ исполненія со стороны Саладина остальныхъ пунктовъ мирнаго договора. Саладинъ отказался возвратить Іерусалимъ, не освобождалъ плѣнниковъ и не платилъ военныхъ издержекъ. Тогда Ричардъ сдѣлалъ одинъ шагъ, который напугалъ всѣхъ мусульманъ и который долженъ считаться самымъ характернымъ для той печальной славы, которую пріобрѣлъ Ричардъ на Востокѣ. Ричардъ велѣлъ заколоть до 2 тысячъ знатныхъ мусульманъ, которые находились въ его рукахъ, въ качествѣ заложниковъ. Такого рода факты были необычнымъ явленіемъ на Востокѣ и вызвали только со стороны Саладина озлобленіе. Саладинъ не замедлилъ отвѣтить тѣмъ же.

Ричардъ не предпринимаетъ никакихъ рѣшительныхъ и правильныхъ дѣйствій противъ Саладина, а ограничивается мелкими нападеніями. Эти наѣзды съ цѣлью грабежа характеризуютъ, правда, рыцарское время, но въ приложеніи къ главѣ крестоноснаго ополченія, который представлялъ интересы всей христіанской Европы, обличали только неумѣнье взяться за дѣло. Разъ Саладинъ пожертвовалъ Акрой, христіане не должны были допустить его укрѣпиться въ другомъ мѣстѣ, а должны были тотчасъ идти на Іерусалимъ. Но Гвидо Лузиньянъ, этотъ номинальный король безъ королевства, вражду котораго къ Конраду Монтферратскому можно объяснить только завистью, уговаривалъ Ричарда очистить отъ мусульманъ прежде всего береговую полосу; Гвидо Лузиньяна поддерживали также и венеціанцы, преслѣдовавшіе торговыя цѣли: для нихъ было удобнѣе, чтобы приморскими городами владѣли христіане, а не мусульмане. Ричардъ, поддавшись этому вліянію, двинулся изъ Акры на Аскалонъ, предпріятіе совершенно безполезное, которое было внушено торговыми интересами итальянскихъ городовъ и честолюбіемъ Гвидо.

Самъ Саладинъ не ожидалъ подобнаго безсмысленнаго шага со стороны Ричарда; онъ рѣшился на экстренное средство; велѣлъ срыть крѣпкія стѣны Аскалона и превратить въ груду камней самый городъ. Всю осень 1191 г. и весну 1192 г. Ричардъ стоялъ во главѣ крестоноснаго ополченія. Все это время онъ потерялъ въ преслѣдованіи ложныхъ плановъ и ненужныхъ задачъ и далъ

понять своему талантливому противнику, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ весьма не дальновиднымъ. Не разъ для Ричарда представлялась совершенно ясно задача—идти прямо на Іерусалимъ; само войско его сознавало, что оно не исполнило еще своей задачи и побуждало короля къ тому же. Три раза онъ былъ уже на пути къ Іерусалиму, три раза сумасбродныя идеи заставляли его останавливать маршъ и двигаться назадъ.

Къ началу 1192 года въ Азію пришли извѣстія изъ Франціи, которыя сильно подѣйствовали на Ричарда. Въ то же самое время на Востокѣ имѣлъ мѣсто одинъ фактъ, который внушилъ Ричарду опасенія за исходъ предпріятія. Конрадъ Монтферратскій понималъ, что при безтактности Ричарда, едва ли христіанамъ удастся побѣдить Саладина, перешелъ на сторону послѣдняго, выговаривалъ у него для себя Тиръ и Акру и обѣщалъ за это соединиться съ нимъ и однимъ ударомъ уничтожить Ричарда. Тогда Ричардъ, поставленный въ высшей степени затруднительное положеніе дѣлами на Востокѣ, и безпокоясь за свои англійскія владѣнія, которымъ угрожалъ французскій король, употребилъ всѣ средства для того, чтобы войти въ сношенія съ Саладиномъ. Въ мечтательномъ самообманѣ онъ составилъ вполнѣ неосуществимый планъ. Онъ предложилъ Саладину соединиться съ нимъ узами родства: нъ предлагалъ выдать свою сестру Іоанну за брата Саладина Малекъ-Аделя. Идея въ высшей степени мечтательная, и не могущая удовлетворить никого. Если бы даже и могъ состояться подобнаго рода бракъ, то онъ не удовлетворялъ бы христіанъ: земли, священныя для нихъ, по прежнему остались бы въ рукахъ мусульманъ.

Наконецъ Ричардъ, который, оставаясь долѣе въ Азіи, рисковалъ потерять свою корону, заключилъ 1 сент. 1192 года договоръ съ Саладиномъ. Этотъ постыдный для чести Ричарда миръ оставлялъ за христіанами небольшую береговую полосу отъ Яффы до Тира; Іерусалимъ оставался во власти мусульманъ, св. крестъ не возвращенъ. Саладинъ даровалъ христіанамъ миръ на три года. Въ это время они могли свободно приходить на поклоненіе св. мѣстамъ. Черезъ три года христіане обязывались войти въ новыя

соглашенія съ Саладиномъ, которыя, само собою разумѣется, должны были быть хуже предыдущихъ. Этотъ безславный миръ легъ тяжелымъ обвиненіемъ на Ричарда. Современники подозрѣвали его даже въ измѣнѣ и предательствѣ; мусульмане упрекали его въ чрезмѣрной жестокости. Въ октябрѣ 1192 г. Ричардъ оставилъ Сирію. Для него однако возвращеніе въ Европу представляло не малыя затрудненія, такъ какъ у него вездѣ были враги. Послѣ долгихъ колебаній, онъ рѣшился высадиться въ Италіи, откуда предполагалъ пробраться въ Англію. Но въ Европѣ сторожили его всѣ враги, которыхъ не мало имѣлъ Ричардъ (онъ былъ въ ссорѣ съ французскимъ и нѣмецкимъ королями и оскорбилъ нѣмецкое знамя въ Акрѣ). Около Вѣны онъ былъ узнанъ, схваченъ и заключенъ Герцогомъ Леопольдомъ въ тюрьму, гдѣ содержался около двухъ лѣтъ. Только подъ вліяніемъ угрозъ папы и сильнаго возбужденія англійской націи, онъ получилъ свободу.

ГЛАВА V.

Четвертый крестовый походъ.

Четвертый походъ имѣетъ особенное значеніе въ исторіи и занимаетъ исключительное положеніе въ литературѣ. Не говоря уже о томъ, что въ четвертомъ крестовомъ походѣ на первый планъ ясно выступаетъ не религіозная, а политическая идея, онъ отличается хорошо обдуманнымъ и искусно проведеннымъ планомъ. Направленный противъ Византійской имперіи и завершившійся завоеваніемъ Константинополя и раздѣленіемъ имперіи, этотъ походъ является выраженіемъ долго скрываемой вражды и удовлетвореніемъ того настроенія, которое воспитали въ западно-европейцахъ первые крестовые походы. Больше всѣхъ въ этомъ походѣ выиграли романскіе народы. Историческая роль Франціи на Востокѣ начинается именно съ 1204 года. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ западно-европейской литературѣ событіямъ четвертаго крестоваго похода отводится много мѣста и что по спеціальной обработкѣ въ общемъ и въ частностяхъ онъ занимаетъ исключительное положеніе.

Какъ блестящая страничка исторіи, бьющими въ глаза красками рисующаго картину отношеній Запада къ Востоку, какъ эпизодъ, вносящій новыя черты въ характеристику борьбы между западной и восточной церковью, четвертый крестовый походъ имѣетъ преимущественное право на вниманіе русскаго образованнаго читателя. Паденіе Цареграда въ 1204 году и основаніе латинскихъ княжествъ въ областяхъ Византійской имперіи имѣло непосредственное отношеніе къ Россіи, такъ какъ служило осуществленіемъ за-

вѣтныхъ плановъ римскаго папы по отношенію къ православному Востоку. Сохранилось письмо папы Иннокентія III къ русскому духовенству, написанное по завоеваніи Константинополя, въ которомъ ставилось на видъ, что подчиненіе Риму Византійской имперіи должно сопровождаться обращеніемъ въ католичество и всей Россіи.

Чтобы ввести въ кругъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ событіями четвертаго крестоваго похода, находимъ необходимымъ предпослать очеркъ литературной исторіи этого похода. До половины нынѣшняго столѣтія главнымъ источникомъ, изъ котораго черпались извѣстія по исторіи четвертаго похода, служилъ французскій лѣтописецъ Вильгардуэнъ, маршалъ Шампани, участникъ и важный дѣятель въ описанныхъ имъ событіяхъ. Прекрасныя качества его труда, въ основаніе котораго положенъ его собственный дневникъ, обусловили за его произведеніемъ громкую извѣстность и почти не подвергавшійся сомнѣніямъ авторитетъ достовѣрности, хотя въ его исторіи нѣтъ причинной связи между событіями, факты не вытекаютъ одинъ изъ другого, а часто поражаютъ неожиданностью. Специальная разработка исторіи четвертаго похода началась съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ высказано было сомнѣніе по отношенію къ Вильгардуэну, причемъ подверглась повѣркѣ его *теорія случайностей*.

Въ 1861 г. французскій ученый Масъ-Латри (Mas-Latrie) въ своей исторіи острова Кипра посвятилъ нѣсколько страницъ событіямъ четвертаго крестового похода. Здѣсь въ первый разъ авторитетъ Вильгардуэна былъ подвергнутъ колебанію, причемъ въ первый разъ было высказано и поддержано оригинальное мнѣніе, что направленіе четвертаго крестоваго похода на Византію, а не на Египетъ и въ Св. Землю вызвано было коварною политикою и измѣною общехристіанскому дѣлу со стороны Венеціи. Венеціанскій дожъ Генрихъ Дандоло вступилъ въ тайный договоръ съ египетскимъ султаномъ и продалъ ему интересы всего христіанскаго ополченія. Масъ-Латри, колебля авторитетъ Вильгардуэна, сослался на продолжателей Вильгельма Тирскаго, на которыхъ прежде мало обращали вниманія. Свидѣтельство это интересно въ томъ отноше-

ніи, что прямо и просто объясняетъ измѣненіе направленія крестоваго похода измѣной Венеціанской республики, которую тайно отъ крестоносцевъ подкупилъ египетскій султанъ. „Когда Малекъ-Адель, братъ Саладина, услыхалъ, что христіане наняли флотъ, чтобы идти въ Египетъ, онъ прибылъ въ Египетъ и сосредоточилъ здѣсь свои силы. Потомъ избралъ пословъ, ввѣрилъ имъ значительныя денежныя суммы и послалъ въ Венецію. Дожу и венеціанцамъ предложены были большіе подарки. Посламъ приказано было сказать, что если бы венеціанцы согласились отвлечь христіанъ отъ похода на Египетъ, то султанъ далъ бы имъ торговыя привилегіи въ Александріи и большую награду. Послы отправились въ Венецію и сдѣлали то, что имъ было поручено".

Чтобы поддержать справедливость этого свидѣтельства, Масъ-Латри указалъ на торговые интересы республики, на ея морское могущество, на то, наконецъ, что въ XII вѣкѣ она стремится къ преобладанію на морѣ. Далѣе онъ доказывалъ, что Вильгардуэнъ былъ обманутъ венеціанцами и не понималъ внутреннихъ причинъ, руководившихъ событіями. Но главное доказательство противъ Вильгардуэна было документальное. Масъ-Латри нашелъ въ венеціанскихъ архивахъ нѣсколько документовъ, касающихся договора султана съ Венеціей, именно — рядъ привилегій, данныхъ венеціанцамъ Малекъ-Аделемъ въ періодъ отъ 1205—1217 г.г. По его мнѣнію эти торговыя привилегіи были слѣдствіемъ тайнаго договора Венеціанцевъ съ султаномъ и должны быть разсматриваемы, какъ плата за измѣну христіанскому дѣлу. Съ этой точки зрѣнія если придать полное значеніе второму свидѣтельству, дѣло IV крестоваго похода представляется остроумной сдѣлкой, ловкой политической игрою, въ которой крестоносцы были шашками. (Въ 1867 году появился 85 т. „Энциклопедіи Эрша и Грубера", посвященный Греціи и Византіи и принадлежащій перу Карла Гопфа. Приступая къ изложенію IV крестоваго похода, Гопфъ (стр. 184) предупреждаетъ читателя: „если въ исторіи этого похода иное разсказано иначе, чѣмъ у моихъ предшественниковъ, то это обусловливается какъ новыми документами, мною найденными, такъ и новыми источниками, между которыми можно указать на русскую лѣ-

топись и на Роберта де Клари". Мнѣніе его объ измѣнѣ венеціанцевъ высказывается на стр. 188. Онъ такъ говоритъ о событіяхъ, послѣдовавшихъ въ Венеціи: „такъ какъ въ Венеціи не могли помѣститься всѣ крестоносцы, то имъ назначенъ былъ для лагерной стоянки островъ Лидо, куда привозили изъ города продовольствіе. Страхъ смѣнялся новыми надеждами. Передавали изъ устъ въ уста дурныя вѣсти, будто султанъ Малекъ-Адель послалъ къ Дандоло и къ венеціанскимъ купцамъ пословъ съ богатыми подарками и предлагалъ имъ выгодныя привилегіи, если они согласятся отклонить крестоносцевъ отъ похода въ Египетъ. Высказывалось опасеніе, что крестоносцы попали въ западню, что необходимость заставитъ ихъ, можетъ быть, вмѣсто достиженія священныхъ цѣлей, обратиться къ мірскимъ дѣламъ и — что еще хуже — вести войну съ христіанскими народами. Имѣли ли основаніе эти слухи, или только томительная неизвѣстность навѣвала эти страхи? Мы въ состояніи, наконецъ, пролить свѣтъ на этотъ темный вопросъ. Вскорѣ послѣ того, какъ Венеція договорилась съ французскими баронами предпринять походъ противъ Малекъ-Аделя, можетъ быть, вслѣдствіе приглашенія этого послѣдняго, отправились въ Каиръ послами Марино Дандоло и Доменико Микіели, которые весьма ласково были приняты султаномъ и вступили съ нимъ въ соглашеніе. Между тѣмъ какъ крестоносцы томились ожиданіемъ на островѣ Лидо, когда имъ можно будетъ идти на войну съ невѣрными, венеціанскіе послы 13 мая 1202 г. дѣйствительно заключили торговый договоръ, въ силу котораго, кромѣ другихъ привилегій, венеціанцамъ гарантированъ былъ особый кварталъ въ Александріи. Для ратификаціи договора посланъ былъ въ Венецію эмиръ Саадеддинъ. Выгодныя условія, предложенныя Малекъ-Аделемъ, рѣшили судьбу крестоваго похода. Искусственное зданіе благочестивыхъ надеждъ, лелѣемыхъ папой Иннокентіемъ III и опиравшихся на цвѣтъ французскаго рыцарства, рушилось разомъ. Побѣду одержали политическіе интересы. Вмѣсто борьбы за дѣло креста, состоялась совсѣмъ иная экспедиція, кончившаяся разрушеніемъ Греціи и утвержденіемъ всесвѣтнаго торговаго могущества Венеціи. Рѣшеніе дѣлу далъ старый дожъ; онъ послѣдовательно,

безъ колебаній осуществилъ вполнѣ то предпріятіе, которое уже давно таилъ въ своей гордой душѣ. Не напрасно Венеція снарядила флотъ, какого лагуны не видали до того времени; снаряженный предпріимчивыми и воинственными крестоносцами, этотъ флотъ представлялся непобѣдимымъ".

Гопфъ, какъ видно, рѣшительно беретъ сторону Масъ-Латри и, ослабляя авторитетъ Вильгардуэна, ссылается на новый документъ, повидимому, неизвѣстный Масъ-Латри, именно—договоръ венеціанскихъ пословъ съ султаномъ, помѣчая его 13 мая 1202 г. Если такъ, то понятно, вопросъ объ измѣнѣ Венеціи рѣшается вполнѣ. Но къ сожалѣнію, Гопфъ не сдѣлалъ подробныхъ указаній, гдѣ находится открытый имъ документъ и можетъ ли онъ быть признанъ вполнѣ достовѣрнымъ, благодаря чему осталось нѣкоторое сомнѣніе. Впрочемъ авторитетъ Гопфа въ исторіи Византіи и Востока такъ великъ, что ему можно было повѣрить на слово. Измѣна венеціанцевъ христіанскому дѣлу подтверждалась теперь не только хроникой, но и оффиціальнымъ документомъ, значеніе котораго подорвать было трудно.

Нужно сказать, что во всемъ этомъ вопросѣ особенно живую роль играло національное чувство французовъ. Извѣстно, какимъ авторитетомъ пользовался у нихъ Вильгардуэнъ, эта гордость и украшеніе французской націи. Поэтому неудивительно, что особенно жаркими защитниками его были французы. Самымъ способнымъ защитникомъ Вильгардуэна оказался французскій ученый Наталисъ-де-Вальи. Въ 1873 году приготовляя къ изданію [1]) текстъ Вильгардуэна, онъ читалъ въ Академіи надписей въ Парижѣ записку, посвященную Вильгардуэну. Защищая Вильгардуэна и будучи лично оскорбленъ мнѣніемъ Масъ-Латри, Наталисъ-де-Вальи чуть не обвиняетъ послѣдняго въ клеветѣ и легкомысліи. Аргументація его состоитъ въ слѣдующемъ: заслуживаетъ ли вѣры Вильгардуэнъ; могъ ли онъ знать истинные мотивы, которые воспрепятствовали крестоносцамъ, собравшимся въ Венеціи въ 1202 г., исполнить ихъ

---

1) Это очень богатое изданіе появилось въ 1874 г. Оно въ 4 долю листа съ старофранцузскимъ оригиналомъ и новофранцузскимъ переводомъ и съ огромной массой комментаріевъ.

первоначальный проэктъ? Я думаю и постараюсь это доказать, что мнѣніе Масъ-Латри (о недостовѣрности Вильгардуэна и объ измѣнѣ венеціанцевъ) парадоксально и не заслуживаетъ никакой вѣры, потому что оно невѣроятно. Единственное основаніе для теоріи Масъ-Латри заключается въ слухахъ разнаго происхожденія, которымъ легковѣрно довѣрялся лѣтописецъ (Эрнулъ), лишенный всякаго личнаго авторитета. Разсказъ Эрнула поразителенъ по своей невѣроятности. Можно ли допустить, чтобы венеціанцы, связавъ себя договоромъ съ крестоносцами, увлеклись предложеніями султана и измѣнили дѣлу Христа ради магометанства? Пусть перенесутся мыслью къ началу XIII в. и подумаютъ, можно ли было венеціанцамъ иначе обсуждать этотъ вопросъ. Если бы подобная мысль объ измѣнѣ могла прійти имъ въ голову, развѣ они могли закрыть глаза предъ опасностью, какая угрожала бы имъ въ случаѣ открытія сдѣлки, развѣ они не рисковали бы обратить на себя раздраженіе и оружіе всей христіанской Европы? Говорятъ, что Вильгардуэнъ, какъ очевидецъ и участникъ въ событіяхъ не зналъ о секретныхъ переговорахъ, происходившихъ между Венеціей и Малекъ-Аделемъ; но тогда позволительно спросить, какъ могъ знать объ этомъ лѣтописецъ, жившій въ Сиріи?“ Удивляясь, почему Масъ-Латри не взвѣсилъ этихъ обстоятельствъ, защитникъ Вильгардуэна продолжаетъ: „если ученый писатель повѣрилъ такой баснѣ, то объясненіе можно находить развѣ въ томъ, что и лучшіе умы не всегда могутъ устоять противъ опасной привлекательности парадокса и что всякое новое мнѣніе издаетъ фальшивый блескъ, способный болѣе ослѣплять, а не разсѣивать мракъ.

Что касается документальныхъ доказательствъ, приводимыхъ Масъ-Латри, къ нимъ также недовѣрчиво относится издатель и защитникъ Вильргадуэна. Дѣло въ томъ, что привилегіи, данныя султаномъ венеціанцамъ, хотя дѣйствительно и существуютъ въ архивахъ Венеціи, но относятся къ послѣдующему времени, во всякомъ случаѣ акты не имѣютъ даты (Fontes rerum austriacarum. Diplomata XIII, p. 184) и ни одинъ изъ нихъ не носитъ имени Генриха Дандоло, современнаго IV походу дожа Венеціи.

Выводъ Натались-де-Вальи слѣдующій: Между дѣятелями, при-

нимавшими участіе въ завоеваніи Константинополя, не было не измѣнниковъ, ни обманутыхъ. Крестоносцы, такъ и венеціанцы, думали, что они остаются вѣрными святому дѣлу, предпринимая осаду города, который въ ихъ предположеніяхъ долженъ былъ сдѣлаться операціоннымъ пунктомъ для всѣхъ послѣдующихъ крестовыхъ походовъ.

Въ дальнѣйшей ученой разработкѣ IV крестоваго похода обращено было вниманіе на другія стороны вопроса, отчего расширилась историческая точка зрѣнія и усложнились самыя задачи изслѣдованія. Въ исторіи IV похода намъ необходимо различать два факта: 1) отклоненіе похода отъ первоначальной цѣли,—отъ движенія на Египетъ и 2) направленіе крестоносцевъ, потерявшихъ изъ виду первоначальную цѣль, именно на Константинополь. Пусть будетъ доказаннымъ, что былъ тайный договоръ Венеціи съ Малекъ-Аделемъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Только то, что для удовлетворенія желанія султана и для выполненія договора съ нимъ было бы вполнѣ достаточнымъ, если бы венеціанцы отклонили крестоносцевъ отъ похода на Египетъ. Тогда была бы спасена Византійская имперія, разрушеніе которой и не входило въ виды султана и не обусловливалось договоромъ 13 мая 1202 года. Само собою разумѣется, что для того, чтобы объяснить, въ силу какихъ возбужденій крестоносцы пошли на Константинополь, нужно было направить изслѣдованія въ другую сторону, т. е. показать, для кого было полезно именно такое направленіе похода, причемъ вопросъ о договорѣ Венеціи съ султаномъ естественно теряетъ первостепенное значеніе въ исторіи IV похода.

На такую почву поставленъ былъ вопросъ о IV походѣ графомъ де-Ріономъ въ его сочиненіи „Иннокентій III, Филиппъ Швабскій и Бонифацій Монферратскій". Теорія Ріана состоитъ въ слѣдующемъ: направленіе крестоносной рати на Константинополь должно быть разсматриваемо, какъ эпизодъ борьбы свѣтской власти съ духовной съ одной стороны и какъ актъ мести Византіи со стороны германскихъ императоровъ—съ другой. Ударъ на Константинополь есть интрига, созрѣвшая не въ Венеціи, а въ Германіи. Эту интригу зрѣло обдумалъ сынъ Фридриха Барбаруссы,

король Филиппъ Швабскій, а привелъ въ исполненіе Бонифацій Монферратскій, глава крестовой рати". Еще не вполнѣ ясна, говоритъ де-Ріонъ, таинственная интрига между константинопольскимъ и швабскимъ дворомъ; но существованіе такой интриги засвидѣтельствовано очевидцами. Въ то время, какъ папа Иннокентій III, повидимому, достигалъ двойной цѣли: освобожденія Св. Земли и побѣды надъ королемъ германскимъ, неожиданно случилось два обстоятельства: прибытіе въ Европу претендента на Византійскую имперію, царевича Алексѣя Комнина, родного брата королевы германской, и выборъ въ предводители крестоноснаго ополченія итальянскаго князя, явнаго партизана и друга короля Филиппа. Совпаденіе этихъ двухъ обстоятельствъ мнѣ кажется ключемъ въ разгадкѣ всѣхъ послѣдующихъ событій" (Revue des Quest. Hist. апрѣль 1875, p. 346). Графъ де Ріонъ, какъ видно, весьма широко раздвигаетъ вопросъ: по его мнѣнію, на IV походъ съ одной стороны вліяли отношенія между свѣтской и духовной властью, а съ другой—то обстоятельство, что Константинополь былъ постояннымъ яблокомъ раздора, бѣльмомъ на глазу у крестоносцевъ, вслѣдствіе чего послѣдніе давно желали нанести сперва ударъ Константинополю. Для исторической достовѣрности я долженъ однако замѣтить, что еще ранѣе Ріона нѣмецкій ученый Винкельманъ въ своемъ сочиненіи „Philipp von Schwaben" (Leipzig 1873 s. 525—528) обратилъ вниманіе на обстоятельства, развитыя Ріономъ. Именно онъ указалъ на переговоры греческаго царевича Алексѣя съ Филиппомъ Швабскимъ, разъясняющіе мотивы движенія крестоносцевъ на Константинополь. Но Винкельманъ однако не вывелъ изъ этого факта всѣхъ послѣдствій, какія удалось вывести Ріону.

Послѣ ученаго изслѣдованія Ріона, весьма остроумно затронувшаго нѣмецкую интригу, нѣмецкая историческая наука отозвалась на вопросъ о IV походѣ не менѣе крупными трудами. Я разумѣю два сочиненія: Климке „Источники исторіи IV крестоваго похода" и Штрейта „Венеція и направленіе IV крестоваго похода противъ Константинополя". Собственно говоря, въ исторіи полемики по вопросу о IV походѣ наше вниманіе займетъ послѣднее сочиненіе. Что же касается перваго, то оно чуждо полемики

и имѣетъ своей задачей собраніе источниковъ для изученія IV похода, что выполнено весьма тщательно. Безспорнымъ интересомъ отличается вся та часть сочиненія Штрейта, гдѣ описываются отношенія Венеціи къ Византіи. Въ самомъ дѣлѣ для исторіи XI и XII ст. все, что касается Востока, не можетъ быть разсматриваемо иначе, какъ съ точки зрѣнія венеціанской политики: Венеція въ XII ст. начинаетъ играть по отношенію къ Византіи ту же роль, какую играетъ современная Англія по отношенію къ Турціи. Могущество византійскаго флота и византійская внѣшняя политика опирались по преимуществу на союзъ съ Венеціей въ концѣ XII вѣка. Венеція доставляла Византіи флотъ, а Византія должна была поддерживать торговые интересы республики. Отсюда общеисторическій и частный интересъ отношеній Венеціи къ Византіи.

Дошедши въ своемъ изложеніи до роковыхъ раздоровъ между республикой и имперіей, имѣвшихъ слѣдствіемъ застой торговли въ Венеціи и прямой ущербъ, нанесенный венеціанскимъ купцамъ Мануиломъ и Андроникомъ Комнинами, Штрейтъ заключаетъ: Венеція не могла терпѣть Византіи, разрушеніе Константинополя было для нея вопросомъ жизни и смерти.

Итакъ, измѣненіе въ направленіи IV крестоваго похода было дѣломъ Венеціи именно — дожа Г. Дандоло. Штрейтъ, какъ можно видѣть, приходитъ къ обвиненію Венеціи въ измѣнѣ не тѣмъ путемъ, какъ Масъ-Латри и Гопфъ. Не касаясь выставленныхъ послѣдними основаній, Штрейтъ ищетъ разъясненія въ политикѣ того времени и разбирая отношенія между Венеціей и Византіей въ концѣ XII вѣка, доказываетъ, что Венеція непремѣнно должна была устранить съ дороги Византію.

Въ точкѣ зрѣнія Штрейта много справедливаго. Но такъ какъ вопросъ идетъ о перемѣщеніи исторической перспективы, такъ какъ ищется центръ тяжести, то останавливаться на конечномъ выводѣ Штрейта едва ли можно. Уклонившись отъ германской теоріи Ріона, Штрейтъ мало оцѣнилъ отношенія Византіи съ германскимъ императоромъ, или, если и касается ихъ, то обходитъ какъ будто намѣренно выводы де-Ріона, вслѣдствіе чего центръ тяжести не со-

всѣмъ ощутителенъ и въ его изслѣдованіи. Онъ говоритъ, напр., что „Венеціи задолжало византійское правительство до 700.000 и не захотѣло производить уплаты, вслѣдствіе чего, еще до заключенія договора съ крестоносцами, Г. Дандоло рѣшился погубить имперію и привелъ свое намѣреніе къ осуществленію съ полнымъ успѣхомъ. Но при такой постановкѣ дѣла, лишаются почти всякаго значенія другіе факты безспорно важные, напр., переговоры Филиппа Швабскаго съ византійскимъ императоромъ и бѣгство въ Европу царевича Алексѣя. Не смотря на все это, сочиненіе Штрейта имѣетъ крупныя достоинства. Оно показало, что изучая IV походъ, необходимо считаться и съ политикой византійскихъ императоровъ, и съ состояніемъ Балканскаго полуострова, и съ исторіей папства и Германской имперіи. Изъ него также видно, что бѣгство царевича Алексѣя изъ Византіи и переговоры его съ западными государями и папой должны получить первостепенное значеніе между факторами, измѣнившими направленіе IV крестоваго похода.

Такимъ образомъ изслѣдованіями графа Ріона и Штрейта вопросъ о IV крестовомъ походѣ поставленъ на общеисторическую почву. Эти изслѣдованія показали, что для изученія IV похода недостаточно извѣстій Вильгардуэна, а нужно обратиться къ изученію отношеній Венеціи къ Византіи, Византіи къ Германіи и всѣхъ трехъ къ папству. При этомъ какъ будто забывается исходный пунктъ всей полемики: измѣна Венеціи дѣлу христіанъ, — пунктъ, который выставилъ Масъ-Латри и поддерживалъ Гопфъ. Въ самомъ дѣлѣ, пока не произнесено окончательное рѣшеніе о роли Венеціи въ 1202 г., пока не выяснено, была ли она въ тайномъ соглашеніи съ египетскимъ султаномъ, или нѣтъ, всякое перенесеніе центра тяжести будетъ рискованнымъ.

Такимъ образомъ вопросъ объ измѣнѣ Венеціи приходилъ къ своему исходному пункту. Спеціально онъ былъ разобранъ французскимъ ученымъ Ганото (Hanotaux) въ его сочиненіи: „Измѣнили ли венеціанцы христіанскому дѣлу въ 1202 г.“? (Revue Historique, май 1877 г., p. 74). Вопросъ былъ поставленъ прямо и авторъ для рѣшенія его запасся фактами рѣшительнаго свойства. Можно было ждать, что отвѣтъ будетъ утвердительный, а между

тѣмъ Ганото рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно. Здѣсь необходимо припомнить теорію Масъ-Латри и ея основанія. Масъ-Латри, обвиняя венеціанцевъ въ измѣнѣ, ссылается, какъ извѣстно, на свидѣтельство лѣтописца Эрнула и на договоръ Венеціи съ султаномъ. Сильнымъ оппонентомъ Масъ-Латри былъ Наталисъ де-Вальи, отрицавшій значеніе свидѣтельства Эрнула. Имѣя много общаго съ возраженіями Наталиса де-Вальи, Ганото выставляетъ нѣсколько новыхъ весьма интересныхъ соображеній. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ IV походъ былъ очень выгоденъ для французовъ, обогатившихся помѣстьями въ Византіи, положеніе христіанъ Сиріи и Палестины послѣ него нисколько не улучшились. Для нихъ IV походъ имѣлъ несчастный исходъ. Недовольство имъ естественно поэтому, равно какъ и стремленіе найти виновника совершившагося факта. Эрнулъ, по мнѣнію Ганото, и является выразителемъ партіи недовольныхъ, а почему была обвинена именно Венеція,—это легко объяснить тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, какое занимала она между другими государствами того времени. Удивляясь устройству и политикѣ Венеціи, политическіе дѣятели смотрѣли на нее, какъ на очагъ раздоровъ, и сильно ее недолюбливали. Понятно, что послѣ неблагопріятнаго исхода IV похода всю вину свернули на Венецію. Въ этомъ смыслѣ высказывался даже прямо папа, отлучившій Венецію отъ церкви. Самою главною и имѣющей рѣшительное значеніе для вопроса является у Ганото вторая часть его изслѣдованія. Здѣсь онъ говоритъ, что тотъ знаменитый договоръ, на который опирается Гопфъ, не существуетъ, что Гопфъ ошибся и ввелъ въ заблужденіе весь ученый міръ. Дѣло идетъ о 4 договорахъ Венеціи съ Малекъ-Аделемъ, напечатанныхъ въ „Fontes rerum anstiacarum“ (Diplomata XII, p. 184) Тафелемъ и не имѣющихъ даты. Масъ-Латри и Гопфъ разсматривали эти документы, какъ доказательство измѣны Венеціи. Ганото, послѣ тщательнаго изученія ихъ, доказалъ, что эти 4 договора въ сущности составляютъ одинъ и тотъ же договоръ, состоящій изъ 4-хъ частей и помѣченный die decima nona Saben (=въ 19 день мѣсяца Сабана).

Главная сила доказательства Ганото заключается въ разборѣ

договора Венеціи съ Малекъ-Аделемъ. На этотъ договоръ опирается Гопфъ, который, сдѣлавъ нѣкоторую поправку въ написаніи даты, отнесъ его къ маю 1202 года. Ганото обратилъ вниманіе на помѣтку: „въ 19 день мѣсяца Сабана“ и, сличивъ магометанскую хронологію съ христіанской, вывелъ заключеніе, что договоръ могъ быть заключенъ не иначе, какъ въ 1208 году. Онъ пошелъ еще дальше въ критикѣ договора. Въ договорѣ упомянуты два венеціанскихъ посла къ султану—Марино Дандоло [1]) и Піетро Микіели. Эти лица принадлежали къ знатнымъ венеціанскимъ фамиліямъ и дѣятельность ихъ болѣе или менѣе можетъ быть возстановлена на основаніи документовъ. Этотъ трудъ и взялъ на себя Ганото. Изъ сопоставленія разныхъ историческихъ указаній и датъ онъ заключаетъ, что Дандоло и Микіели могли быть посланы къ султану именно только въ 1208 г. и притомъ дожемъ Піетро Ціани. Когда Ганото уже окончилъ свою статью, Штрейтъ сообщилъ ему замѣчаніе о титулѣ Малекъ-Аделя—„rex regum“, который употребляется въ разбираемомъ договорѣ. По мнѣнію Штрейта, Малекъ-Адель сперва находился подъ властью Дамаскаго Калифа и только впослѣдствіи онъ выхлопоталъ себѣ этотъ титулъ, что случилось не въ 1202 г., а позже. Это обстоятельство служитъ вѣскимъ доказательствомъ въ подтвержденіе теоріи Ганото касательно позднѣйшаго происхожденія документа.

Всматриваясь въ содержаніе договора, Ганото нашелъ въ немъ такія обстоятельства, которыя не обратили на себя вниманіе раньше только потому, что въ изученіи этого договора было много страстности. Изучая этотъ договоръ ближе, Ганото говоритъ, что привилегіи въ немъ даются скорѣе за будущія услуги Венеціи, а не за прошедшія. Все, что можно заключить изъ договора, состоитъ въ томъ, что послѣ IV похода существовали добрыя отношенія между Венеціей и султаномъ. Но это далеко не новость. Уже давно Венеція поняла, что ей необходимо поддерживать добрыя отношенія съ султаномъ, и такая ея политика идетъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Свою статью Ганото заключаетъ такъ: „мы не имѣемъ

---

[1]) Родственникъ дожа Генриха Дандоло.

серьезныхъ причинъ подвергать сомнѣнію въ этомъ вопросѣ добросовѣстность венеціанцевъ. Если они и были истинными подстрекателями похода на Константинополь, другіе мотивы руководили въ этомъ случаѣ ихъ политикой. Ими могло руководить и желаніе подчинить Зару, и месть къ Византіи за неуплату долга и за торговыя привилегіи Пизѣ, и надежда воспользоваться къ своей выгодѣ разрушеніемъ Греческой имперіи; это достаточные мотивы для объясненія похода на Константинополь" (р. 100).

Справедливость требуетъ сказать, что Ганото доказалъ свою тему вполнѣ удовлетворительно. Сильныхъ возраженій еще не было. Напротивъ, его доводы о недостовѣрности Эрнула и о подложности даты приняты почти безспорно. Далѣе останавливаться на тайномъ соглашеніи Венеціи съ Египетскимъ султаномъ и отсюда выводить главный мотивъ направленія IV похода на Константинополь, очевидно, нѣтъ возможности. Такимъ образомъ, съ изслѣдованіемъ Ганото падаетъ и самый исходный пунктъ всей полемики о IV походѣ, хотя остается открытымъ рядъ второстепенныхъ вопросовъ, вызванныхъ ею.

Изслѣдованіе Ганото болѣе всѣхъ затронуло графа де-Ріана и онъ не оставилъ его безъ отвѣта. Въ 1878 году въ январской книжкѣ Revue des Questions Historiques онъ помѣстилъ статью, носящую заглавіе: „Измѣненіе направленія IV крестоваго похода". Здѣсь онъ даетъ отвѣтъ на всѣ возраженія, которыя были представлены частью Штрейтомъ, частью Ганото и др. Не смотря на весьма натуральное желаніе поддержать свою собственную гипотезу (снести отвѣтственность на германскую интригу) и видѣть центръ тяжести въ своей теоріи, Ріонъ очень безпристрастно относится къ изслѣдованіямъ Штрейта. Разбирая положенія послѣдняго, онъ говоритъ, что не смотря на богатый запасъ новыхъ фактовъ, все-таки вопросъ о центрѣ тяжести Штрейтъ хочетъ видѣть въ дѣятельности дожа Генриха Дандоло. Что же касается до вывода Ганото, то Ріонъ слагаетъ оружіе предъ его критикой договора и соглашается, что спорить въ этомъ отношеніи невозможно. Я приведу здѣсь только заключительныя слова Ріона, гдѣ онъ очерчиваетъ состояніе вопроса въ 1878 г.: „Измѣненіе направленія IV

похода нельзя объяснить одной причиной, но совокупнымъ дѣйствіемъ многихъ причинъ, представляющихъ различные интересы, затронутые событіемъ 1202—3 г. Венеція, Филиппъ Швабскій, Бонифацій Монферратскій, латинское духовенство (если не самъ папа), можетъ быть, наконецъ, Филиппъ-Августъ—всѣ они должны занять свое отдѣльное мѣсто въ этомъ великомъ конфликтѣ честолюбій. Теорія случайностей падаетъ сама собой. По моему мнѣнію, между добытыми фактами безспорными могутъ считаться два: пристрастье Вильгардуэна, невинность Иннокентія III [1]) и участіе Филиппа Швабскаго въ направленіи похода на Константинополь". Этою статьею де-Ріона заключается вся полемика, возбужденная съ 1861 года событіями IV похода. Теперь нелишне задать вопросъ: можно ли удовлетвориться добытыми результатами и остановиться, или продолжать изслѣдованіе и выступить съ новой теоріей? На послѣднее, очевидно, нельзя рѣшиться до той поры, пока не будутъ добыты новые памятники, которые бы пролили новый свѣтъ на эту эпоху. Говоря о возможности появленія новыхъ матеріаловъ, Ріонъ такимъ образомъ заключаетъ свою статью: «извѣстно, что для того, чтобы вести войну, нужно имѣть оружіе. Въ томъ направленіи, до котораго дошли дебаты, не достаетъ болѣе аргументовъ. Что касается до меня, я подожду возвращаться къ этому вопросу, пока не объявится новыхъ документовъ, и остерегусь еще разъ вступать въ кругъ, который въ настоящее время, какъ мнѣ кажется, не имѣетъ исхода» (p. 114).

Для исторической полноты нужно еще указать на нѣкоторые новые литературные факты, свидѣтельствующіе о томъ, съ какимъ вниманіемъ относятся ученые къ вопросамъ полемики. Въ 1879 году появилось сочиненіе Гейда „Исторія Левантійской торговли въ средніе вѣка", въ которомъ отведено мѣсто событіямъ завоеванія Цареграда въ 1204 г. Гейдъ—громадный авторитетъ; онъ работалъ въ итальянскихъ и венеціанскихъ архивахъ и его 2 тома

[1]) Будучи католикомъ, Ріонъ въ своихъ изслѣдованіяхъ имѣетъ тенденціонную цѣль—оправдать папу, показать, что Иннокентій III отнюдь не виноватъ въ измѣненіи направленія IV крестоваго похода и сознательно не вліялъ ни на Дандоло, ни на Константинополь и др.

необходимы и полезны для занимающихся исторіей востока. При составленіи своей книги Гейдъ имѣлъ подъ руками всю полемику о IV походѣ, и намъ поэтому весьма интересно знать его мнѣніе о ней. Событія IV похода представляются у него въ такомъ видѣ. Когда крестоносцы прибыли въ Венецію, туда является изъ Византіи царевичъ Алексѣй и вступаетъ въ переговоры съ Филиппомъ Швабскимъ и убѣждаетъ его идти войной на узурпатора,—Алексѣя Ангела. Хотя самъ король и не могъ помочь ему, но для того чтобы не оставить просьбу царевича неисполненной, онъ пользуется несчастнымъ положеніемъ крестоносцевъ, вступаетъ съ ними въ переговоры черезъ Бонифація Монферратскаго и направляетъ ихъ на Константинополь. Такимъ образомъ направленіе 4 похода, по мнѣнію Гейда, зависѣло отъ событій византійскихъ и германскихъ. Далѣе, говоря въ исторіи Египта о договорѣ Венеціи съ султаномъ, онъ относитъ его къ 1208 году. Въ 1879 г. вопросъ объ измѣненіи направленія 4 крестоваго похода имѣетъ такой видъ: не можетъ быть рѣчи объ измѣнѣ Венеціи, о лукавствѣ папы, все, о чемъ можетъ идти рѣчь, заключается въ византійскихъ событіяхъ и въ отношеніяхъ Венеціи и Филиппа Швабскаго къ Византіи.

Не могу не упомянуть, что вопросъ о IV походѣ, при томъ значеніи, какое онъ имѣетъ для исторіи православнаго Востока, не остается незатронутымъ и въ нашей литературѣ. Вопросъ о IV походѣ затронутъ и въ моей книгѣ „Образованіе 2-го Болгарскаго царства“, и въ рецензіи проф. В. Г. Васильевскаго, помѣщенной въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за іюнь 1879 г, Хотя въ русской литературѣ ему и не давалось всесторонняго развитія, но выяснены именно тѣ стороны его, которыя и составляютъ интересъ для чисто-русской науки. Именно,—было указано на 2 факта, заслуживающіе тщательнаго изученія: 1) на важность отношеній, которыя завязались между завоевателями Константинополя и новообразовавшимся Болгарскимъ царствомъ, и 2) на частныя обстоятельства, какъ, напр., бѣгство царевича Алексѣя изъ Константинополя въ Европу, переговоры его съ Филиппомъ Швабскимъ и друг.

Изъ предыдущаго можно видѣть, что при изложеніи событій

четвертаго крестоваго похода, въ особенности же при объясненіи мотивовъ, которыми руководились главные дѣятели, нельзя ограничиваться тѣсными хронологическими рамками. Въ организаціи и направленіи этого похода принимали участіе многіе факторы, изъ коихъ одни хорошо выяснены, другіе же или совсѣмъ неизвѣстны, или только намѣчены. Ясно, что здѣсь необходимо считаться и съ общимъ строемъ европейскихъ дѣлъ, и съ отношеніями Византіи къ Италіи и, наконецъ, съ борьбой свѣтской власти съ духовной.

Къ концу XII в. ни для кого уже изъ политическихъ людей не оставалось сомнѣнія, что крестовые походы въ Палестину есть праздное дѣло, не могущее закрѣпить за христіанами Іерусалима. Послѣ громадныхъ жертвъ, принесенныхъ въ удовлетвореніе религіознаго чувства, послѣ трехъ большихъ походовъ, въ которыхъ принимали участіе императоры германскіе, французскій и англійскій короли—Іерусалимъ все же оставался въ рукахъ невѣрныхъ. Сирія и Палестина и горныя ущелья Малой Азіи поглотили уже до милліона крестоносцевъ. Мусульмане издѣвались надъ христіанами, и послѣднимъ уже приходила мысль, что Богъ не благословляетъ дѣло европейскаго христіанства. Но большинство военныхъ и политическихъ дѣятелей того времени было того мнѣнія, что неудача крестовыхъ походовъ лежитъ въ систематическомъ противодѣйствіи европейцамъ со стороны византійскаго императора: онъ, говорили, подстрекаетъ мусульманъ и устраиваетъ засады крестоносцамъ, онъ заключаетъ союзы съ невѣрными и всѣми мѣрами вредитъ успѣху и развитію христіанскихъ княжествъ на Востокѣ.

— Душой и возбудителемъ четвертаго похода былъ папа Иннокентій III, одинъ изъ величайшихъ умовъ, какіе только руководили церковной политикой. Съ первыхъ же дней вступленія на престолъ (9 янв. 1198) Иннокентій началъ рядъ мѣръ, чтобы расшевелить католическій миръ идеей крестоваго похода, который слѣдовало направить не въ Палестину, а въ Египетъ, ибо оттуда мусульманство черпало силы для борьбы съ христіанами. Не довольствуясь обыкновенными и испытанными уже средствами: буллами и письмами къ королямъ и духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ, назначеніемъ спеціальныхъ проповѣдниковъ по селамъ и деревнямъ и т. п., Инно-

кентій самъ подалъ примѣръ воодушевленія крестоносной идеей: онъ снарядилъ на собственный счетъ корабль, снабдилъ его экипажемъ и припасами, пожертвовалъ десятую часть доходовъ римскаго престола на крестовый походъ и потребовалъ отчисленія на тотъ же предметъ $^{1}/_{40}$ части всѣхъ доходовъ католической церкви. Но положеніе тогдашнихъ европейскихъ государствъ не было благопріятно для организаціи дѣла на широкихъ основаніяхъ. Самая отзывчивая страна и всего больше заинтересованная въ судьбѣ палестинскихъ христіанъ — Франція — не могла на этотъ разъ выставить много охотниковъ, такъ какъ борьба Филиппа II Августа съ англійскимъ королемъ Ричардомъ была въ полномъ разгарѣ и отвлекала къ себѣ вниманіе военныхъ людей. Въ Германіи также голосъ папы не могъ встрѣтить большого сочувствія, такъ какъ и здѣсь шла внутренняя борьба между двумя королями гвельфскимъ и гибеллинскимъ и ихъ партіями. Вотъ почему идея крестоваго похода находила себѣ весьма мало приверженцевъ. Въ концѣ 1199 года, первыхъ поборниковъ она нашла все же во Франціи. Это были Тибо, графъ Шампани, Людовикъ Блуа и Балдуинъ, графъ Фландріи и Геннегау. Первые два графа, какъ родственники королевскаго дома, своимъ согласіемъ участвовать въ походѣ въ значительной степени обезпечивали успѣхъ дальнѣйшаго движенія, и дѣйствительно къ нимъ скоро присоединились ихъ вассалы и подвассалы. Что касается фландрскаго графа, его участіе объясняется еще фамильными преданіями, ибо фландрскіе графы со времени перваго крестоваго похода были самыми живыми выразителями крестоносной идеи. Весной и осенью 1200 г. означенные князья неоднократно собирались для обсужденія предварительныхъ мѣропріятій и для выработки плана похода. Такъ какъ прежде всего необходимо было обезпечить себѣ средства переправы въ мусульманскія земли, то князья пришли къ рѣшенію законтрактовать у Венеціи, какъ первой тогдашней морской державы, достаточное число судовъ для перевозки крестоносцевъ въ Александрію. Съ этой цѣлью выбрано было по два уполномоченныхъ отъ каждаго князя для переговоровъ съ венеціанской республикой. Между уполномоченными шампанскаго графа былъ маршалъ Вильгардуэнъ, которому

мы обязаны главнѣйше и извѣстіями объ этомъ походѣ. Французскіе уполномоченные явились въ Венецію въ февралѣ 1201 года и предложили на усмотрѣніе дожа и его тайнаго совѣта желаніе князей о предоставленіи имъ опредѣленнаго числа военныхъ и транспортныхъ судовъ для крестоваго похода. Въ мартѣ и апрѣлѣ велись переговоры, въ концѣ апрѣля состоялся проектъ соглашенія, который посланъ былъ на утвержденіе папѣ. Венеція обязывалась въ годичный срокъ доставить такое число кораблей, которое бы въ состояніи было поднять и перевезти въ Египетъ 4500 рыцарей, 9000 оруженосцевъ и 20000 пѣхоты по цѣнѣ 2 марки серебра съ пассажира и 4 марки за лошадь [1]). Платежъ суммы въ 85 т. марокъ раскладывался на три срока, послѣдній срокъ истекалъ въ іюнѣ 1202 года.

Лицо, до сихъ поръ стоявшее во главѣ движенія, главнокомандующій крестовымъ походомъ, графъ *Тибо*, умеръ въ маѣ 1201 года. Здѣсь мы имѣемъ первую роковую случайность, которыхъ увидимъ слишкомъ много въ изложеніи послѣдующихъ событій. Смерть его коренными образомъ измѣняетъ дѣло. До сихъ поръ все сосредоточивалось во Франціи, но уже лѣтомъ того-же года выступаетъ довольно неожиданная кандидатура на предводительство въ походѣ не французскаго, но итальянскаго князя, Бонифація, маркграфа Монферратскаго, которому и принадлежитъ съ тѣхъ поръ руководящая роль въ походѣ. Какъ только въ августѣ согласился онъ принять крестъ и предводительство, нѣкоторые нѣмецкіе духовные и свѣтскіе князья, до сихъ поръ безучастные къ движенію, начали готовиться въ походъ. Согласно заключенному съ Венеціей договору, изъ Германіи и Франціи стали постепенно подходить къ Венеціи различные отряды съ конца мая 1202 года, при чемъ подписавшіе договоръ князья французскіе прибыли позже другихъ, въ іюнѣ. Но въ Венеціи ожидалъ ихъ цѣлый рядъ сюрпризовъ и тяжкихъ испытаній. Прежде всего встрѣтились затрудненія по вопросу о размѣщеніи крестоносцевъ въ Венеціи. Дабы

---

[1]) Марка серебра представляла стоимость около 50 франковъ или до 20 р. и слѣдовательно 85 т. марокъ равняются суммѣ въ одинъ милліонъ семьсотъ тысячъ.

избѣжать безпорядковъ и столкновеній, правительство нашло нужнымъ препровождать всѣ прибывающіе отряды на островъ Лидо, въ получасовомъ разстояніи отъ Венеціи; это было незаселенное мѣсто и представляло много удобствъ для лагерной стоянки, за исключеніемъ одного—обилія съѣстныхъ припасовъ и удобства доставать ихъ. Но такъ какъ венеціанское правительство приняло на себя заботу о продовольствіи и сначала исполняло ее добросовѣстно, то крестоносцы на первыхъ порахъ чувствовали себя хорошо. Скоро однако въ лагерѣ оказался недостатокъ въ необходимыхъ предметахъ, и не случайный недостатокъ, а хроническій, продолжавшійся изо дня въ день и угрожавшій весьма дурными послѣдствіями; начались натянутыя отношенія между вождями и правительствомъ Венеціи. Внѣшнимъ поводомъ къ неудовольствіямъ послужилъ финансовый вопросъ. Предстоялъ срокъ взноса условленной суммы. Крестоносцы до сихъ поръ сдѣлали только первую часть взноса (25 т. марокъ), оставалось за ними еще 60 т. (1 милл. 200 т.). Когда имъ предложено было исполнить эту часть договора, они оказались не въ состояніи реализовать требуемую сумму, а внесли только половину. Венеціанское правительство съ своей стороны пріостановило подвозъ припасовъ на Лидо и отказало въ доставленіи судовъ для перевоза въ Египетъ. Можно понять, въ какое уныніе пришли крестоносцы, находясь безъ продовольствія подъ жаркимъ солнцемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Въ лагерѣ начался голодъ, появились болѣзни, дисциплина была разстроена, многіе бѣжали, другіе предались грабежу и разбоямъ. Дожъ Венеціи не внималъ просьбамъ и увѣщаніямъ, грозилъ выморить голодомъ весь лагерь, если не будетъ поддерживаться порядокъ и не произведена окончательная расплата. При такихъ обстоятельствахъ, въ половинѣ августа, прибылъ въ Венецію глава крестоноснаго ополченія Бонифацій Монферратскій. Онъ прежде всего заставилъ крестоносцевъ присягнуть ему на вѣрность, и затѣмъ принялъ фактическое направленіе дальнѣйшихъ дѣлъ. Съ этихъ поръ французскіе князья теряютъ значеніе въ событіяхъ, заправляющая роль всецѣло принадлежитъ маркграфу Бонифацію и дожу Генриху Дандоло. Какъ сейчасъ увидимъ, Бонифацій вноситъ въ кресто-

вый походъ новый планъ, чуждый задачамъ и цѣлямъ другихъ крестоносныхъ вождей и заставляетъ ихъ безсознательно совершить *единственную въ своемъ родѣ авантюру*.

Чтобы разъяснить тонкую политическую интригу, въ которой крестоносцы должны были играть роль молота, а Византія наковальни, у насъ есть одно средство; стоитъ только прослѣдить дѣятельность Бонифація послѣ избранія его въ вожди. Цѣлый годъ онъ былъ въ большихъ хлопотахъ и исполнялъ важныя миссіи. Осень и часть зимы онъ провелъ въ Германіи при дворѣ короля гибеллинской партіи Филиппа Швабскаго, въ началѣ 1202 г. отправился въ Римъ къ папѣ Иннокентію III. Онъ былъ такимъ образомъ посредникомъ между папой и королемъ, но не по дѣламъ церковнымъ. Не говоря о прочемъ, въ высшей степени любопытно, что вождь крестоноснаго ополченія компрометтируетъ себя въ глазахъ истинныхъ сыновъ католической церкви, каковы были принявшіе крестъ, сношеніями съ королемъ отлученнымъ отъ церкви и не признаннымъ папой. Нужно думать, что былъ особенный мотивъ въ этихъ сношеніяхъ, который не былъ противенъ и папѣ. Во всякомъ случаѣ, тотъ энергичный папа, который сначала былъ душой крестоваго похода, съ этого времени совершенно выпускаетъ изъ рукъ направленіе дѣломъ и сквозь пальцы смотритъ на жалкое положеніе крестоносцевъ на Лидо, хотя его уполномоченный находился въ Венеціи и хотя одного его слова было достаточно, чтобы неуплаченная часть взноса была переведена на счетъ казначейства римскаго престола. Да и недоимка была не такъ велика, чтобы князья не нашли средствъ уплатить ее. Нерѣдко такую сумму вносили въ качествѣ выкупа изъ плѣна и не очень богатые князья.

Четвертый крестовый походъ потому и пріобрѣтаетъ широкій историческій интересъ, что является результатомъ политическихъ отношеній того времени: съ одной стороны между имперіями восточной и западной, съ другой — между Венеціей и Византіей.

Политика Гогенштауфеновъ, начиная съ Конрада III и продолжая Фридрихомъ I и Генрихомъ VI, должна быть оцѣниваема

съ двухъ точекъ зрѣнія. Въ качествѣ германскихъ императоровъ и представителей гибеллинской партіи, они безпощадные и неумолимые враги римскаго папства и съ этой точки зрѣнія естественные союзники византійскаго императора. Въ качествѣ наслѣдниковъ норманнскаго королевства въ южной Италіи и Сициліи, Гогенштауфены, будучи врагами папской власти, вмѣстѣ съ тѣмъ были соперниками Византіи, искони считавшей южную Италію своей провинціей. Весьма часто обсуждались между имперіями способы дружелюбнаго раздѣла Италіи, но всякій разъ какъ соглашеніе близко было къ осуществленію, папы пускали въ ходъ крайнія средства и примирялись то съ западнымъ, то съ восточнымъ императоромъ. Византійскіе императоры изъ дома Комниновъ тѣсно сдружились съ Гогенштауфенами, надѣясь при ихъ помощи стѣснить папу и прочно утвердиться въ Италіи. Духъ критики и отрицанія устоевъ, на которыхъ покоилось папство, Гогенштауфены заимствовали изъ Византіи, гдѣ, какъ извѣстно, церковь не имѣла притязаній возвыситься надъ свѣтской властью. Фридрихи I и II прямо ставили папѣ въ примѣръ восточную церковь и находили въ византійскихъ теоріяхъ враждебную папству сильное оружіе для борьбы съ нимъ.

Эти добрыя отношенія двухъ имперій нарушались съ того времени, когда въ Византіи династію Комниновъ смѣнили Ангелы въ 1185 году. Сынъ Фридриха Генрихъ VI, въ качествѣ короля сицилійскаго, не могъ уже поддерживать видовъ Византіи на южную Италію и Далмацію, но фамильныя преданія Гогенштауфеновъ были однако такъ сильны, что современный IV походу король Филиппъ былъ женатъ на дочери царя Исаака Ангела. Съ одной стороны, исполняя историческія задачи сицилійскихъ королей, Гогенштауфены стремятся захватить приморскія владѣнія Византіи, нападаютъ на Драчъ и Ѳессалонику, съ другой, боясь союза Византіи съ папствомъ, они всѣ усилія направляютъ къ тому, чтобы помѣшать сближенію между своими соперниками. Принятое Генрихомъ VI угрожающее положеніе относительно Византіи произвело между восточной и западной имперіей довольно сильное охлажденіе, такъ что дошедшее до Востока извѣстіе о смерти Ген-

риха встрѣчено было съ радостью и надеждами на возстановленіе добрыхъ отношеній. Кандидатура на императорскій титулъ Филиппа, брата Генриха, казалось, ручалась за то, что обѣ имперіи признаютъ взаимные интересы, ибо восточный императоръ и король Филиппъ связаны были родственными узами посредствомъ брака.

Но въ 1195 г. въ Византіи произошелъ переворотъ: царь Исаакъ Ангелъ былъ свергнутъ съ престола своимъ братомъ Алексѣемъ, который подъ именемъ Алексѣя III и занималъ тронъ во время четвертаго крестоваго похода; безпощадно ослѣпивъ Исаака, новый царь держалъ его въ заключеніи вмѣстѣ съ сыномъ его царевичемъ Алексѣемъ. Константинопольскія событія не могли остаться безразличными для Филиппа, въ особенности для супруги его, дочери Исаака Ангела.

Мы можемъ прослѣдить съ нѣкоторыми деталями сношенія между Византіей и Германіей за это время. Слѣпой Исаакъ возлагалъ теперь всѣ упованія на дочь свою и имѣлъ средства вступить съ ней въ переписку. Жившіе въ Константинополѣ западные купцы и банкиры были посредниками въ этихъ сношеніяхъ. Исаакъ, лишенный власти и содержавшійся въ заключеніи, могъ все ставить на карту, онъ просилъ дочь объ одномъ, чтобъ она отомстила дядѣ за обиду, причиненную отцу и явно намекалъ, что царская власть по праву принадлежитъ ей и мужу. Новое направленіе эти переговоры получили вслѣдствіе бѣгства изъ Константинополя царевича Алексѣя, сына Исаака. Пользуясь доброхотствомъ итальянскихъ купцовъ, а можетъ быть и средствами, предоставленными изъ Германіи, царевичъ Алексѣй имѣлъ случай ускользнуть отъ бдительности византійской полиціи и явился въ Европу въ 1201 году, когда уже тамъ организовалось движеніе въ пользу крестоваго похода. Поздней осенью 1201 года, представившись папѣ, царевичъ Алексѣй былъ въ Германіи, въ это же время мы находимъ тамъ и Бонифація, занятаго переговорами съ Филиппомъ Швабскимъ. Итакъ, въ связь изучаемыхъ событій приходитъ новый элементъ. Но ни король Филиппъ, ни царевичъ-Алексѣй цѣлый годъ не заявляютъ открыто и публично своихъ плановъ? Они имѣютъ ловкаго и умнаго агента въ лицѣ Бонифація

Монферратскаго.—Посмотримъ теперь, почему выборъ ихъ остановился на этомъ лицѣ въ такомъ важномъ и деликатномъ дѣлѣ? Маркграфы Монферратскіе выросли во время борьбы Гвельфовъ и Гибеллиновъ. Ихъ вывелъ въ люди и обогатилъ помѣстьями Фридрихъ I, найдя въ отцѣ Бонифація Вильгельмѣ преданнаго себѣ слугу въ сѣверной Италіи. Но еще важнѣй роль этого дома на Востокѣ. Два брата Бонифація, Конрадъ и Ренье, были на службѣ византійской имперіи, второй изъ нихъ дослужился тамъ до титула кесаря, оба женаты были на принцессахъ царскаго дома. Итакъ, выборъ Бонифація въ повѣренные по такому важному и деликатному фамильному дѣлу какъ нельзя болѣе удаченъ. Могъ онъ быть несимпатиченъ лишь людямъ церковной партіи—Гвельфамъ, такъ какъ Бонифацій былъ завзятый Гибеллинъ, но если папа согласился принять его посредничество, то кому же было протестовать?

Когда въ августѣ 1202 года Бонифацій прибылъ въ Венецію, направленіе похода на Египетъ уже было оставлено руководящими движеніемъ лицами, но настоящій планъ держался въ строгомъ секретѣ, объ немъ едва-ли кто знать, кромѣ Бонифація и дожа Дандоло. Венеціанскій дожъ, которому нельзя было не сообщить о планѣ, отнесся къ нему съ коммерческой точки зрѣнія, именно со стороны интересовъ Венеціи. Для Г. Дандоло рѣшающими моментами въ дѣлѣ были слѣдующія соображенія: 1) крестоносцы не внесли 34 т. марокъ,—нужно было обезпечить себя на счетъ этой суммы какой-нибудь равносильной гарантіей; 2) входя въ виды Бонифація на счетъ направленія крестоносцевъ противъ Константинополя, нужно было взвѣсить выгоды этого проекта для торговыхъ интересовъ республики. Послы зрѣлаго обсужденія дѣла, Г. Дандоло нашелъ, что можно соединить интересы нѣмецкаго короля съ видами республики, если Бонифацій предоставитъ ему на нѣкоторое время свободу дѣйствій. 15-го августа Дандоло вноситъ въ совѣтъ десяти предложеніе: не стѣснять бобѣе крестоносцевъ вымогательствомъ недоплаченной ими суммы, благо-де они могутъ расплатиться съ Венеціей натурой. Мы, продолжалъ дожъ, лучше направимъ ихъ противъ Зары, города намъ

враждебнаго, предавшагося подъ власть венгерскому королю и нуждающагося въ хорошемъ урокѣ.—Черезъ десять дней, въ церкви св. Марка, проектъ похода на Зару объявленъ былъ венеціанскому сенату и большому совѣту. Дожъ самъ изъявилъ намѣреніе принять на себя командованіе флотомъ въ этой экспедиціи. На нѣкоторое время крестоносцы становятся наемниками республики, Бонифацій стушевывается и вся инициатива переходитъ въ руки Г. Дандоло, который навязалъ крестоносцамъ экспедицію противъ Зары исключительно въ интересахъ республики.

Но нужно было сохранить приличія, по крайней мѣрѣ по внѣшности. Если главные князья, участвовавшіе въ походѣ, могли дать свое согласіе на венеціанскій проектъ, то масса крестоносцевъ, вассалы князей и простой народъ и до сихъ поръ вѣрилъ, что походъ готовится въ Египетъ. Чтобы держать народъ въ заблужденіи, дожъ употребилъ слѣдующее средство. Посадивъ крестоносцевъ на суда къ октябрю 1202 года, онъ не прямо пошелъ на Зару, а цѣлый мѣсяцъ приказалъ крейсировать въ водахъ Адріатики и въ концѣ октября объявить по флоту, что за позднимъ временемъ года и за наступившими бурями опасно пускаться въ дальнее морское путешествіе. Въ виду этого флотъ направился къ далматинскимъ берегамъ и 10 ноября подступилъ къ Зарѣ. На адмиральскомъ кораблѣ не было ни Дандоло, ни Бонифація, ни даже папскаго легата, такъ что въ крайнемъ случаѣ за послѣдовавшее отвѣтственность можно было возложить на подчиненныхъ лицъ. Зара была хорошо защищена венгерскимъ гарнизономъ и оказала крестоносцамъ значительное сопротивленіе. Но 24 ноября была взята приступомъ и подверглась страшному опустошенію, при чемъ съ жителями христіанскаго города обращались крестоносцы какъ съ невѣрными: брали въ плѣнъ, продавали въ рабство, убивали; церкви разрушены и сокровища расхищены. Поступокъ съ Зарой былъ въ высшей степени компрометтирующимъ крестовый походъ эпизодомъ: не говоря уже о другомъ, крестоносцы совершили насиліе надъ христіанскимъ городомъ, подчиненнымъ королю, который самъ принялъ крестъ для похода и владѣнія котораго по существующимъ тогда законамъ находилися подъ покровительствомъ церкви. — Занявъ

Зару, оказавшую однако сильное сопротивленіе и исполнивъ такимъ образомъ обязательство предъ Венеціей, крестоносцы остановились здѣсь до весны 1203 года. Во время стоянки въ Зарѣ выяснились всѣ тайные мотивы, руководившіе событіями и выразились главныя основанія дальнѣйшихъ мѣропріятій, въ формальныхъ актахъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что духовенство, участвовавшее въ дѣлѣ подъ Зарой, скоро почувствовало угрызеніе совѣсти и искало способовъ, какъ бы оправдать недостойный поступокъ. Мы видѣли уже, что легатъ папы не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, а отправился въ Римъ. Слѣдовательно, папа Иннокентій III своевременно получилъ донесеніе о движеніи на Зару. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ высказался по поводу совершившагося факта въ письмѣ къ крестоносцамъ: „увѣщеваемъ васъ и просимъ не разорять больше Зары. Въ противномъ случаѣ вы подлежите отлученію отъ церкви и не воспользуетесь правомъ индульгенціи". Но и этотъ въ сущности очень мягкій и уклончивый выговоръ папа смягчаетъ слѣдующимъ, скоро за имъ присланнымъ, разъясненіемъ: „слышалъ я, что вы поражены угрозой отлученія отъ церкви, но я далъ приказъ находящимся въ лагерѣ епископамъ освободить васъ отъ анаѳемы, если искренно покаетесь".—Нечего и говорить, что папа имѣлъ авторитетъ и могъ бы наложить интердиктъ на все предпріятіе, если бы онъ уже не связалъ себя ранѣе согласіемъ смотрѣть сквозь пальцы на подготовившуюся авантюру.

Въ январѣ 1203 г. въ Зару явились оффиціально послы отъ короля германскаго и отъ византійскаго царевича Алексѣя. Здѣсь получили формальное утвержденіе два акта: 1) союзъ между германскимъ королемъ и царевичемъ Алексѣемъ; 2) договоръ между Венеціей и крестоносцами о завоеваніи Константинополя. Все то, что въ теченіи 1201 и 1202 года составляло секретъ для рыцарей и простыхъ воиновъ и что обдумано было Филиппомъ, Иннокентіемъ III, Бонифаціемъ и Генрихомъ—все это всплыло теперь наружу. Филиппъ дѣлалъ слѣдующее предложеніе крестоносцамъ: „Синьоры! я посылаю къ вамъ брата моей жены и вручаю его въ руки Божіи и ваши. Вы идите защищать право и возстанов-

лять справедливость, вамъ предстоитъ возвратить константинопольскій тронъ тому, у кого онъ отнятъ съ нарушеніемъ правды. Въ награду за это дѣло царевичъ заключитъ съ вами такую конвенцію, какой никогда и ни съ кѣмъ имперія не заключала и кромѣ того окажетъ самое могущественное содѣйствіе къ завоеванію св. земли. Если Богъ поможетъ вамъ посадить его на престолъ, онъ подчинитъ католической церкви греческую имперію. Онъ вознаградитъ васъ за убытки и поправитъ ваши оскудѣвшія средства, выдавъ вамъ единовременно 200 т. марокъ серебра и обезпечитъ продовольствіе для всей арміи. Наконецъ, вмѣстѣ съ вами онъ пойдетъ на Востокъ или предоставитъ въ ваше распоряженіе корпусъ въ 10 т. человѣкъ, который будетъ содержать на счетъ имперіи въ теченіи одного года. Сверхъ того дастъ обязательство всю жизнь содержать на Востокѣ отрядъ въ 500 воиновъ". — Это предложеніе подкрѣплено было актомъ согласія царевича Алексѣя на означенныя условія.

Совершенно справедливо, что такой конвенціи не заключала еще имперія: предлагаемыя условія были лестны для папы, ибо подчиняли греческую церковь католической, весьма выгодны для вождей, ибо обезпечивали имъ хорошую сумму, наконецъ соотвѣтствовали цѣлямъ крестоваго похода, ибо обязывали византійскаго императора къ походу въ св. землю съ 10 т. корпусомъ. Въ предложеніяхъ есть одинъ невыясненный элементъ — это интересы Венеціи, она какъ будто совершенно забыта. Въ оффиціальномъ актѣ, прочитанномъ въ собраніи всѣхъ крестоносцевъ, особое вознагражденіе Венеціи, пожалуй, было неумѣстно; объ немъ было сказано въ секретномъ письмѣ, врученномъ дожу. Венеціи обѣщалась единовременная взятка въ 10 т. марокъ и кромѣ того *вознагражденіе всѣхъ убытковъ, понесенныхъ венеціанскими купцами за послѣдніе 30 лѣтъ.* Къ чести рыцарей и бароновъ нужно сказать, что многимъ изъ нимъ казалось безчестнымъ подписаться подъ этой конвенціей. Но тогда Бонифацій подводитъ къ столу, на которомъ была разложена конвенція, нѣсколькихъ князей, согласіемъ которыхъ заручился ранѣе, и они даютъ свою подпись. Говорятъ, что всего получилось 12 подписей. Но такъ какъ простой

народъ и второстепенные рыцари волновались и протестовали, то ихъ успокоили объявленіемъ по лагерю, что Египетъ составляетъ ближайшую цѣль дальнѣйшихъ предпріятій.

Приведеннымъ секретнымъ соглашеніемъ между германскимъ королемъ и Венеціей — послѣдней гарантировалось *возмѣщеніе убытковъ за послѣдніе 30 лѣтъ.* По этому поводу нужно сдѣлать нѣсколько объясненій. Въ XII в. Венеція играла роль первой морской державы въ Средиземномъ морѣ, торговые интересы связывали ее тѣсными узами съ Византіей, гдѣ она имѣла рынки для сбыта своихъ товаровъ. Всѣ усилія венеціанскихъ государственныхъ дѣятелей направлялись къ тому, чтобы извлечь больше выгодъ изъ имперіи и устранить всякаго рода конкурренцію въ портахъ Средиземнаго и Чернаго морей. Но должно сказать, что и имперія съ своей стороны находила интересъ поддерживать Венецію, ибо послѣдняя владѣла такимъ флотомъ, какого у имперіи не было и имѣла много случаевъ какъ оказывать Византіи услуги, такъ и наносить большой вредъ. Сознавая свою морскую силу, Венеція выхлопотала себѣ отъ византійскаго правительства такія привилегіи, при которыхъ ей легко было завладѣть экономическими средствами страны и стянуть въ свои руки производительность и торговлю. Пользуясь правомъ селиться въ Константинополѣ, заводить факторіи и конторы въ портахъ и безпошлинно торговать въ имперіи, Венеція могла хозяйничать въ Византіи по своему усмотрѣнію, свободная отъ полицейскаго и таможеннаго надзора и отъ всякой конкурренціи. Если венеціанцы зазнавались и становились очень строптивы, Византія грозила имъ отмѣной привилегій и открытіемъ своихъ рынковъ исконнымъ соперникамъ Венеціи генуэзцамъ и пизанцамъ. Такъ за 30 лѣтъ до занимающихъ насъ событій, (въ 1172 г.), желая дать урокъ венеціанцамъ, царь Мануилъ наложилъ арестъ на имущество венеціанской колоніи, проживавшей въ Константинополѣ, причемъ до 20 тысячъ венеціанцевъ потеряли свои товары и недвижимую собственность. Хотя правительство скоро затѣмъ и обязалось вознаградить республику за убытки, но фактически оно не въ состояніи было исполнить это обязательство. Черезъ десять лѣтъ (1182 г.) снова повто-

рилось разграбленіе венеціанской колоніи, при чемъ константинопольская чернь дошла до чрезвычайнаго варварства: грабила и расхищала имущество пришельцевъ, многіе изъ венеціанцевъ были убиты или проданы въ рабство. Съ того времени Венеція имѣла непримиримую вражду къ грекамъ и выжидала лишь удобнаго случая свести съ ними счеты. Въ 1187 году заключая съ Византіей оборонительный и наступательный союзъ, Венеція вставила въ договоръ и статью о возмѣщеніи убытковъ, которые возрасли теперь до громадныхъ цифръ. Уплата по этому старому счету съ Византіей и гарантирована была упомянутымъ секретнымъ соглашеніемъ между королемъ и дожемъ.

Въ первой половинѣ апрѣля крестоносцы посажены были снова на суда и направились къ острову Корфу, гдѣ состоялось формальное представленіе вождямъ греческаго царевича Алексѣя. Онъ легкомысленно увѣрялъ вождей, что предпринятое ими дѣло не встрѣтитъ никакихъ препятствій, что въ портахъ константинопольскихъ его ждетъ флотъ въ 600 кораблей и что населеніе имперіи ожидаетъ его съ распростертыми объятіями. Царевичъ старался пустить пыль въ глаза роскошью и щедрыми подачками. Но такъ какъ казны съ собой было у него мало, то онъ давалъ росписки и подписывалъ денежныя обязательства. Мы знаемъ, что къ нему предъявлено было потомъ разныхъ обязательствъ на сумму въ 450 т. марокъ (до 9 милл. р.), и можно смѣло сказать, что эти обязательства были сдѣланы въ Корфу на подкупъ отдѣльныхъ рыцарей. Къ 25 мая улажены были частныя затрудненія, крестоносцы пошли на Константинополь.

Въ концѣ іюня крестоносный флотъ съ царевичемъ Алексѣемъ былъ у Константинополя. Главные вожди могли уже теперь убѣдиться, что задача ихъ возвратить царскій тронъ царевичу Алексѣю не такъ легка, что царевичъ сильно преувеличивалъ и расположеніе къ нему грековъ и готовность константинопольской арміи и флота стать на его сторону по первому же приглашенію крестоносцевъ. Напротивъ, оказалось, что греки враждебно относились къ царевичу, островитяне не хотѣли давать ему присяги, а въ Константинополѣ принимали въ шутку его притязанія. Крестонос-

цамъ предстояло начать съ враждебной демонстраціи, а этого имъ хотѣлось избѣжать, въ виду сравнительной слабости ихъ силъ.

Что касается оборонительныхъ мѣръ, принятыхъ царемъ Алексѣемъ III, то въ этомъ отношеніи вся надежда возлагалась на крѣпкія стѣны и недоступность столицы съ моря. Само собой разумѣется, никому и въ голову не приходило, чтобы какая-нибудь горсть латинянъ въ 30 съ небольшимъ тысячъ могла серіозно угрожать защищенному крѣпкими стѣнами городу, считавшему до милліона населенія. Самая слабая сторона защиты была въ отсутствіи флота. Со времени оборонительнаго и наступательнаго союза съ Венеціей въ 1187 году, возложивъ обязанность морской службы на венеціанцевъ, Византія довела свой военный флотъ до минимума. Хотя деньги на устройство флота собирались, но они шли по карманамъ чиновъ адмиралтейства, тогдашній адмиралъ флота Стрифна крайне злоупотреблялъ своей частью, и въ докахъ византійскихъ оказалось всего 20 кораблей, да и то негодныхъ къ дѣлу. Гарнизонъ константинопольскій не былъ доведенъ до такой численности, чтобы быть въ состояніи защищать всѣ городскія укрѣпленія. Въ виду такого положенія дѣлъ царь Алексѣй III ограничился выжидательными мѣрами.

Крестоносцы пристали къ азіатскому берегу, запаслись тамъ продовольствіемъ, пограбивъ окрестности, и рѣшились 8 іюля понудить византійцевъ къ принятію на царство царевича Алексѣя. Главныя условія крестоносцевъ направлены были на Галатскую башню и на цѣпь, запирающую входъ въ Золотой Рогъ. Этотъ знаменитый заливъ, врѣзывающійся въ городъ и раздѣляющій его на двѣ части, представлялъ собой самое мѣсто защиты по случаю непригодности флота. Призвавъ на службу охотниковъ и собравъ свою гвардію и часть войскъ изъ ближайшихъ окрестностей, Алексѣй располагалъ 70 тысячами войска. Но какъ видно, этому войску не доставало организаціи, потому что оно не могло отстоять натиска крестоносцевъ, высадившихся съ кораблей и дѣйствовавшихъ уже на коняхъ. Башня Галата была взята и въ то же время прирвана цѣпь, заграждавшая входъ въ Золотой Рогъ. Этимъ въ сущности обезпечивалось командованіе городомъ, потому что кре-

стоносцы могли теперь сдѣлать высадку гдѣ угодно. И они дѣйствительно расположились лагаремъ у Влахернскаго дворца. Населеніе Константинополя было крайне встревежоно нерѣшительностью царя. Духовенство въ своихъ проповѣдяхъ и уличные ораторы прямо обвиняли правительство въ измѣнѣ и возбуждали народъ постоять за вѣру, которой угрожали латиняне. Подъ вліяніемъ общаго недовольства Алексѣй III рѣшился сдѣлать вылазку на 17 іюля; сначала осаждающіе были отбиты со стороны Галаты и Влахернскаго дворца, но греки не воспользовались побѣдой и по приказанію царя возвратились подъ защиту стѣнъ, не нанеся существеннаго вреда непріятелю. Когда вылазка окончилась неудачно, тогда Алексѣй III рѣшился на постыдное бѣгство изъ Константинополя, гдѣ онъ оставилъ жену и дѣтей.

Бѣгство Алексѣя развязывало крестоносцамъ руки, ибо они повидимому только того и добивались, чтобы посадить на престолъ своего царевича Алексѣя. Но утромъ 19 іюля въ городѣ начались волненія. На мѣсто бѣжавшаго Алексѣя III толпа провозглашаетъ царемъ слѣпого Исаака и приводитъ его изъ тюрьмы во дворецъ. Это уже было совершенно вопреки ожиданіямъ крестоносцевъ и усложняло для нихъ дѣло, ибо вслѣдствіе возведенія на престолъ Исаака становилась излишней осада города и дальнѣйшія вымогательства. Греки сейчасъ же оповѣстили латинянъ о происшедшемъ и приглашали царевича Алексѣя раздѣлить власть съ отцомъ.— Но выступалъ на очередь вопросъ о денежныхъ обязательствахъ: кто же будетъ платить? Крестоносцы задержали у себя царевича и отправили четырехъ депутатовъ къ Исааку спросить его, намѣренъ ли онъ вознаградить ихъ за услугу, оказанную въ пользу его сына. Исаакъ спросилъ о суммѣ и отвѣтилъ: „конечно, вы оказали такую большую услугу, что за нее можно бы отдать и всю имперію, но я не знаю, изъ чего вамъ уплатить".—Съ іюля по конецъ августа шли переговоры по разъясненію труднаго вопроса о денежныхъ обязательствахъ. Крестоносцы принуждены были выпустить Алексѣя Исааковича въ Константинополь, надѣясь при его помощи побудить царя ратификовать договоръ. Старикъ Исаакъ долго колебался, наконецъ далъ свою подпись. 1-го августа царевичъ Але-

ксѣй объявленъ былъ императоромъ и съ этого времени начинаются для него ужасныя затрудненія по выполненію договора.

Правительство оказалось въ крайнемъ затрудненіи въ виду недовольства грековъ на своеволіе и дерзость латинянъ и въ виду безцеремонныхъ вымогательствъ новыхъ и новыхъ взносовъ. Съ большимъ трудомъ, посредствомъ конфискаціи имуществъ привеженцевъ прежняго правительства, посредствомъ присвоенія церковныхъ цѣнностей и переплавки памятниковъ искусства, удалось Исааку реализовать 100.000 марокъ. Эту сумму слѣдовало раздѣлить поровну между венеціанцами и французами, послѣднимъ осталось изъ нея очень мало, ибо они должны были выплатить Венеціи 34.000 марки за провозъ. Первый взносъ сдѣланъ въ сентябрѣ, но онъ не удовлетворилъ крестоносцевъ, которые требовали слѣдующихъ взносовъ, а Исаакъ положительно не зналъ, откуда ихъ взять. Прямымъ послѣдствіемъ этого было соглашеніе между Исаакомъ и Г. Дандоло, по которому крестоносцы обязались продлить на годъ пребываніе свое въ Константинополѣ, дабы, какъ говорилось оффиціально, утвердить на престолѣ Исаака, на самомъ же дѣлѣ, чтобы получить всю сумму по обязательствамъ царевича.

Положеніе однако ухудшилось со дня на день. Хотя теперь крестоносцы не были осаждающей арміей, а скорѣе наемниками на службѣ имперіи, но кварталъ, гдѣ они расположились, былъ мѣстомъ, мимо котораго ни одинъ грекъ не могъ проходить хладнокровно. Между греками и латинянами происходили частыя свалки, всѣ иностранцы, проживающіе въ Константинополѣ заподозрѣны въ вѣроломствѣ и подвергались дневнымъ нападеніямъ и грабежу. Самъ царевичъ Алексѣй сдѣлался предметомъ ненависти и отвращенія; и въ самомъ дѣлѣ, появляясь въ латинскомъ платьѣ и окруженный иностранцами, онъ слишкомъ оскорблялъ національныя чувства и возбудилъ противъ себя общее неудовольствіе.

Когда выяснилось, что Исаакъ не можетъ исполнить обязательства, крестоносцы поняли, что имъ придется снова прибѣгнуть къ оружію. Г. Дандоло старался всѣми мѣрами ускорить развязку, указывая въ лагерѣ крестоносцевъ, что Исаакъ не внушаетъ довѣрія и что положеніе его совсѣмъ не прочно. Къ концу 1203

года правительство даже прекратило доставку съѣстныхъ припасовъ латинянамъ, послѣдніе отправили къ царямъ 6 уполномоченныхъ съ извѣстіемъ, что если не желаютъ удовлетворять ихъ требованія, то они будутъ добывать свои права по своему усмотрѣнію. Въ нашей землѣ, говорили послы, есть обычай не прежде вступать съ врагомъ въ войну, какъ объявивъ ему объ этомъ. Вы слышали наши слова, а теперь дѣлайте какъ заблагоразсудится.

Въ январѣ 1204 года въ Константинополѣ подготовлена была революція. Во главѣ движенія находился царедворецъ Алексѣй Дука, по прозванію Мурзуфлъ, принадлежавшій къ партіи тѣхъ государственныхъ людей, которые желали порвать всякія сношенія съ крестоносцами. Организуя оборону города, онъ въ тоже время возбуждалъ народъ и войско противъ царя Исаака. Старый и слѣпой Исаакъ, котораго ничему не научило несчастіе, больше дорожилъ расположеніемъ латинянъ, чѣмъ популярностью.

Въ концѣ января монахи и рабочее населеніе Константинополя стали собираться на площадяхъ и поднимали вопросъ объ избраніи новаго царя. Исаакъ допустилъ при этомъ ошибку, предложивъ крестоносцамъ вступить въ городъ для водворенія порядка. Переговоры по этому деликатному дѣлу поручены были Алексѣю Мурзуфлу, а онъ выдалъ тайну народу. Тогда начался полный мятежъ, за время анархіи А. Дука избранъ царемъ, а Исаакъ не могъ перенести горя и умеръ, сынъ же его посаженъ въ тюрьму и тамъ убитъ.

Разсказанныя событія ставили для крестоносцевъ совершенно новыя задачи и цѣли. За смертію царевича Алексѣя они теряли прямую цѣль похода на Константинополь, вопросъ объ уплатѣ денежныхъ обязательствъ теперь получалъ новое значеніе. Согласится ли Алексѣй Дука выполнить обязательства царей, на мѣсто которыхъ онъ избранъ? По всѣмъ внѣшнимъ признакамъ нѣтъ, потому что новый царь старался заслужить довѣріе населенія и дѣятельно занимался укрѣпленіемъ стѣнъ, возстановленіемъ разрушенныхъ частей города, на предложеніе-же уплатить деньги по контракту и ратификовать другія статьи договора отвѣчалъ отказомъ. Въ мартѣ 1204 года имѣлъ мѣсто весьма любопытный договоръ между Бо-

нифаціемъ и Дандоло, имѣющій предметомъ планъ раздѣла имперіи. Если предыдущія дѣйствія крестоносцевъ могутъ еще имѣть для себя какое-нибудь оправданіе, то съ марта всякій видъ легальности былъ уже оставленъ. Актъ, заключенный въ это время, обращаетъ на себя вниманіе именно тѣмъ, что онъ представляетъ зрѣло обдуманный планъ дѣйствій, отъ котораго крестоносцы не отступили ни на іоту. Этимъ актомъ рѣшено было 1) взять Константинополь вооруженной рукой и установить въ немъ новое правительство изъ латинянъ; 2) городъ предать расхищенію и всю добычу, сложивъ въ одномъ мѣстѣ, раздѣлить полюбовно. Три доли изъ добычи должны идти на погашеніе долга Венеціи и удовлетвореніе обязательствъ царевича Алексѣя, четвертая доля на удовлетвореніе частныхъ претензій Бонифація и французскихъ князей; 3) по завоеваніи города, 12 избирателей, по 6 отъ Венеціи и Франціи, приступятъ къ выбору императора; 4) тотъ, кто будетъ избранъ въ императоры, получаетъ четвертую часть всей имперіи, остальныя дѣлятся по ровну между венеціанцами и французами; 5) та сторона, изъ которой не будетъ избранъ императоръ, получаетъ въ свою власть церковь св. Софіи и право на избраніе патріарха изъ духовенства своей земли; 6) договаривающіеся обязываются годъ прожить въ Константинополѣ, чтобы утвердить новый порядокъ вещей; 7) изъ венеціанцевъ и французовъ избрана будетъ коммиссія изъ 12 лицъ, на обязанности которыхъ будетъ лежать распредѣленіе леновъ и почетныхъ должностей между всѣми участниками въ походѣ; 8) всѣ вожди, имѣющіе получить лены, дадутъ императору вассальную присягу, отъ которой освобождается одинъ дожъ Венеціи. — За подписаніемъ этого договора послѣдовалъ подробный планъ распредѣленія частей имперіи. Можно замѣтить, что этотъ планъ составляли хорошо знающіе имперію люди: на долю Венеціи выпалъ самый лакомый кусокъ: приморскія области, важныя въ торговомъ, промышленномъ и военномъ отношеніи. — Такъ написана была исторія ближайшихъ судебъ имперіи.

Между тѣмъ съ той и другой стороны шли дѣятельныя приготовленія къ окончательной развязкѣ. Въ военномъ совѣтѣ у латинянъ рѣшено было сдѣлать штурмъ со стороны Золотаго Рога у

Влахернскаго дворца. Выгода византійскаго положенія заключалась въ высокихъ стѣнахъ и рвахъ. Долго крестоносцы напрягали крайнія усилія, чтобы засыпать рвы и подойти къ стѣнамъ съ лѣстницами, но сверху осыпали ихъ градомъ стрѣлъ и камней. Къ вечеру 9 апрѣля взята была башня, и крестоносцы ворвались въ городъ, но не посмѣли воспользоваться занятымъ положеніемъ и на ночь оставили позицію. Въ городѣ произошелъ третій, начиная со времени осады, пожаръ, истребившій двѣ трети города. Второй штурмъ имѣлъ мѣсто 12 апрѣля, и это былъ день взятія Константинополя. Алексѣй Дука, отчаявшись въ благопріятномъ исходѣ, бѣжалъ; въ городѣ началась паника, народъ разбѣжался по отдаленнымъ кварталамъ и организовалъ отчаянную защиту въ тѣсныхъ улицахъ, устроивая загражденія латинянамъ. Утромъ 13 апрѣля вступилъ въ городъ Бонифацій, греки просили у него пощады, но онъ обѣщалъ войску трехдневный грабежъ и не отмѣнилъ своего слова.

Эти три дня грабежа при заревѣ пожара превосходятъ всякое описаніе. По истеченіи многихъ лѣтъ, когда все уже пришло въ обычный порядокъ, греки не могли безъ ужаса вспомнить о пережитыхъ сценахъ. Отряды крестоносцевъ бросились по всѣмъ направленіямъ собирать добычу. Магазины, частные дома, церкви и императорскіе дворцы тщательно обысканы и разграблены, безоружные жители подвергались избіенію. Счастливыми почитали себя тѣ, кто успѣлъ въ общей суматохѣ пробраться къ стѣнамъ и бѣжать изъ города; такъ спаслись патріархъ I. Каматиръ и сенаторъ Н. Акоминатъ, который впослѣдствіи картинно описалъ ужасные дни грабежа. Въ особенности нужно отмѣтить варварское отношеніе латинянъ къ памятникамъ искусства, къ библіотекамъ и святынямъ византійскимъ. Врываясь въ храмы, крестоносцы бросались на церковную утварь и украшенія, взламывали раки съ мощами святыхъ, похищали церковные сосуды, ломали и били драгоцѣнные памятники, жгли рукописи. Многія частныя лица составили себѣ богатства въ это время, и потомство ихъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій гордилось похищенными въ Константинополѣ древностями. Епископы и аббаты монастырей впослѣдствіи подробно описали въ назиданіе потомству, какія святыни и какъ пріобрѣли они въ Кон-

стантинополѣ. Хотя они описывали исторію хищеній, но называли это святымъ хищеніемъ. Нѣкто Мартинъ, аббатъ монастыря въ Парижѣ, вошелъ въ эти дни въ греческій храмъ, куда греки снесли изъ окрестныхъ домовъ свои сокровища и святыни въ надеждѣ, что носители креста пощадятъ церкви Божіи. Аббатъ, предоставивъ солдатамъ расправляться съ толпой, искавшей защиты въ церкви, самъ сталъ обыскивать на хорахъ и въ ризницѣ, не попадется ли чего поцѣннѣй. Тутъ онъ наткнулся на стараго священника и потребовалъ отъ него подъ угрозой смерти показать, гдѣ скрыты мощи святыхъ и сокровища. Священникъ, видя, что имѣетъ дѣло съ духовнымъ лицомъ, указалъ ему на окованный желѣзомъ сундукъ, въ который аббатъ запустилъ руки и выбралъ то, что ему казалось болѣе важнымъ. Такъ аббату удалось похитить ковчежецъ съ кровью Спасителя, кусочекъ дерева крестнаго, кость I. Крестителя, часть руки св. Іакова.

Такими святынями украшались церкви и монастыри западные.

А вотъ другой рядъ наблюденій о дѣяніяхъ другихъ отрядовъ. „Заутра же солнцу восходящу внидоша во св. Софію и одраша двери и разсѣкоша эмболъ окованный серебромъ и столпы серебряные 12, и 4 иконостаса и тябло изсѣкоша и 12 престоловъ, и преграды алтарныя, а то все было изъ серебра, и со св. трапезы отодраша дорогіе камни и жемчугъ. Захватили 40 кубковъ и паникадила и свѣтильники серебряные, имъ же нѣсть числа. Съ безцѣнными сосудами похитили евангеліе и кресты и иконы, послѣднія снимали съ мѣстъ и отдирали съ нихъ ризы. А подъ трапезой нашли 40 кадей чистаго золота, а на хорахъ и въ ризницѣ и не сочтешь сколько взяли драгоцѣнностей. Такъ обобрали св. Софію, Св. Богородицу Влахернскую, идѣже св. Духъ схождаше по вся пятницѣ, и ту одраша, а о другихъ церквахъ и сказать нельзя, яко безъ числа. Черницъ и черноцовъ и поповъ облупиша, а нѣкоторыхъ избиша“. Свирѣпостью и неумолимостью отличался болѣе всѣхъ Бонифацій и сопутствовавшій ему отрядъ нѣмецкихъ крестоносцевъ; одинъ изъ нѣмецкихъ графовъ по фамиліи Катценелленбогенъ по преимуществу запятналъ себя поджогами.

Когда насыщена была жадность побѣдителей, приступили къ

исполненію статьи договора о раздѣлѣ добычи. Нельзя конечно думать, что всѣ крестоносцы честно выполнили обязательство и показали все награбленное. Тѣмъ не менѣе, по оцѣнкѣ и той части, которая была показана, добыча французовъ простиралась на 400 т. марокъ (8 милл.). По удовлетвореніи обязательствъ царевича Алексѣя и по выплатѣ перевозной платы Венеціи, остатокъ былъ раздѣленъ между крестоносцами: досталось каждому пѣхотинцу по 5 марокъ, кавалеристу по 10, рыцарю по 20 (въ дѣлежѣ участвовало всего до 15 т. человѣкъ). Если принять во вниманіе еще долю Венеціи, да долю главныхъ вождей, то общая сумма добычи будетъ простираться до 20 милл. рублей. Лучше всего о громадныхъ богатствахъ, найденныхъ въ Константинополѣ, можетъ свидѣтельствовать предложеніе венеціанскихъ банкировъ взять на откупъ всю добычу и выплатить по 100 марокъ каждому пѣхотинцу, по 200 кавалеристу и по 400 рыцарю. Но это предложеніе не было принято, ибо сочтено невыгоднымъ. Что касается памятниковъ искусства, въ которыхъ крестоносцы не понимали толку, то въ этомъ отношеніи никакія цифры не могутъ изобразить сумму вреда и порчи. Латиняне придавали нѣкоторое значеніе только металлу, который переливали въ слитки, а мраморъ, дерево, кость—шли ни по чемъ. Только Дандоло оцѣнилъ 4 бронзовыхъ съ позолотой коней на ипподромѣ, которые и до нынѣ украшаютъ портикъ св. Марка въ Венеціи.

Затѣмъ приступлено къ осуществленію второй статьи плана—объ организаціи власти. Всѣхъ болѣе на титулъ императора имѣлъ конечно права главнокомандующій походомъ Бонифацій. Но когда наступила пора выборовъ, то шесть избирателей отъ Венеціи и шесть отъ Франціи далеко не расположены были подать голосъ за итальянскаго князя. Бонифацій хотѣлъ было повліять на избирателей тѣмъ, что заявилъ желаніе жениться на вдовѣ Исаака, императрицѣ Маргаритѣ, но и это не помогло. Такъ какъ шесть венеціанскихъ избирателей естественно склонялись подать голосъ за своего дожа, то результатъ голосованія непремѣнно долженъ былъ рѣшиться французскими избирателями, составленными на половину изъ духовенства Шампани и прирейнскихъ областей Германіи. Но

избиратели отъ Франціи могли дать перевѣсъ только такому лицу, которое будетъ поддержано и венеціанцами. Г. Дандоло не желалъ титула императора, притомъ Венеція хорошо обезпечивала свои права другими статьями конвенціи, вслѣдствіе этого окончательное рѣшеніе въ выборѣ переходило къ венеціанскимъ избирателямъ. Для Венеціи не было политическаго разсчета усиливать маркграфа Монферратскаго, т. е. сѣверо-итальянскаго князя, который въ будущемъ могъ стѣснять Венецію. Такъ выступила кандидатура князя Балдуина фландрскаго, который какъ болѣе отдаленный владѣтельный князь представлялся менѣе опаснымъ Венеціи. При голосованіи Балдуинъ получилъ 9 голосовъ (6 отъ Венеціи и 3 отъ духовенства прирейнскаго), Бонифацій только 3. Провозглашеніе Балдуина послѣдовало 9 мая.

Новое правительство съ латинскимъ императоромъ во главѣ должно было осуществить теперь 3 статью договора о выдѣлѣ леновъ и о раздѣлѣ имперіи. Когда въ сентябрѣ подошли къ этому вопросу, то нашли, что осуществить проектъ раздѣла въ высшей степени не легко. Дѣйствующая армія крестоносцевъ простиралась лишь до 15 т., а между тѣмъ ей предстояло имѣть дѣло съ имперіей, въ которой парализована была голова, но всѣ другіе члены обнаруживали еще признаки жизни. Провинціи имперіи не признали совершившихся фактовъ: кромѣ двухъ императоровъ, Алексѣя III и IV, бѣжавшихъ во время осады,—въ ночь, передъ вступленіемъ латинянъ въ Константинополь, избранъ былъ еще новый императоръ Ѳедоръ Ласкарисъ, который также бѣжалъ изъ города. Итакъ, нужно было считаться съ 3 императорами, которые держались въ провинціяхъ.

Осенью 1204 года латинское правительство предпринимаетъ задачу подчиненія имперіи, т. е. походы въ провинціи съ цѣлью завоеванія ихъ. Нужно было удовлетворить ожиданія всей массы крестоносцевъ по отношенію къ леннымъ владѣніямъ. Желающихъ получить лены было много, а раздавать пока было не откуда. Между тѣмъ воины Христовы давно уже томились надеждой устроиться въ областяхъ имперіи какъ у себя дома, получить населенныя земли во владѣніе и отдохнуть отъ понесенныхъ трудовъ. Правительство

щедро раздавало титулы и званія, рыцари тщательно изучали карту имперіи и выбирали себѣ мѣста по вкусу. Появились герцоги никейскіе, филиппопольскіе, лакедемонскіе, графы менѣе значительныхъ городовъ, герцогства и графства проигрывались и выигрывались въ кости. Выше сказано, что болѣе удачно обставлены были интересы Венеціи, она заранѣе обезпечила себѣ владѣніе промышленными и торговыми центрами. Далматинское побережье, часть острововъ, приморскіе пункты въ Сиріи—все это была часть Венеціи. Но не меньше было желанія обезпечить себя и у другихъ князей. Бонифацій, обманувшись въ разсчетахъ на титулъ императора, скоро понялъ, что и доставшаяся ему при дѣлежѣ часть далеко не выгодна. По проекту на его долю выпадали восточныя области. Но теперь, когда избранъ былъ въ императоры Балдуинъ, онъ нашелъ, что было бы лучше получить что-нибудь болѣе вѣрное на западѣ. Фамильныя воспоминанія тянули его къ Македоніи, именно къ Солуни, гдѣ братъ его, служившій въ имперіи, имѣлъ земельныя пожалованья. Когда онъ заявилъ Балдуину, что охотно откажется отъ Востока въ обмѣнъ на Солунскій округъ, то Балдуинъ выразилъ по этому поводу неудовольствіе. Въ самомъ дѣлѣ, ему могли внушать серьезныя опасенія намѣренія Бонифація утвердиться въ Солуни, ибо отсюда онъ могъ доминировать въ Греціи, гдѣ имѣли лены французскіе рыцари, кромѣ же того Бонифацій, какъ мужъ эксъ—императрицы Маргариты, дочери венгерскаго короля, могъ угрожать въ союзѣ съ венграми и самому Константинополю.

Такимъ образомъ, Балдуинъ рѣшительно высказался противъ предложенія Бонифація, что породило охлажденіе между вождями и угрожало усобицей. Но въ то время какъ Балдуинъ, предпринявъ экспедицію въ Македонію, старался фактически распространить здѣсь свою власть, заставляя населеніе присягать себѣ, Бонифацій перехитрилъ его дипломатическими переговорами съ Г. Дандоло. 12 августа 1204 г. состоялся актъ запродажи Бонифаціемъ въ пользу Венеціи всѣхъ его правъ и притязаній на области имперіи и на обязательства, данныя царевичемъ Алексѣемъ, за что Венеція выплатила ему единовременно 1000 марокъ серебра и обязалась дать ему ленъ на западѣ, доходы съ котораго равнялись бы 30 т.

рублей. Въ послѣдствіи оказалось, что не названный въ формальномъ контрактѣ ленъ былъ именно Солунскій округъ. Этимъ актомъ Бонифацій выигрывалъ очень много: 1) онъ получалъ европейскую область, расположенную у моря; 2) получалъ ее не какъ ленъ императора, которому слѣдовательно не давалъ присяги на вѣрность, и съ которымъ могъ смѣло вступить даже въ борьбу.

Итакъ, латинская имперія въ Константинополѣ съ осени 1204 года можетъ считаться совершившимся фактомъ.

Мнѣ необходимо еще сказать нѣсколько словъ о возмездіи, постигшемъ крестоносцевъ за содѣянныя ими неправды. Прежде всего, какъ понять то обстоятельство, что имперія, военныя силы которой простирались до сотни тысячъ, пала подъ ударами горсти иноземцевъ, въ 15 съ небольшимъ тысячъ? — Важнѣйшіе факты Византійской исторіи всегда оставались загадкой, пока не было оцѣнено значеніе славянской стихіи въ имперіи. Въ трудныя историческія эпохи, обозначавшія крайнюю слабость Византіи, необходимо въ особенности тщательное обслѣдованіе роли славянской стихіи. Посмотримъ же, въ какомъ отношеніи стояли греки къ славянамъ и обратно при династіи Ангеловъ. Самымъ выразительнымъ въ этомъ отношеніи фактомъ было освобожденіе Болгаріи изъ подъ власти Византіи, начавшееся въ 1185 году и во время 4 крестоваго похода вполнѣ уже совершившееся. Здѣсь, за Балканами, ожидала латинянъ неумолимая немезида. Царь Іоаннъ Асенъ рядомъ удачныхъ войнъ съ имперіей не только освободилъ Болгарію отъ византійскихъ гарнизоновъ, но перешагнулъ за Балканы и завладѣлъ городами Өракіи и Македоніи съ славянскимъ населеніемъ. Ко времени латинскаго вторженія только треугольникъ между Константинополемъ и Андріанополемъ признавалъ власть имперіи, вся остальная часть Балканскаго полуострова тянула къ Болгаріи. Вотъ гдѣ причина, что имперія не могла стянуть въ Константинополь европейскія войска, морскія же сношенія съ Греціей, островами и Востокомъ были для нея отрѣзаны за отсутствіемъ флота. Послѣ завоеванія латинянами Константинополя была одна живая сила, которая въ состояніи была помѣряться съ ними, это болгаре. Даже та уступчивость, съ которой Исаакъ и Алексѣй вели себя по отно-

шенію къ латинянамъ и готовность, съ которой они приняли услугу крестоносцевъ, находитъ себѣ объясненіе въ грозѣ, надвигавшейся съ сѣвера.

И крестоносцы и болгаре хорошо понимали, что имъ придется оспаривать другъ у друга власть на Балканскомъ полуостровѣ. Былъ моментъ, когда Іоаннъ Асень питалъ надежду войти въ соглашеніе съ крестоносцами и полюбовно раздѣлить имперію. Но латинскіе вожди посмотрѣли на дѣло иначе и подвергли сомнѣнію самую политическую свободу Болгаріи, хотя Асень получилъ уже отъ папы королевскій титулъ. Асень выступилъ тогда противъ крестоносцевъ съ болѣе широкими претензіями. Такъ какъ латиняне въ упоеніи легкой побѣдой слишкомъ оскорбляли самолюбіе грековъ, осмѣивали ихъ вѣру и обряды и посягали на обращеніе ихъ въ католичество, то многіе знатные греки нашли справедливымъ перейти на службу къ болгарскому царю и внушили ему такіе политическіе и военные планы, какихъ самъ онъ, можетъ быть, не былъ въ состояніи придумать. Прежде всего греки начинаютъ движеніе противъ латинянъ и организуютъ народную войну. Этимъ опредѣлился планъ Асеня: выступить защитникомъ православія и греко-болгарской народности противъ латинскаго преобладанія и съ тѣмъ вмѣстѣ принять на себя задачу оживленія оскудѣвшаго въ Византіи императорства.

Между тѣмъ латиняне нисколько не догадывались о положеніи дѣлъ. Занявъ нѣкоторые города Балканскаго полуострова, Балдуинъ и Бонифацій оставили въ нихъ небольшіе гарнизоны и со всѣми остальными силами пошли на Востокъ, чтобы и тамъ водворить вновь пожалованныхъ герцоговъ и графовъ въ греческіе города и области. Этимъ то временемъ и пользуется Асень, чтобы поднять и руководить народнымъ движеніемъ. Оно пріобрѣло громадную силу и сопровождалось поголовнымъ истребленіемъ латинянъ, такъ что послѣдніе совсѣмъ очистили Балканскій полуостровъ и приносили вождямъ извѣстіе одно хуже другого. Это была роковая эпоха для латинянъ, точно также и для Болгаріи. Напуганные дурными вѣстями съ запада, крестоносцы бросили свои военныя операціи противъ Никеи и Трапезунта и перевели снова свои силы на западъ. Это единственная причина, объясняющая образованіе на Востокѣ Никейской имперіи: не будь сдѣлана въ это время диверсія со стороны Асеня

никогда бы не могла образоваться на Востокѣ новая греческая имперія со столицей въ Никеѣ, а если бы она не организовалась, то съ XIII столѣтія на Востокѣ не было бы центра греческой національности, и для Болгаріи не было бы политическаго соперника.

Весной 1205 года латинскіе вожди пошли противъ I. Асеня. Въ битвѣ подъ Адріанополемъ 15 апрѣля погибъ цвѣтъ латинскаго рыцарства и взятъ въ плѣнъ царь Балдуинъ. Оставшіеся въ живыхъ послали на западъ печальныя извѣстія о ходѣ дѣлъ и умоляли папу о собраніи новаго крестоваго похода.

Но этимъ не кончились невзгоды крестоносцевъ. Совершенно отрѣзанные отъ западныхъ провинцій, они заперлись въ Константинополѣ и со страхомъ ожидали осады. Папа отказался проповѣдовать новый походъ и рекомендовалъ регенту константинопольскому искать союза и дружбы съ болгарами. — Для царя Асеня открывались неожиданныя перспективы, весь Балканскій полуостровъ былъ въ его власти, ему оставалось сдѣлать только шагъ къ завоеванію Константинополя.—Почему Асень не сдѣлалъ этого послѣдняго шага? Здѣсь я нахожу еще поучительный урокъ, которыхъ такъ много даетъ исторія грекославянскихъ отношеній. Асень не удержался на высотѣ политическаго призванія, напротивъ сдѣлался орудіемъ глухой, вѣками подготовлявшейся народной ненависти славянъ къ грекамъ, далъ полную волю этому чувству и смотрѣлъ сквозь пальцы, какъ его болгаре и союзники ихъ половцы стали обращать въ развалины греческіе города и поселенія. Одна мѣра, не лишенная впрочемъ политическаго смысла, иначе не можетъ быть названа, какъ мѣрой возмездія грекамъ. Извѣстно, что греческое правительство часто практиковало систему переселеній съ востока на западъ въ видахъ ослабленія на Балканахъ славянскаго элемента. Теперь Асень въ свою очередь нашелъ полезнымъ, чтобы дать мѣсто болгарамъ во Ѳракіи и Македоніи, переселить массу грековъ къ Дунаю. Такія дѣйствія болгарскаго царя заставили грековъ призадуматься надъ той мыслью, лучше ли имъ будетъ подъ болгарскимъ господствомъ, чѣмъ подъ латинскимъ. Эти колебанія скоро рѣшились противъ болгарскаго царя. Онъ потерялъ въ грекахъ самыхъ полезныхъ въ данный моментъ союзниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ выпустилъ изъ рукъ Константинополь. Въ 1206 году благопріятный моментъ

былъ уже пропущенъ, противъ болгаръ стояли теперь греки въ союзѣ съ латинянами. Но царь Асень упорно отстаивалъ свои притязанія, и въ битвѣ подъ Салунью палъ другой герой IV крестоваго похода, Бонифацій Монферратскій. Только дожъ Венеціи умеръ своею смертію въ Константинополѣ въ іюнѣ 1205 года.

Изложенный эпизодъ изъ исторіи отношеній западной Европы къ Востоку имѣетъ глубокій историческій смыслъ. Не будемъ особенно настаивать на томъ, что ничья властная рука не поднялась въ защиту попираемаго ногами права и ничей голосъ не высказался противъ издѣвательства надъ религіознымъ чувствомъ народныхъ массъ. Властные люди были ослѣплены страстью и дѣйствовали или подъ вліяніемъ политическихъ разсчетовъ, или экономическихъ и финансовыхъ соображеній. Уступимъ политическимъ дѣятелямъ ихъ право слѣдовать мотивамъ холоднаго разсчета, но и считаю, что исторія утратила бы свой образовательный и гуманизирующій характеръ, если бы человѣческія дѣянія не подвергались оцѣнкѣ со стороны другихъ мотивовъ. Чувство справедливости до извѣстной степени удовлетворено тѣмъ, что крестоносцы жестоко поплатились за свою неправду противъ грековъ. Но ужели въ началѣ XIII в. дѣяніе латинянъ не представлялось никому зазорнымъ? Во время осады и взятія Константинополя былъ тамъ одинъ новгородецъ, который потомъ и сообщилъ свои впечатлѣнія лѣтописцу. Въ Новгородской лѣтописи „подвигъ“ крестоносцевъ сведенъ съ пьедестала и представленъ какъ возмутительное злодѣяніе. Русская точка зрѣнія выдвигаетъ нравственные мотивы и клеймитъ эту авантюру, называемую крестовымъ походомъ, какъ позорное дѣло. „Крестоносцы возлюбили злато и сребро, пренебрегли наказомъ папы и сплели темную интригу, вслѣдствіе которой царство греческое погибло жертвой зависти и вражды къ нему со стороны Запада“.

Если изученіе исторіи должно сообщать полезные уроки, то почерпаемый въ новгородской лѣтописи урокъ гуманности, терпимости и любви къ человѣку, нельзя не рекомендовать, какъ національное воззрѣніе, которое тѣмъ больше имѣетъ цѣны, что стоитъ совсѣмъ одиноко и оказывается въ полномъ противорѣчіи съ хвалебными латинскими и французскими описаніями IV похода.

ГЛАВА VI.

Пятый крестовый походъ *).

Съ начала крестовыхъ походовъ прошло сто лѣтъ. Въ этотъ періодъ Европа четыре раза дѣлала громадное напряженіе силъ для осуществленія своего грандіознаго предпріятія на Востокѣ, но ея силы таяли, не нанося существеннаго вреда мусульманамъ. Оказывается, что какъ ни были многочисленны крестоносныя арміи, онѣ были недостаточны для достиженія имѣвшейся въ виду цѣли—ослабленія мусульманъ и подчиненія европейской культурѣ отдаленнаго Востока. Когда четвертый крестовый походъ открылъ для европейской колонизаціи области Византійской имперіи, когда въ Греціи, въ Македоніи, Эпирѣ и на островахъ обнаружилось новое поприще для добыванія чести и славы, большая часть западныхъ рыцарей нашла полное основаніе предпочесть болѣе вѣрное сомнительному и трудно достижимому въ Сиріи и Палестинѣ. Вотъ причина, по которой четвертый походъ, расширивъ поле дѣятельности крестоносцевъ и отвлекши силы ихъ отъ Востока на Византію, долженъ былъ сопровождаться весьма печальными послѣдствіями для христіанскаго дѣла на Востокѣ. Первоначальный разсчетъ руководителей четвертымъ походомъ—сдѣлать изъ порабощенной имперіи орудіе для подчиненія мусульманскаго Востока—оказался невѣрнымъ, потому что потребовались новыя жертвы, которыя тоже должна была

---

*) Счетъ дальнѣйшихъ крестовыхъ походовъ точно не установленъ. Одинъ подъ именемъ пятаго похода разумѣютъ и излагаютъ походъ дѣтей, иногда присоединяя сюда же и походъ короля Венгерскаго, другіе относятъ этотъ послѣдній къ шестому походу, излагая его вмѣстѣ съ походомъ Фридриха. Тогда получается всего семь или восемь походовъ, если раздѣлить на два отдѣла походы Людовика. Соединяя въ одинъ разсказъ походъ Фридриха съ крестовымъ походомъ Венгерскаго короля Андрея и не разбивая на два отдѣла походы Людовика, мы сокращаемъ на два все число походовъ и получаемъ, вмѣсто семи или восьми, шесть.

выставлять Западная Европа, для удержанія и обезпеченія сдѣланныхъ на счетъ Византіи завоеваній.

Между тѣмъ и положеніе дѣлъ въ Сиріи требовало серіезнаго вниманія. По смерти Саладина (1193 г.) начавшіеся въ его семьѣ раздоры отвлекли силы мусульманъ къ внутренней войнѣ, братъ Саладина, Альмеликъ Аладиль, воспользовался начавшимися смутами и соединилъ подъ своею властью Египетъ, Сирію и Месопотамію, получивъ отъ калифа титулъ „короля королей". Съ этимъ вмѣстѣ противъ слабыхъ и разрозненныхъ христіанскихъ княжествъ выступила вновь организованная сила, руководимая умнымъ политикомъ и храбрымъ вождемъ. Титулярнымъ королемъ Іерусалима былъ Генрихъ графъ Шампани, владѣвшій береговой полосой отъ Яффы до Тира и имѣвшій въ своемъ распоряженіи небольшія отряды іерусалимскихъ рыцарей, да тѣхъ крестоносцевъ, какихъ выставляли итальянскія торговыя республики. Въ Антіохіи и Триполи правилъ одинъ домъ, такъ какъ съ прекращеніемъ тулузскаго дома въ Триполи (1187) оба княжества соединились подъ властью Боэмунда III антіохійскаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для обоихъ княжествъ народился соперникъ въ сосѣдственной Киликіи. Здѣсь возвысился армянскій владѣтельный домъ, въ лицѣ князя Льва II, который обращеніемъ своимъ къ римскому обряду создалъ себѣ на Востокѣ исключительное положеніе и расширилъ область своего политическаго вліянія на сосѣднія страны. Усвоивъ себѣ западно-европейскія учрежденія и обычаи, Левъ II преобразовалъ свое княжество на франкскій образецъ и ввелъ у себя феодальное устройство. Вслѣдствіе чего на службѣ у него появляются западные рыцари, тампліеры и іоанниты, а итальянскіе купцы охотно стремились въ его княжество съ своими товарами и заводили у него факторіи. Словомъ, франкское вліяніе нашло въ князѣ Львѣ II ревностнаго поборника и защитника, а для дѣятельности крестоносцевъ открылось въ его земляхъ широкое и почетное поле. Особенно обмѣнъ вліяній увеличился съ тѣхъ поръ, когда Левъ II женился на дочери антіохійскаго князя, а антіохійскій князь женилъ своего наслѣдника Раймунда на племянницѣ Льва. Отъ этого послѣдняго брака произошелъ Рувимъ, будущій князь армянской Киликіи и сосѣднихъ

областей, имѣвшій законныя притязанія на господство въ Антіохіи. Политика Льва II несомнѣнно отличалась большимъ умомъ и не безъ основанія сравниваютъ его съ героемъ перваго похода Боэмундомъ сицилійскимъ, какъ тотъ, такъ и другой давали большое мѣсто армянскому элементу въ европейскомъ предпріятіи ослабить мусульманство и дать преобладаніе на Востокѣ христіанамъ. На Западѣ вполнѣ оцѣнили политику Льва II, папа Целестинъ III далъ согласіе на возведеніе армянскаго князя въ королевское достоинство, а императоръ Генрихъ VI обѣщалъ короновать его, когда прибудетъ на Востокъ, что и исполнено было въ 1198 г., когда архіепископъ Конрадъ Майнцкій вѣнчалъ Льва II королевскимъ вѣнцомъ.

Далѣе, на Востокѣ было еще кипрское королевство, перешедшее къ западнымъ князьямъ со времени завоеванія острова Кипра Ричардомъ, управляемое королями изъ дома Лузиньяновъ. Въ 1195 г. кипрское королевство получилъ Амальрикъ, братъ Гвидо, бывшаго короля Іерусалима, который также обѣщалъ подчинить островъ римскому престолу, и получилъ отъ папы и императора согласіе на вѣнчаніе его королевскимъ вѣнцомъ. Такимъ образомъ, къ концу XII вѣка христіанскія владѣнія въ Сиріи организуются въ церковномъ и политическомъ отношеніи и вступаютъ въ тѣсный союзъ, который подъ вліяніемъ папы и императора и вопреки интересамъ восточнаго православія Византійской имперіи готовится съ новыми силами выступить противъ магометанъ. Всѣмъ этимъ планамъ и надеждамъ нанесенъ былъ непоправимый ударъ направленіемъ и исходомъ четвертаго крестоваго похода.

Сирійскіе христіане, не получивъ своевременно большого подкрѣпленія изъ Европы, продолжали влачить жалкое существованіе, тратя силы на внутреннюю борьбу. Нѣсколько разъ армянскій король и антіохійскій князь доходили до открытой войны, приглашая на помощь мусульманъ. Не лучше были и положеніе іерусалимскаго королевства и кипрскаго княжества. Когда по смерти Амальрика право на іерусалимское королевство перешло къ его падчерицѣ Маріи Іолантѣ, а Кипръ къ его сыну Гуго, въ обѣихъ областяхъ назначено было регентство за малолѣтствомъ правителей.

Повинуясь общему, никогда не угасавшему движенію, на Востокъ продолжали прибывать небольшіе отряды изъ разныхъ странъ, но ощущалась потребность въ большомъ движеніи, въ возбужденіи новаго крестоваго похода. За это дѣло взялся папа Иннокентій III. Что во Франціи и Германіи крестоносное движеніе продолжало дѣйствовать на умы, доказательствомъ служитъ безпримѣрное въ исторіи обнаруженіе его въ 1212 году. Во Франціи и Германіи экзальтація достигла такой напряженности, что вызвала движеніе среди дѣтей. Тысячи подростковъ обоего пола въ одеждѣ пилигримовъ собрались въ путешествіе за море, чтобы исполнить то дѣло, котораго Богъ не удостоилъ совершить отцамъ ихъ. Руководимыя темными личностями, толпы дѣтей добрались до Марсели и здѣсь посажены были на корабли. Часть ихъ погибла отъ крушенія на морѣ, а часть продана въ Египтѣ мусульманамъ. Говорятъ, что Фридрихъ II въ 1229 году возвратилъ свободу нѣкоторымъ изъ этихъ несчастныхъ. Подобнымъ же движеніемъ увлечены были нѣкоторыя германскія области, гдѣ также составилось ополченіе изъ дѣтей. Судьба этого послѣдняго была нѣсколько иная. Собравшаяся въ Германіи толпа въ 20 тысячъ мальчиковъ и дѣвочекъ съ большимъ трудомъ и потерями дошла до Бриндизи, но мѣстный епископъ оказалъ рѣшительное сопротивленіе этой арміи изъ дѣтей и не допустилъ ее продолжать сумасбродное дѣло. Почти всѣ участники этого похода погибли на обратномъ пути отъ истощенія и болѣзней.

Не смотря на энергичныя мѣры папы Иннокентія III, государи Европы съ большимъ трудомъ поддавались проповѣди о новомъ крестовомъ походѣ. Движеніе дѣтей вновь расшевелило религіозное чувство. Не только во Франціи и Германіи, но также въ Италіи и Англіи начали организоваться большіе отряды, особенно когда папа приказалъ вербовать крестоносцевъ даже между преступниками и когда пущена была въ обращеніе мысль, что господству Магомета скоро придетъ конецъ, такъ какъ изъ числа 666 лѣтъ, данныхъ этому звѣрю по откровенію Іоанна, истекло уже 600 лѣтъ. И политическое положеніе Германіи повидимому благопріятствовало осуществленію мечты папы. Здѣсь одержала наконецъ верхъ партія Гогенштауфеновъ и король Фридрихъ II въ 1215 году далъ обѣтъ

участвовать въ крестовомъ походѣ. На соборѣ въ Римѣ принятъ былъ рядъ мѣръ по организаціи этого похода, который предположено было осуществить къ 1 іюня 1217 года. Правда, со смертію Иннокентія III движеніе пріостановилось, но все же походъ осуществился, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это было задумано Иннокентіемъ. Этотъ походъ извѣстенъ по имени Венгерскаго короля Андрея, хотя въ немъ участвовали представители другихъ національностей, между прочимъ герцоги Леопольдъ австрійскій, Оттонъ меранскій и графъ голландскій Вильгельмъ.

Наиболѣе любопытное явленіе въ разсмотрѣніи обстоятельствъ этого похода состоитъ въ томъ, что собравшіеся подъ Акрой крестоносцы и контингенты отъ мѣстныхъ сирійскихъ христіанъ замѣтно колебались въ выборѣ мѣста, на которое должны быть направлены ихъ удары, для нихъ повидимому не было соотвѣтственной военной цѣли. Если пришлые изъ Европы крестоносцы не могли не имѣть въ мысли Іерусалима и освобожденія святыхъ мѣстъ, то въ средѣ мѣстныхъ христіанъ преобладало мнѣніе, что вопросъ объ Іерусалимѣ всего лучше можетъ быть разрѣшенъ перенесеніемъ театра военныхъ дѣйствій на Египетъ, откуда мусульманскіе властители Сиріи черпали свои силы. Эта мысль уже была руководящей при первоначальной организаціи четвертаго похода, эта же мысль вновь поднялась съ прибытіемъ крестоносцевъ пятаго похода. На этотъ разъ выставлялась Даміэтта, какъ главный пунктъ, на который нужно направить военныя операціи. Само собой разумѣется, это соображеніе могло бы считаться вѣрнымъ, если-бы въ немъ не были замѣшаны частные интересы—желаніе итальянскихъ республики получить возможность свободной торговли въ Египтѣ. Но и указанная цѣль очевидно не всѣми считалась удовлетворительной. Дѣлается три похода въ Сирію къ Тиверіадѣ, къ Ѳавору и къ Бофору. Эти походы истощили силы христіанъ, заставили ихъ потерпѣть большія потери и въ концѣ концовъ не привели ни къ какому результату. Вслѣдствіе неудачъ король Андрей охладѣлъ къ дѣлу и несмотря на брошенное на него отлученіе отъ церкви іерусалимскимъ патріархомъ, оставилъ Палестину и возвратился въ Европу.

Весной 1218 г. крестоносцы приступили къ осадѣ Даміэтты,

города, лежавшаго на одномъ изъ рукаковъ Нила и игравшаго важное торговое и военное значеніе. Осада Даміэтты надолго сосредоточила на себѣ все вниманіе христіанъ и, какъ прежде осада Акры, ведена была съ большой настойчивостью и упорствомъ. Даміэтта окружена была тройнымъ рядомъ стѣнъ и кромѣ того пользовалась весьма выгоднымъ въ смыслѣ защиты натуральнымъ положеніемъ. Первыя усилія крестоносцевъ направлены были противъ башни, съ одной стороны защищавшей городъ, съ другой же запиравшей осаждающимъ доступъ къ морю. Они устроили изъ своихъ судовъ подвижныя плавучія машины, съ которыхъ пытались овладѣть башней. Хотя первые приступы были неудачны, но христіане не теряли энергіи, дѣлали новыя приспособленія и усовершенствованія въ своихъ осадныхъ орудіяхъ и достигли того, что 24 августа часть башни была ими взята и мусульманамъ не оставалось возможности продолжать сопротивленіе; это дѣйствительно былъ большой успѣхъ, который привелъ въ смущеніе султана Алмелика Аладиля и былъ причиной его смерти (31 авг. 1218 г.). Но христіанамъ предстояло теперь имѣть дѣло съ городскими укрѣпленіями, ибо взятіе башни открывало имъ только сношенія съ моремъ и возможность прилива свѣжихъ силъ изъ Европы. Надежды на новыя подкрѣпленія были причиной того, что осаждающіе перестали подвергать себя новымъ опасностямъ, нѣкоторые даже снялись съ лагеря и возвратились въ Европу. Правда, подкрѣпленія приходили, но вмѣстѣ съ тѣмъ, преемникъ Аладиля, сынъ его Алькамиль, постарался ввести въ Даміэтту подкрѣпленія и поддержать осажденныхъ. Кромѣ того, перекинувъ мостъ черезъ Нилъ выше Даміэтты, онъ сталъ тревожить лагерь крестоносцевъ частыми и неожиданными нападеніями. Къ этому присоединилось еще и то, что зимой въ лагерѣ крестоносцевъ начались болѣзни, погубившія значительную часть войскъ, а разливъ Нила побудилъ ихъ позаботиться о перемѣнѣ расположенія лагеря. Въ февралѣ 1219 года крестоносцы дѣйствительно переправились на своихъ судахъ на другую сторону Нила, южнѣе Даміэтты и обложили со всѣхъ сторонъ городъ. Между тѣмъ Алькамиль, справившись съ внутренними смутами, угрожавшими ему низверженіемъ, вновь собралъ подкрѣпленія

изъ Дамаска и подвелъ къ Даміэттѣ большія силы. Все лѣто прошло въ безпрерывныхъ стычкахъ подъ Даміэттой, хотя рѣшительнаго перевѣса не имѣли ни христіане, ни мусульмане. Осажденные доведены были до крайней степени истощенія, всѣ попытки Алькамиля доставить имъ продовольствіе оказались напрасными, тогда онъ принужденъ былъ начать съ крестоносцами переговоры.

Какъ ни дорого стоила крестоносцамъ продолжительная осада Даміэтты, но все же можно было считать чрезвычайно счастливымъ то обстоятельство, что Алькамиль сдѣлалъ предложеніе возвратить христіанамъ королевство іерусалимское, отдать животворящій крестъ, взятый Саладиномъ, и освободить плѣнныхъ христіанъ, если крестоносцы снимутъ осаду съ Даміэтты. Съ точки зрѣнія цѣлей пятаго похода это было бы весьма важное пріобрѣтеніе, съ политической и военной стороны предложенія султана не могли не представляться весьма лестными, такъ къ нимъ и отнеслись военные люди въ лагерѣ крестоносцевъ. Но на бѣду въ пятомъ походѣ участвовалъ легатъ папы кардиналъ Пелагій, считавшійся главнокомандующимъ и въ обсужденіи предположеній Алькамиля давшій перевѣсъ не военнымъ и политическимъ соображеніямъ, а церковнымъ притязаніямъ. Его поддержали іерусалимскій патріархъ, рыцарскіе ордена и итальянцы, ставившіе на видъ торжество церкви, уничтоженіе преобладанія невѣрныхъ и предлагавшіе продолжать войну до конца. Ближайшія событія какъ будто оправдали Пелагія и его партію, Даміэтта взята была христіанами 5 ноября 1219 г., при чемъ они завладѣли громадной добычей.

Извѣстія о паденіи Даміэтты произвели сильное впечатлѣніе въ Европѣ и доставили торжество церковной партіи. Всѣ думали, что теперь пришелъ конецъ мусульманскому господству въ Египтѣ и въ Палестинѣ. И дѣйствительно, палестинскіе мусульмане начали разрушать стѣны Іерусалима и уничтожать возведенныя въ Палестинѣ укрѣпленія и казалось потеряли надежду удержаться здѣсь. Но скоро оказалось, что взятіе Даміэтты само по себѣ не обезпечивало спокойствія ни въ Египтѣ, ни въ Сиріи. Даміэтта была дѣйствительно ключемъ позиціи, но занятіе ея не обезпечивало за христіанами господство въ Египтѣ. Если бы вслѣдъ за паденіемъ

Даміэтты христіане были въ состояніи распространить свои завоеванія въ Нильской долинѣ, тогда конечно Даміэтта была бы важнымъ пріобрѣтеніемъ. Но недостатокъ общей организаціи и отсутствіе руководящей идеи сказались и теперь въ христіанскомъ войскѣ. Часть крестоносцевъ послѣ взятія Даміэтты возвратилась на родину. Оставшаяся часть и вновь прибывшіе пилигримы не могли согласиться насчетъ того, какъ поступить дальше. Король іерусалимскій Іоаннъ желалъ присоединенія Даміэтты къ іерусалимскому королевству, кардиналъ Пелагій не давалъ на это своего согласія и возбуждалъ противъ себя всеобщее недовольство въ лагерѣ своимъ высокомѣріемъ и желаніемъ неограниченной власти. Кромѣ того, скоро обнаружилось, что легатъ Пелагій и его приверженцы были плохіе полководцы и далеко не знали, какъ воспользоваться плодами счастливой побѣды. Самымъ худшимъ было то, что крестоносцы продолжительное время оставались въ бездѣйствіи, чѣмъ не только утратили выгоды своего положенія, но и приготовили себѣ западню въ завоеванномъ городѣ.

Пользуясь непростительной небрежностью крестоносцевъ и раздорами въ ихъ лагерѣ, Алькамиль успѣлъ собрать новыя подкрѣпленія и построить сильно укрѣпленный станъ въ мѣстности, господствующей надъ Даміэттой (Мансура), откуда началъ грозить христіанамъ. Было уже поздно, когда въ іюлѣ 1221 г. крестоносцы рѣшились наконецъ перейти въ наступленіе. Ближайшей цѣлью ихъ была Мансура, а потомъ Каиръ. Предпріятіе потому въ особенности безнадежное, что оно начато было легкомысленно предъ наступленіемъ дождей и разлива Нила. Алькамиль снова повторилъ предложеніе мира и обѣщалъ христіанамъ іерусалимское королевство, но строптивость Пелагія и на этотъ разъ была причиной, что выгодныя предложенія были отвергнуты. Христіане расположились станомъ подъ Мансурой и стали укрѣплять свои позиціи. Между тѣмъ вода въ Нилѣ стала подниматься, что позволило египтянамъ перевести свои корабли въ тылъ крестоносцамъ, прервать сообщеніе ихъ съ Даміэттой и окружить ихъ. Продержавшись нѣсколько дней въ мучительномъ страхѣ и видя, что разлитіе Нила угрожаетъ ихъ лагерю, они рѣшились наконецъ прорваться черезъ непріятельскую

цѣпь и возвратиться въ Даміэтту (26 августа). Но здѣсь имъ грозили непроходимыя болота, тучи непріятельскихъ стрѣлъ и голодная смерть. Въ этомъ положеніи Пелагій отправилъ къ Алькамилю пословъ и просилъ мира. Хотя мусульмане знали отчаянное положеніе крестоносцевъ и безъ труда могли бы перебить ихъ, но Алькамиль не хотѣлъ воспользоваться ихъ положеніемъ, дабы не возбудить противъ себя европейцевъ и не привлечь въ Египетъ новыя толпы ихъ для отмщенія. Поэтому онъ сознательно держался съ христіанами умѣренности и мягкости. 30 августа 1221 года заключенъ былъ миръ на 8 лѣтъ, христіане обязывались очистить Даміэтту, а мусульмане возвращали Животворящій Крестъ. Такъ печально кончилось предпріятіе противъ Даміэтты!

Несчастный исходъ египетскаго похода чрезвычайно тяжело подѣйствовалъ на европейскихъ христіанъ. Онъ стоилъ много денегъ, вначалѣ сулилъ блестящіе результаты и неожиданно окончился позорнымъ миромъ. Самое тяжелое разочарованіе испытывалъ папа, который въ лицѣ кардинала Пелагія распоряжался этимъ походомъ и не могъ не считать большимъ ударомъ для церкви постигшія крестоносцевъ неудачи. Но на этотъ разъ нашлась очистительная жертва, въ письмѣ отъ 19 ноября 1221 года папа обвинялъ въ неудачѣ императора Фридриха II и угрожалъ ему отлученіемъ отъ церкви, если онъ и впредь будетъ такъ легкомысленно относиться къ данному слову, какъ дѣлалъ до сихъ поръ.

Фридрихъ давалъ обѣтъ (въ 1215 г.) участвовать въ крестовомъ походѣ столько же по религіознымъ, какъ и политическимъ мотивамъ. То обстоятельство, что по разнымъ поводамъ онъ принужденъ былъ откладывать исполненіе своего обѣта, не возбуждало особенныхъ неудовольствій папы до самаго исхода дѣлъ подъ Даміэттой. Справедливость требуетъ сказать, что не предпринимая лично похода на Востокъ, Фридрихъ не далѣе какъ въ 1221 году послалъ въ Египетъ очень значительныя подкрѣпленія и давалъ положительныя обѣщанія скоро начать походъ. При такихъ условіяхъ упрекъ, брошенный папой императору, не говоря уже о томъ, что былъ несправедливъ по существу, заключалъ въ себѣ еще весьма печальный фактъ, что Фридрихъ не будетъ имѣть за себя духовную власть

въ предпріятіи, къ которому серьезно готовился и которое едва ли кромѣ него кто могъ осуществить. Тѣмъ не менѣе Фридрихъ не обратилъ вниманія на вызывающій образъ дѣйствія папы и продолжалъ сборы къ крестовому походу. Назначенный на 1222 годъ соборъ въ Веронѣ для этой цѣли не состоялся не по винѣ императора. Соборъ въ Ферентино въ 1223 году назначилъ срокомъ выступленія въ походъ іюнь 1225 года. Въ то же время Фридрихъ тѣсно соединилъ свои интересы съ судьбами Святой Земли, давъ согласіе на бракъ съ Изабеллой, наслѣдницей іерусалимскаго королевства (отъ короля Іоанна и Маріи-Іоланты). Такъ какъ въ этомъ же соборѣ было опредѣлено, что всѣ завоеванія, какія на будущее время сдѣланы будутъ на Востокѣ, имѣютъ войти въ составъ іерусалимскаго королевства, то и личные интересы императора требовали отъ него неотложнаго похода. Императоръ и папа начали приготовленія въ широкихъ размѣрахъ. Но когда пришелъ срокъ, оказалось, съ одной стороны, что число изъявившихъ согласіе принять участіе въ походѣ, весьма недостаточно и что съ другой стороны новыя затрудненія въ Сициліи побуждали Фридриха отсрочить походъ на Востокъ. Чтобы побудить папу къ уступчивости, императоръ послалъ къ нему довѣренныхъ людей просить новой отсрочки. Гонорій, самъ находясь въ затруднительномъ положеніи, не хотѣлъ раздражать императора и долженъ былъ согласиться на представленные ему доводы. Въ Сенъ-Джермано состоялось соглашеніе между папою и императоромъ, по которому Фридрихъ давалъ клятву, что въ августѣ 1227 г. онъ предприметъ столько разъ откладывавшійся походъ и будетъ въ теченіи двухъ лѣтъ содержать на свой счетъ 1060 воиновъ, или обязуется платить по 50 марокъ за каждаго недостающаго воина. Кромѣ того, императоръ обѣщалъ приготовить 150 кораблей для перевозки крестоносцевъ въ Св. Землю и выдать королю іерусалимскому, патріарху и магистру нѣмецкаго ордена 100.000 унцовъ золота (около 2 милл. руб.) на войну съ невѣрными. Если бы какое изъ этихъ условій оказалось невыполненнымъ, то императоръ навлекалъ на себя кару церковнаго отлученія. Какъ ни были суровы условія этого соглашенія, но Фридрихъ безъ борьбы далъ на нихъ согласіе, считая

себя удовлетвореннымъ тѣмъ, что получалъ два года для устройства своихъ дѣлъ въ Италіи. Прежде всего онъ отпраздновалъ свадьбу съ Изабеллой, наслѣдницей іерусалимской короны, и объявилъ своему тестю, что намѣренъ фактически воспользоваться своими правами короля іерусалимскаго. Это не понравилось королю Іоанну и оскорбило римскую курію.

Главнѣйшее вниманіе Фридриха обращено было на упроченіе императорской власти въ Италіи. Но здѣсь ему предстояли серьезныя затрудненія столько же по отношенію къ свѣтской власти папы, какъ и въ виду республиканскихъ тенденцій въ средѣ сѣверо-итальянскаго союза городовъ. Папѣ чрезвычайно опасны были стремленія Фридриха ввести въ южную Италію систему монархическаго устройства, такъ какъ это нарушало его сюзеренныя права; на каждомъ шагу стали возникать недоразумѣнія то по поводу назначенія на вакантныя епископскія каѳедры, то по поводу отношеній императора къ сѣверо-итальянскимъ городамъ. Пока былъ живъ папа Гонорій III, отношенія между государствомъ и церковью еще болѣе или менѣе поддерживались, но когда въ 1227 г. папой сдѣлался Григорій IX, дѣло дошло до полнаго разрыва. Для новаго папы стоялъ на первомъ планѣ вопросъ о томъ, чтобы осуществилось крестоносное предпріятіе, чтобы Фридриху не создавать затрудненій, которыя бы могли послужить для него отговоркой противъ личнаго похода въ Святую Землю. Онъ помогъ ему устроить дѣло съ ломбардскимъ союзомъ и дружественными письмами поощрялъ его исполнить принятыя имъ на себя обязанности „знаменоносца христіанства". Императоръ старательно дѣлалъ приготовленія къ походу. Лѣтомъ 1227 года начали приходить въ Южную Италію отряды изъ Франціи, Англіи и Ломбардіи, особенно много выставляла на этотъ разъ Германія. Такъ какъ посадка на судна назначена была въ Бриндизи, то въ городѣ и его окрестностяхъ сосредоточились громадныя массы народа, среди которыхъ скоро обнаружились болѣзни вслѣдствіе недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, лихорадокъ и лѣтнихъ жаровъ. Крестоносцы стали умирать тысячами, многіе отъ страха возвращались назадъ. Въ началѣ сентября императоръ посадилъ однако на суда 40.000 человѣкъ, и черезъ нѣсколько дней самъ

послѣдовалъ за отрядомъ. Но болѣзнь не пощадила и самого Фридриха и спутника его ландграфа Людвига Тюрингенскаго. Вслѣдствіе этого Фридрихъ долженъ былъ вновь высадиться на берегъ и по совѣту врачей отложилъ походъ до выздоровленія.

Григорій IX, не обращая вниманія на обстоятельства и не выслушавъ объясненія пословъ императора, 29 сентября съ церковной каѳедры произнесъ отлученіе противъ ослушниковъ церкви. Съ этимъ вмѣстѣ церковь бросила вызовъ свѣтской власти; конечно, Григорій IX не за то подвергъ императора отлученію, что онъ въ назначенный имъ срокъ не выступилъ въ походъ, а за то, что папство видѣло въ Фридрихѣ своего врага, что боялась въ немъ найти опаснаго соперника для своихъ свѣтскихъ правъ и считало необходимымъ отдѣлаться отъ него. Въ окружномъ посланіи, извѣщая весь христіанскій міръ объ отлученіи императора, папа изложилъ свой взглядъ на вины Фридриха. Этотъ документъ пропитанъ такой страстностью, что въ немъ приписаны императору такіе поступки, которыхъ никто ему не могъ поставить въ вину. Въ немъ говорилось, что Фридрихъ умышленно довелъ крестоносцевъ до голода и заразы подъ Бриндизи, чтобы не допустить похода, что самая болѣзнь его притворство, что онъ измѣнникъ вѣры Христовой. Фридрихъ отнесся къ вызову папы съ достоинствомъ и сознаніемъ своей правоты. Не прибѣгая къ рѣзкости, онъ опровергъ всѣ обвиненія папы и заявилъ, что походъ будетъ исполненъ въ слѣдующемъ году. Не смотря на то, что въ апрѣлѣ 1228 года умерла его супруга Изабелла— обстоятельство, которое могло бы служить извиненіемъ и для новой отсрочки, онъ въ іюнѣ сѣлъ на корабль, сопровождаемый проклятіями папы, утверждавшаго, что императоръ слуга Магомета и что онъ не крестоносецъ, а разбойникъ, котораго истинный сынъ церкви не долженъ слушаться. При такомъ положеніи дѣла предпринятый Фридрихомъ походъ не могъ расчитывать на успѣхъ и вина за то, что Фридрихъ оказался связаннымъ по рукамъ и по ногамъ, должна всецѣло быть отнесена на счетъ папы.

Положеніе дѣлъ на Востокѣ было таково, что Фридриху нельзя было ожидать помощи отъ тамошнихъ христіанъ, которымъ

мстительный Григорій IX переслалъ актъ отлученія Фридриха отъ церкви вмѣстѣ съ запрещеніемъ повиноваться его приказаніямъ. Тѣмъ не менѣе, по прибытіи въ Акру въ сентябрѣ 1228 года, императоръ немедленно приступилъ къ переговорамъ о возвращеніи святыхъ мѣстъ христіанамъ. Почва для этихъ переговоровъ приготовлена была уже давно. Еще ранѣе онъ имѣлъ дружественныя сношенія съ Алькамилемъ, еще въ Сициліи онъ научился цѣнить арабовъ и имѣлъ при себѣ на службѣ многихъ мусульманъ. Такимъ образомъ, по прибытіи на Востокъ, императоръ имѣлъ новыя основанія разсчитывать на переговоры съ султаномъ Алькамилемъ и добиться отъ него рѣшительныхъ уступокъ. Онъ отправилъ къ султану посольство съ подарками и предлагалъ ему сдать христіанамъ Іерусалимъ безъ войны. Султанъ отвѣтилъ съ своей стороны посольствомъ и увѣреніями въ дружбѣ, хотя уклонился отъ разрѣшенія вопроса объ Іерусалимѣ. Нужно было принять болѣе рѣшительныя мѣры. Съ большимъ трудомъ побѣдивъ упорство патріарха іерусалимскаго и магистровъ рыцарскихъ орденовъ, которые ссылались на актъ отлученія Фридриха отъ церкви, онъ сталъ издавать приказы „во имя Бога и христіанства“ и тѣмъ побудилъ присоединиться къ нему колеблющихся. Первая цѣль Фридриха была укрѣпить Яффу и сдѣлать въ ней укрѣпленный лагерь для дѣйствія противъ Іерусалима. Занимаясь приготовленіями къ походу въ Іерусалимъ, Фридрихъ продолжалъ пересылаться посольствами съ Алькамилемъ и достигъ того, что въ февралѣ 1229 года заключенъ былъ договоръ, которымъ мусульмане уступали христіанамъ городъ Іерусалимъ съ правомъ владѣть имъ какъ своей собственностью, за исключеніемъ той части, гдѣ находится мечеть Омара; въ эту послѣднюю остается свободный доступъ для мусульманъ. Кромѣ Іерусалима султанъ уступилъ христіанамъ Виѳлеемъ, Назаретъ и весь путь отъ Іерусалима къ Яффѣ и Акрѣ. Въ замѣнъ Фридрихъ давалъ обѣщаніе защищать султана отъ всѣхъ его враговъ, хотя бы то были и христіане и не допускать, чтобы князья Антіохіи, Триполи и другихъ сирійскихъ городовъ нападали на султана. Этотъ миръ заключенъ былъ на 10 лѣтъ.

Нужно признать, что Фридрихъ достигалъ этимъ договоромъ

того, чего не могли достигнуть участники 3-го похода, что не удалось ни Фридриху I, ни папѣ Иннокентію III, чего напрасно добивались христіане болѣе сорока лѣтъ. Такъ и отнеслись къ этому договору тѣ, которые стояли внѣ борьбы императора съ папой. Но не такъ отнеслись къ этому приверженцы папской партіи, которые увидѣли въ переговорахъ Фридриха съ султаномъ прямо измѣну христіанству и не останавливались ни передъ какими извѣтами противъ императора. Прежде всего патріархъ іерусалимскій Герольдъ, іоанниты и тампліеры отнеслись съ крайнимъ раздраженіемъ къ этому акту. Когда императоръ въ мартѣ 1229 года вступилъ въ Іерусалимъ, возложилъ на себя корону въ церкви Святого Гроба и объявилъ манифестомъ о радостномъ событіи возвращенія въ руки христіанъ Іерусалима, то патріархъ объявилъ запрещеніе совершать богослуженіе въ святыхъ мѣстахъ, пока въ городѣ находится отлученный императоръ, въ то же время изъ Италіи получено извѣстіе, что папа освободилъ итальянцевъ отъ присяги императору и ввелъ войска въ сицилійское королевство. Фридриху нужно было поспѣшить возвращеніемъ въ Европу. Высадившись въ Бриндизи, онъ скоро возвратилъ къ повиновенію отложившіеся отъ него города и затѣмъ нанесъ нѣсколько пораженій папскимъ отрядамъ. Не смотря на новыя отлученія и на призывъ бороться противъ врага вѣры и церкви, папа не получилъ подкрѣпленій и голосъ его не возбуждалъ ревности въ Европѣ. Ему пришлось подчиниться. 23 іюня 1230 года былъ заключенъ миръ въ С. Джермано, по которому Григорій IX освобождалъ Фридриха отъ церковнаго отлученія и призналъ его заслуги въ дѣлѣ крестоваго похода. Съ своей стороны императоръ отказался отъ своихъ завоеваній въ римской области и предоставилъ духовенству сицилійскаго королевства свободу выборовъ на епископскія каѳедры.

Послѣ удаленія Фридриха изъ Палестины сейчасъ же обнаружилось, что созданный имъ на Востокѣ порядокъ вещей не могъ считаться обезпеченнымъ. Прежде всего, христіане не могли спокойно владѣть Іерусалимомъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ мусульманами, которые нерѣдко нападали на европейскихъ пилигримовъ, врывались въ Іерусалимъ и ставили въ большое затрудненіе хри-

стіанъ. Требовалась помощь извнѣ, чтобы удержать Святыя мѣста. Затѣмъ, среди сирійскихъ христіанъ начались новые раздоры, которые частію имѣли своимъ основаніемъ рядъ мѣропріятій, по необходимости поспѣшныхъ, какими Фридрихъ желалъ утвердить свою власть на Востокѣ. Такъ, въ качествѣ іерусалимскаго короля императоръ долженъ былъ оберегать интересы своего наслѣдника Конрада, рожденнаго отъ Изабеллы, а между тѣмъ къ іерусалимскому наслѣдству предъявила притязанія Алиса, мать Кипрскаго короля Генриха и внучка прежняго іерусалимскаго короля Амальриха. Болѣе серіезнымъ соперникомъ Фридриха выступилъ Іоаннъ Ибелинъ, владѣтель Бейрута, который имѣлъ сильныхъ приверженцевъ среди мѣстнаго дворянства и духовенства и явился въ ихъ глазахъ освободителемъ Востока отъ тиранніи Фридриха. Назначенные Фридрихомъ въ Кипрѣ и іерусалимскомъ королевствѣ намѣстники подверглись гоненіямъ и притѣсненіямъ; противъ нихъ призванъ былъ Іоаннъ Ибелинъ, который лишилъ ихъ власти и началъ вводить на Востокѣ новую систему управленія. Въ 1231 г. Фридрихъ долженъ былъ послать въ Іерусалимъ военный отрядъ для возстановленія своихъ правъ, но этотъ отрядъ встрѣтилъ сопротивленіе въ средѣ бароновъ и духовенства какъ въ Іерусалимѣ, такъ и на Кипрѣ. Правда, благодаря миру съ папой, императоръ имѣлъ на своей сторонѣ авторитетъ церковной власти, и достигъ того, что церковь Гроба Господня была открыта для богослуженія, іерусалимское духовенство подчинилось распоряженіямъ его, а Конрадъ признанъ наслѣдникомъ іерусалимскаго престола, но въ общемъ состояніе дѣлъ на Востокѣ было далеко не утѣшительное и не соотвѣтствовало тѣмъ громаднымъ жертвамъ, которыя понесены были европейскимъ міромъ. Чтобы удержать Іерусалимъ въ рукахъ христіанъ, требовались еще новыя жертвы.

ГЛАВА VII.

Шестой крестовый походъ.

Заключенный между Фридрихомъ II и египетскимъ султаномъ миръ, на десять слишкомъ лѣтъ обезпечивалъ спокойствіе на Востокѣ. Хотя папа призналъ съ своей стороны актъ договора, но не переставалъ питать надежду на возбужденіе новаго крестоваго похода и употреблялъ всѣ зависящія мѣры къ тому, чтобы собирать пожертвованія и шевелить мысль о святыхъ мѣстахъ среди европейскихъ христіанъ. Вотъ почему, какъ только истекъ срокъ мира, въ 1239 году во Франціи и Англіи началось движеніе, во главѣ котораго стояли король Тибо наваррскій, герцогъ Гуго бургундскій, графы монфорскій, бретанскій и многіе другіе. Императоръ оказалъ содѣйствіе французскимъ крестоносцамъ, а папа, опасаясь, что этотъ походъ послужитъ только къ усиленію императорской партіи въ Іерусалимѣ, высказался теперь противъ направленія похода на Востокъ, а указалъ другую цѣль: поддержаніе Латинской Имперіи въ Константинополѣ. Такимъ образомъ, цѣль двоилась въ зависимости отъ интересовъ свѣтской и церковной партіи, и предпріятіе въ самомъ началѣ обрекалось на неуспѣхъ. Одни изъ крестоносцевъ остались вѣрны первоначальному плану и отправились въ Сирію, другіе отдѣлились и подчинились указаніямъ папы.

Подъ Акрой французскіе отряды соединились съ войсками іерусалимскими, но между тѣми и другими не было согласія, а главное, недоставало плана дѣйствій. Одинъ отрядъ выступилъ безъ содѣйствія тампліеровъ и іоаннитовъ противъ мусульманъ, но при Газѣ потерпѣлъ полное пораженіе, причемъ былъ убитъ графъ барскій и взятъ въ плѣнъ графъ монфорскій. За этимъ не-

счастіемъ послѣдовало другое. Ободренные легкимъ успѣхомъ при Газѣ, мусульмане рѣшились на смѣлый шагъ. Именно, одинъ изъ мелкихъ владѣтелей Сиріи, Анназиръ Даудъ, напалъ на Іерусалимъ, разрушилъ въ немъ укрѣпленія и произвелъ страшное опустошеніе въ городѣ. Это могло бы повести къ полному уничтоженію христіанскихъ владѣній въ Палестинѣ, если бы сами мусульманскіе властители не находились между собой въ постоянной войнѣ, которая давала христіанамъ возможность держаться въ занятыхъ ими пребрежныхъ мѣстахъ. Мало помогло имъ и новое подкрѣпленіе изъ Англіи подъ предводительствомъ графа Ричарда, племянника короля Ричарда Львиное Сердце. Но общее положеніе представлялось такъ испорченнымъ, что нечего было и думать о большихъ военныхъ предпріятіяхъ. Вслѣдствіе чего Ричардъ отклонилъ предложеніе мѣстныхъ христіанъ вступить въ союзъ съ дамасскимъ эмиромъ противъ египетскаго султана и ограничился тѣмъ, что занялся укрѣпленіемъ Акры и Яффы и возобновилъ мирный договоръ съ султаномъ (Февраль 1241 г.). Хотя французы и англичане не предприняли на Востокѣ ничего важнаго и не измѣнили тамъ бывшаго до нихъ положенія дѣлъ, но все же возобновленный мирный договоръ съ султаномъ обезпечивалъ ихъ отъ самаго серіезнаго врага. Нужно приписывать исключительно самимъ сирійскимъ христіанамъ отвѣтственность за ближайшія событія, такъ повредившія имъ. На Востокѣ, какъ и на Западѣ, борьба свѣтской власти съ духовной вызвала рѣзкія обнаруженія вражды и сопровождалась образованіемъ партій. Тампліеры были озлоблены на іоаннитовъ и нѣмецкихъ рыцарей и съ оружіемъ въ рукахъ нападали на ихъ владѣнія. Сторону первыхъ поддерживали венеціанцы — самые сильные представители церковной партіи. Сторонники римской куріи задались цѣлью уничтожить на Востокѣ императорскую партію и воспользовались для того первымъ случаемъ. Въ 1243 г. Конрадъ, наслѣдникъ іерусалимской короны, достигшій къ тому времени совершеннолѣтія, потребовалъ отъ своихъ восточныхъ подданныхъ присяги на вѣрность. Но они снеслись съ кипрской королевой Алисой и предложили ей принять подъ свою власть іерусалимское королевство. Императорская партія,

во владѣніи которой былъ городъ Тиръ, не могла оказать сильнаго сопротивленія соединеннымъ войскамъ рыцарскихъ орденовъ и венеціанцевъ и принуждена была сдаться въ Тирѣ. Кромѣ того, противники императорской партіи, чтобы противодѣйствовать Фридриху и союзнику его египетскому султану, Эйюбу, заключили союзъ съ султаномъ Дамаска и эмиромъ Керака (Анназиръ Даудъ), который недавно отнялъ у христіанъ Іерусалимъ. Правда, этотъ союзъ обѣщалъ христіанамъ важныя выгоды. они вновь получили въ свое владѣніе Іерусалимъ и даже безъ того ограниченія, какое было въ договорѣ Фридриха съ Алькамилемъ, но подобныя выгоды оказались призрачными, такъ какъ союзъ съ сирійскими мусульманами не могъ обезпечить христіанъ отъ могущественнаго египетскаго султана, имѣвшаго въ Сиріи и Месопотаміи приверженцевъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого необдуманнаго шага было то, что султанъ Эйюбъ нанялъ себѣ на службу отрядъ ховарезмійцевъ—племени, кочевавшаго сначала у Аральскаго моря и въ XIII вѣкѣ достигшаго большой военной славы своими дикими наѣздами и необузданной храбростью. Ховарезмійцы выставили отрядъ въ 10.000 всадниковъ, который неожиданно явился въ Палестинѣ, повергая въ ужасъ населеніе и не давая никому пощады. Когда врагъ приблизился къ Іерусалиму, патріархъ Робертъ ничего другаго не могъ придумать, какъ оставить городъ и спастись въ Яффу. Когда остававшіеся въ Іерусалимѣ христіане въ страхѣ бѣжали изъ города, между ними вдругъ разнесся слухъ, что на воротахъ оставленнаго города развѣвается христіанское знамя. Это была коварная хитрость ховарезмійцевъ, дѣйствительно обманувшая многихъ. Бѣглецы возвратились въ покинутый ими Іерусалимъ, и здѣсь окружены были непріятелемъ, который погубилъ въ этотъ день до 7.000 человѣкъ, частію въ городѣ, частію въ окрестностяхъ его по дорогѣ въ Яффу. Овладѣвъ Іерусалимомъ, дикіе хищники перерѣзали въ немъ всѣхъ христіанъ, разграбили церкви и не пощадили могилы іерусалимскихъ королей. Это случилось въ сентябрѣ 1244 года, съ этихъ поръ Іерусалимъ окончательно и навсегда потерянъ былъ для христіанъ. Когда палестинскіе христіане опомнились отъ страшнаго удара и начали думать о сред-

ствахъ къ спасенію, ужасная орда ховарезмійцевъ опустошила Виѳлеемъ и направилась къ Газѣ, гдѣ соединилась съ войсками египетскаго султана. Мусульманскіе союзники христіанъ, правда, прислали помощь, но разсчитывать на то, что мусульманскіе отряды будутъ ревностно сражаться съ единовѣрцами было бы слишкомъ легкомысленно. Поэтому самымъ разумнымъ рѣшеніемъ въ данныхъ обстоятельствахъ было бы предоставить хищникамъ не защищенныя мѣста и держаться подъ защитой Аскалонской крѣпости, пока непріятель перестанетъ находить добычу въ опустошенной странѣ и не принужденъ будетъ удалиться. Но на совѣтѣ вождей одержало верхъ мнѣніе іерусалимскаго патріарха Роберта, который требовалъ нападенія на войско султана и его союзниковъ. Дѣло подъ Газой, 18 октября 1244 года, когда христіанъ покинули ихъ союзники и когда они имѣли противъ себя несравненно превосходнѣйшія силы, обратилось въ полное пораженіе и сопровождалось или избіеніемъ, или плѣненіемъ всего христіанскаго войска. Послѣ такой блестящей побѣды не могло быть сомнѣнія, что сирійскій союзъ, направленный противъ Египта, распадается. Въ 1245 г. султанъ Эйюбъ взялъ Дамаскъ и возстановилъ такимъ образомъ вновь единство мусульманскаго государства, которое основалъ Саладинъ и поддерживали Алькамиль и Аладиль. Въ 1247 году онъ отнялъ у христіанъ Аскалонъ, такъ что владѣнія ихъ въ Палестинѣ ограничивались теперь Акрой и немногими другими приморскими городами. Къ довершенію бѣдствій въ это же самое время Антіохійское княжество сдѣлалось добычей монголовъ. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, которыя поставили христіанскія владѣнія на Востокѣ въ крайне стѣсненное положеніе и угрожали лишить европейцевъ и послѣднихъ укрѣпленій, за которыми они еще держались, не оставалось никакого сомнѣнія, что нельзя обойтись безъ новаго и притомъ въ обширныхъ размѣрахъ предпринятаго крестоваго похода. Извѣстія о происшествіяхъ въ Св. землѣ своевременно доходившія въ Европу, производили крайне удручающее впечатлѣніе, а между тѣмъ идея новаго крестоваго похода долго не находила искреннихъ приверженцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, Европа повидимому уже утомилась отъ понесенныхъ ею жертвъ, а римскій

папа имѣлъ болѣе интереса къ европейскимъ событіямъ, гдѣ борьба свѣтской власти съ духовной привлекала къ себѣ все его вниманіе, чѣмъ къ положенію христіанскаго дѣла въ Палестинѣ. Умный и энергичный Иннокентій IV, поощряя проповѣдь о крестовомъ походѣ и собирая для этой цѣли пожертвованія, не разъ указывалъ принявшимъ крестъ, что борьба съ Гогенштауфенами не менѣе угодна Богу, что и походъ въ Св. землю и спокойно обращалъ деньги, пожертвованныя для крестоваго похода, на потребности борьбы съ императорскими войсками. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ обстоятельствахъ трудно было составиться большому походу въ Палестину.

Въ 1248 году состоялся крестовый походъ Людовика IX-го. Это было предпріятіе, скорѣй объясняемое личнымъ характеромъ короля, чѣмъ общественнымъ настроеніемъ. Приближенные, напротивъ, всѣми мѣрами пытались охладить аскетическій пылъ короля и объяснить ему безполезность новыхъ попытокъ достигнуть такой цѣли, которая явно неосуществима, въ особенности въ виду того, что прочія христіанскія страны, занятыя внутренней борьбой, холодно относятся къ новому походу въ Св. Землю. Крестовый походъ Людовика, повидимому имѣвшій первоначальной цѣлью Сирію и Палестину, получилъ совершенно иное назначеніе, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ. Людовикъ присталъ къ острову Кипру, провелъ здѣсь осень 1248 г. и зиму слѣдующаго года и безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ совѣтовъ кипрскаго короля и представителей папской партіи въ Палестинѣ, принялъ роковое рѣшеніе, бывшее источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій. Именно, не взирая на урокъ, постигшій крестоносцевъ въ 1219 году въ Египтѣ, Людовикъ рѣшился вновь испытать попытку кардинала Пелагія „схватить быка за рога“, т. е. напасть на султана въ его египетскихъ владѣніяхъ. Весной 1249 года Людовикъ выступилъ съ огромнымъ флотомъ въ море и присталъ къ устьямъ Нила, растерявъ въ дорогѣ, вслѣдствіе морскихъ бурь значительную часть кораблей. Высадка послѣдовала тамъ же, гдѣ въ 1218 году пристали крестоносцы пятаго похода, то есть близъ Даміэтты. Султанъ Эйюбъ лежалъ больной въ Мансурѣ и потому на первыхъ

порахъ Людовика радовали неожиданные успѣхи. Такъ, Даміэтта занята была почти безъ сопротивленія, и въ ней найдено много запасовъ и оружія. Но въ дальнѣйшемъ христіанъ ожидала масса непредвидѣнныхъ затрудненій. Съ одной стороны памятны были событія 1219—1220 года, когда разлитіе Нила было причиной громадныхъ бѣдствій, съ другой продолжительная стоянка подъ Даміэттой вредно отзывалась на дисциплинѣ войска и давала время египетскому султану собирать свѣжія силы и тревожить христіанъ неожиданными нападеніями на ихъ лагерь. Когда стали обсуждать планъ дѣйствій въ Египтѣ, то оказалось крайнее несогласіе въ мнѣніяхъ. Одни подавали голосъ за то, чтобы обезпечить прежде всего береговую полосу и овладѣть Александріей, другіе говорили, что когда хочешь убить змѣю, нужно прежде всего раздавить ей голову, то есть держались мнѣнія о походѣ на Каиръ. Въ походѣ Людовика повторена была та же ошибка, какая сдѣлана была кардиналомъ Пелагіемъ. Въ ноябрѣ французы снялись съ лагеря и пошли вверхъ по теченію Нила. Двигались они чрезвычайно медленно и вслѣдствіе этого пропустили благопріятный моментъ, какой имъ давала смерть султана Эйюба. Подошедши въ декабрѣ къ крѣпости Мансурѣ, крестоносцы имѣли противъ себя не только значительныя военныя силы, но и сильное укрѣпленіе, которое можно было взять только при помощи осадныхъ работъ. Пока не явился къ мѣсту военныхъ дѣйствій наслѣдникъ Эйюба Туранщахъ, крестоносцы могли бы еще разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ, большимъ для нихъ счастіемъ было то, что по указаніямъ одного бедуина или нашли бродъ черезъ каналъ, отдѣлявшій ихъ отъ Мансуры и приблизились такимъ образомъ къ стѣнамъ крѣпости. Осадныя работы подвигались однако медленно, египтяне разрушали и жгли съ помощію греческаго огня то, что удавалось построить крестоносцамъ, кромѣ того дѣлали вылазки и наносили осаждающимъ чувствительныя пораженія. Въ этихъ битвахъ погибли братъ короля и множество французскихъ рыцарей и тампліеровъ. Въ концѣ февраля 1250 года прибылъ къ Мансурѣ Туранщахъ съ новыми войсками изъ Сиріи и положеніе христіанъ стало принимать серіезный характеръ. Первымъ его дѣломъ было передвиже-

ніе флота въ тылъ крестоносному лагерю, вслѣдствіе чего христіанское войско оказалось отрѣзаннымъ отъ Даміэтты, откуда оно получало продовольствіе и военные запасы. Египетскіе партизанскіе отряды перехватывали французскіе караваны, отряды мамелюковъ стали дѣлать дерзкія нападенія на лагерь. Это сопровождалось большими непріятностями для христіанъ, у которыхъ начался голодъ, а непривычная жара была причиной большой смертности. Въ виду этихъ обстоятельствъ Людовикъ рѣшился проложить себѣ путь къ отступленію въ Даміэтту (апрѣль 1250 г.). Но это отступленіе происходило при условіяхъ, чрезвычайно неблагопріятныхъ и сопровождалось почти полнымъ истребленіемъ крестоноснаго войска. При этомъ отступленіи захвачены были въ плѣнъ король Людовикъ и его братья Альфонсъ Пуату и Карлъ Анжуйскій и съ ними множество знатныхъ рыцарей. Большая масса была взята въ плѣнъ и продана въ рабство. Торжествуя побѣду, султанъ писалъ своему намѣстнику въ Дамаскѣ: если хочешь знать число убитыхъ, то подумай о морскомъ пескѣ и ты не ошибешься. Когда начались переговоры о выкупѣ плѣнныхъ, король Людовикъ предоставилъ королевѣ, находившейся въ Даміэттѣ, рѣшеніе вопроса о своемъ выкупѣ и согласился безъ всякихъ вопросовъ выплатить громадную сумму до 10 мил. франковъ за освобожденіе изъ плѣна рыцарей. По мирному договору съ Туранщахомъ французы обязались очистить Даміэтту и десять лѣтъ не возобновлять войны.

Несмотря на страшную катастрофу, какая постигла предпріятіе Людовика IX-го, несмотря на всю опасность, въ которой оказались христіанскія владѣнія послѣ побѣды египетскаго султана, дошедшія въ Европу извѣстія не произвели уже такого впечатлѣнія, какъ это было въ XII в. Европейцы извѣрились въ дѣло крестовыхъ походовъ и не хотѣли болѣе дѣлать безплодныхъ попытокъ. Въ то время, какъ большинство отпущенныхъ на свободу изъ египетскаго плѣна рыцарей возвратилось на родину, самъ Людовикъ отправился изъ Даміэтты въ Акру и здѣсь началъ обдумывать мѣры къ продолженію войны. Но можно ли было предпринять что-либо рѣшительное, когда всѣ его воззванія не имѣли во Франціи успѣха и когда тамъ рѣшительно отказывались отъ по-

хода на Востокъ? Еще четыре года Людовикъ оставался въ Сиріи, ожидая подкрѣпленій изъ Европы, занимаясь усиленіемъ крѣпостей Акры, Яффы и Сидона и давая небольшія сраженія. Въ концѣ 1252 года умерла его мать Бланка, правившая въ его отсутствіе Франціей и общій голосъ народа требовалъ, чтобы Людовикъ возвратился на родину. Король уступилъ наконецъ необходимости и лѣтомъ 1254 года отплылъ изъ Сиріи.

Судьба христіанскихъ владѣній зависѣла теперь исключительно отъ доброй воли мусульманскихъ владѣтелей Сиріи и Египта. Нельзя впрочемъ думать, что вообще христіане были лишены средствъ для энергичной борьбы. Въ рукахъ у нихъ находилось нѣсколько городовъ, ведшихъ большую торговлю и служившихъ посредниками въ обмѣнѣ европейскихъ и азіатскихъ товаровъ, въ этихъ городахъ было много населенія, владѣвшаго богатствами и роскошью. Хотя боевая сила христіанъ была не велика, но все же военныя учрежденія и французскій отрядъ, оставленный Людовикомъ, съ прибавкой тѣхъ крестоносцевъ, которые ежегодно въ небольшомъ числѣ прибывали изъ Европы, могли внушать мусульманамъ нѣкоторое уваженіе. Вся бѣда заключалась въ томъ, что христіане отвыкли думать объ общихъ интересахъ, а руководились личной выгодой въ зависимости отъ случайныхъ и минутныхъ капризовъ мѣняли свою политику: сегодня дружили съ мусульманами, а на завтра переходили въ лагерь ихъ враговъ. Тампліеры и іоанниты ревниво слѣдили другъ за другомъ и часто вступали между собой въ открытую вражду. Торговый элементъ, дававшій тонъ жизни сирійскимъ городамъ, отличался большой нравственной испорченностью и непріятно поражалъ вновь прибывшаго. Самымъ большимъ бѣдствіемъ для сирійскихъ христіанъ было соперничество итальянскихъ республикъ Венеціи, Генуи и Пизы и представителей ихъ на востокѣ. Баилы этихъ республикъ, имѣвшіе свои канцеляріи во всѣхъ почти городахъ Сиріи, представляли собой могучую аристократію, которая своимъ богатствомъ и вліяніемъ затмѣвала феодальныхъ владѣтелей и находилась съ ними въ постоянной враждѣ. Можно утверждать, что торговые люди и торговые интересы были главной причиной, подточившей существованіе хри-

стіанскихъ владѣній. Одна война генуэзцевъ съ венеціанцами, веденная въ 1256—8 году стоила Акрѣ 20000 человѣкъ, кромѣ того громадное количество кораблей погибло въ гавани Акры и на морѣ. Эта война свирѣпствовала почти безостановочно въ пятидесятые и шестидесятые годы XIII-го вѣка и увлекла какъ сирійскихъ христіанъ, такъ и никейскихъ императоровъ. Повидимому всѣ забыли, что эта борьба только приближаетъ окончательный ударъ, который мусульмане приготовлялись нанести христіанскимъ владѣніямъ. Когда монгольскій ханъ Гулагу вторгся въ Персію и затѣмъ покорилъ Месопотамію и опустошилъ Сирію (1259 г.), часть христіанъ примкнула къ монголамъ и тѣмъ возбудила крайнее раздраженіе среди мусульманъ, которые не могли имъ простить союзъ съ ихъ ожесточеннымъ врагомъ.

Мусульманскія владѣнія Египта и Сиріи вновь объединились подъ властію султана Бибарса, который по своему значенію и могуществу напоминаетъ Саладина. Поставивъ главной цѣлью своей политики дать преобладаніе мусульманству и окончательно уничтожить европейскія владѣнія на Востокѣ, Бибарсъ не пренебрегалъ для этого никакими средствами и хорошо воспользовался враждой и противоположными теченіями, подмѣченными имъ среди самихъ христіанъ. Такъ, онъ не упустилъ изъ виду важныя событія, подготовлявшіяся въ Никейской имперіи и вступилъ въ дружественныя сношенія съ Михаиломъ Палеологомъ, отнявшимъ у латинянъ Константинополь. Такъ, онъ дорожилъ мирными сношеніями съ Манфредомъ сицилійскимъ и считалъ полезнымъ поддерживать императорскую партію на Востокѣ. Явное нерасположеніе европейскихъ христіанъ приносить новыя жертвы для походовъ на Востокъ и равнодушіе сирійскихъ и палестинскихъ христіанъ къ общимъ интересамъ давало султану Бибарсу полную возможность оцѣнить сравнительныя преимущества мусульманъ и воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, чтобы положить конецъ христіанскимъ владѣніямъ. Въ 1262 г. онъ предпринялъ первый походъ въ Сирію, и потомъ въ теченіи шести лѣтъ четыре раза повторялъ эти походы. Слѣдствіемъ его удачныхъ войнъ было то, что онъ отнялъ у христіанъ Антіохію, взялъ Кесарію, Арсуфъ и Яффу, опустошилъ окрестности

Тира и Акры. Нельзя сказать, чтобы эти успѣхи очень дорого достались Бибарсу, ни разу онъ не имѣлъ противъ себя соединенныхъ силъ христіанъ, а поражалъ отдѣльные отряды іерусалимскихъ и антіохійскихъ бароновъ, госпиталитовъ, Іоаннитовъ и кипрскихъ рыцарей. Трудно найти болѣе выразительную характеристику нравственнаго и политическаго положенія восточныхъ христіанъ, какъ слѣдующія слова Бибарса, сказанныя на ходатайство Карла Анжуйскаго за своихъ единовѣрцевъ: „не отъ меня зависитъ помѣшать гибели франковъ, они сами себѣ готовятъ погибель, самый послѣдній изъ нихъ разрушаетъ то, что создаетъ самый великій“.

Блестящіе успѣхи Бибарса и отчаянныя просьбы о помощи изъ Сиріи вызвали еще разъ значительное движеніе въ пользу крестоваго похода. Во главѣ этого движенія во второй разъ сталъ король французскій Людовикъ IX. Можно изумляться настойчивости Людовика, съ которой онъ преслѣдовалъ свою завѣтную цѣль, не смотря на тяжкій урокъ, вынесенный изъ перваго похода. Быть можетъ онъ и не могъ бы на нѣсколько лѣтъ продлить господство христіанъ въ Сиріи, если бы подкрѣпилъ ихъ свѣжими силами, но мечтать о нанесеніи чувствительнаго удара мусульманамъ было уже теперь поздно. Когда въ 1270 году французскіе рыцари съ королемъ, его братьями и сыновьями во главѣ сѣли на генуэзскія суда, прямая цѣль похода повидимому не была еще опредѣлена. Она въ первый разъ стала извѣстной въ Кальяри (въ Сардиніи), гдѣ происходилъ военный совѣтъ и гдѣ поставлено было рѣшеніе идти на Тунисъ (нынѣ Марокко). Внѣшнимъ образомъ мотивировался этотъ походъ тѣмъ, что будто бы тунисскій эміръ обнаруживаетъ склонность къ христіанству и что привлеченіемъ его въ лоно католической церкви можно было пріобрѣсти важнаго союзника для послѣдующей войны съ египетскимъ султаномъ. Но на самомъ дѣлѣ Людовикъ въ этомъ отношеніи былъ орудіемъ ловкой интриги, которая приготовлена была вѣроятно въ Сициліи и которая имѣла цѣлью подчиненіе Туниса политической власти сицилійскаго королевства, перешедшаго незадолго передъ тѣмъ къ французскому королевскому дому. Во всякомъ случаѣ тунисскій походъ былъ предпріятіемъ, весьма мало отвѣчающимъ цѣлямъ и нуждамъ

христіанъ на Востокѣ. Онъ таковымъ оказался и по своимъ послѣдствіямъ. Высадившись 17 іюля 1270 года въ тунисскомъ рейдѣ, Людовикъ не только не встрѣтилъ готовности со стороны тунисскихъ мусульманъ принять христіанство, но напротивъ имѣлъ въ нихъ непріятеля, готоваго защищаться. Не начиная однако серіозныхъ предпріятій противъ Туниса и ожидая прибытія Карла Анжуйскаго, французы дали время эмиру собраться съ силами и снестись съ султаномъ Бибарсомъ. Единственнымъ пріобрѣтеніемъ крестоносцевъ было завоеваніе карѳагенской крѣпости, которая впрочемъ не имѣла для нихъ значенія. Между тѣмъ эмиръ тунисскій началъ тревожить христіанскій лагерь нападеніями, а непривычныя африканскія жары произвели болѣзни и большую смертность. Въ началѣ августа умеръ сынъ короля Тристанъ, затѣмъ смерть похитила папскаго легата епископа Рудольфа, наконецъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, отъ которой сошелъ въ могилу 25 августа и самъ король. Все крестоносное предпріятіе этимъ разстраивалось. Послѣ нѣсколькихъ сраженій съ тунисскими войсками, не находя ни охоты, ни важныхъ побужденій тратить силы на осаду крѣпко защищеннаго города, наслѣдникъ Людовика Филиппъ и Карлъ Анжуйскій начали переговоры о мирѣ. Обѣ стороны согласились на слѣдующія условія: 1) тунисскій эмиръ даетъ свободу христіанамъ жить въ его областяхъ и совершать богослуженіе въ устроенныхъ ими храмахъ; 2) соглашается вносить вдвойнѣ противъ прежней дань сицилійскому королю, выплачиваетъ военныя издержки. Съ своей стороны христіанскіе короли обязывались немедленно очистить занятыя имъ области Туниса. Большинство рыцарей считало свой обѣтъ исполненнымъ и возвращалось на родину. Лишь небольшая часть французовъ и принцъ Эдуардъ англійскій сочли обязанностію идти въ Сирію.

Хотя гроза сирійскихъ христіанъ султанъ Бибарсъ умеръ въ 1277 году, но это мало вліяло на общій ходъ дѣлъ. На Востокѣ, въ Сиріи и Египтѣ, свирѣпствовала война изъ за обладанія султанатомъ, среди христіанъ продолжались мелкія распри, споры изъ-за власти и соперничество между тампліерами и іоаннитами. Наконецъ, султанъ Килавунъ блестящей побѣдой при Гимсѣ надъ

своими соперниками, опиравшимися на помощь монголовъ, снова придалъ единство и значеніе мусульманству. Въ это же время заключенъ имъ рядъ договоровъ съ рыцарскими орденами, съ графомъ Триполи и властителями Акры, по которымъ христіанамъ обезпечивалось спокойствіе на десять лѣтъ десять мѣсяцевъ и девять дней и они съ своей стороны обязывались не возводить новыхъ укрѣпленій и давать знать султану о приближеніи въ Сирію новыхъ крестоносцевъ изъ Европы. Эти договоры однако нарушились и главнымъ образомъ по винѣ христіанъ. Въ 1289 году борьба изъ за власти въ Триполи была причиной того, что египетскія войска осадили и взяли этотъ городъ, положивъ конецъ существованію триполійскаго графства. Въ слѣдующемъ году военные люди изъ Акры произвели грубыя насилія въ сосѣдней магометанской области. Султанъ потребовалъ удовлетворенія и объявилъ Акрѣ войну. Акра была цвѣтущимъ и населеннымъ городомъ, жители котораго отличались богатствомъ и изысканной роскошью. На защиту Акры христіане могли выставить до 20.000 войска, но на бѣду въ гарнизонѣ не было дисциплины и каждый предводитель считалъ себя въ правѣ слѣдовать своему плану защиты. Между тѣмъ въ мартѣ 1291 года султанъ подступилъ къ городу съ огромнымъ военнымъ снарядомъ и съ сильнымъ войскомъ. Дѣло началось мелкими стычками подъ стѣнами и хотя христіане не щадили своихъ силъ и энергіи, но можно было предвидѣть, что имъ не удержаться передъ врагомъ. Въ маѣ къ Акрѣ прибылъ король кипрскій Генрихъ съ небольшимъ вспомогательнымъ отрядомъ, но онъ оставался здѣсь не больше десяти дней и видя, что осада угрожаетъ неминуемымъ паденіемъ города, вернулся въ Кипръ, за нимъ послѣдовало до 3 тысячъ бѣглецовъ изъ Акры. Нѣсколько разъ египтяне дѣлали приступъ, причемъ разрушили часть стѣны и врывались въ городъ. Осажденные собрали послѣднія усилія, мужественно отразили мусульманъ и поспѣшно задѣлали обвалившуюся стѣну, но было ясно, что противъ новаго приступа Акра не устоитъ. 18 Мая было послѣднее и рѣшительное дѣло. Магометане съ особенной силой ударили на стѣны Акры, сломали одни ворота и густыми толпами ринулись въ городъ. Многія тысячи пали жертвой меча, множество женщинъ и дѣтей взято въ

плѣнъ и продано въ рабство. Египтяне не оставили въ Акрѣ камня на камнѣ и сравняли городъ съ землей. Хотя за христіанами оставались еще нѣкоторые города и замки съ Сиріи (Бейрутъ, Сидонъ, Тиръ и др.), но держаться здѣсь они уже не считали возможнымъ и скоро послѣ 18 мая сирійскій берегъ былъ вполнѣ свободенъ отъ христіанскихъ поселеній. Мусульманскій міръ, казалось, безповоротно овладѣлъ Сирій, Палестиной и Египтомъ, лишивъ христіанъ всѣхъ позицій на Востокѣ.

Заключеніе.

Недостатки въ организаціи крестоносныхъ ополченій, обусловливавшіе неуспѣхъ имѣвшихся въ виду военныхъ операцій, не остались тайной для современниковъ и участниковъ въ крестовыхъ походахъ и частію указаны были въ концѣ XIII и въ началѣ XIV в. Прежде всего, крестоносцамъ предстояло разрѣшить политическую задачу и разрѣшить ее силой оружія. Большинству участниковъ въ крестовыхъ походахъ было чуждо это сознаніе, главныя массы крестоносцевъ возбуждаемы были религіозными мотивами, которые были недостаточны для методическаго проведенія обширной задачи, преслѣдуемой крестовыми походами. Эта цѣль вообще направлялась не только къ тому, чтобы освободить Іерусалимъ и святыя мѣста изъ подъ власти мусульманъ, но что еще важнѣй, къ тому, чтобы обезпечить за христіанами фактическое господство на Востокѣ. Въ мемуарахъ, составленныхъ въ XIV в. для достиженія этой цѣли указано весьма реальное средство—заселеніе Сиріи и Палестины густыми массами христіанъ, передача туземцамъ европейскихъ языковъ и образованія, словомъ постепенное поглощеніе сирійцевъ и арабовъ и ассимиляція ихъ. Ясно, что крестовые походы, при всемъ громадномъ напряженіи европейцевъ, не выбрасывали на сирійскій берегъ такихъ массъ, которыя бы были въ состояніи поглотить туземцевъ. Напротивъ, въ этомъ отношеніи дѣлалось весьма мало, потому что та половина крестоносцевъ, которая достигла Святой земли, исполнивъ обѣтъ, считала себя свободной отъ дальнѣйшихъ заботъ и возвращалась на родину. Такимъ образомъ неудача крестовыхъ

походовъ зависѣла главнымъ образомъ оттого, что недостаточно громадно было движеніе европейцевъ и сравнительно ничтожно число тѣхъ, которые оставались въ Святой землѣ для постояннаго поселенія.

Цѣли крестовыхъ походовъ нельзя было достигнуть безъ содѣйствія Византійской имперіи и безъ участія греческаго элемента. Оставляя даже въ сторонѣ политическое вліяніе византійскаго царя, которое могло быть замѣнено другимъ равносильнымъ авторитетомъ, руководители крестовыми походами просмотрѣли громадную силу въ греческомъ духовенствѣ и возстановили его противъ себя на всемъ театрѣ своего политическаго вліянія. Не озаботившись установленіемъ правильныхъ отношеній съ Византіей и не разграничивъ на Востокѣ сферу византійскаго и европейскаго вліянія, крестоносцы предпринимали рискованное дѣло. Завоеваніемъ Византійской имперіи думая облегчить свою задачу, они на самомъ дѣлѣ уклонились отъ нея и создали себѣ въ будущемъ непреодолимыя затрудненія. Итакъ, отсутствіемъ гуманности и политической дальновидности по отношенію къ Византіи крестоносцы лишили себя серіезнаго союзника. Слишкомъ хорошо сознавали участники и современники крестовыхъ походовъ, что почти ни разу прибывавшіе на Востокъ военные люди не примѣняли свои силы на одно общее предпріятіе. Напротивъ, при недоставкѣ военной организаціи и дисциплины, при различіи цѣлей преслѣдуемыхъ вождями разныхъ національностей и наконецъ, въ виду борьбы и интригъ, разъѣдавшихъ общины сирійскихъ христіанъ, равно какъ соперничества между итальянскими торговыми республиками, никогда почти не удавалось достигнуть соглашенія взаимно противорѣчащихъ интересовъ и направить къ одной военной цѣли всѣ наличныя крестоносныя силы. Борьба папской и императорской власти и вражда свѣтской и духовной партіи въ Сиріи и Палестинѣ не разъ уничтожала выгоды, добытыя договоромъ съ египетскимъ султаномъ.

Наконецъ, нельзя не усматривать основную причину неудачи крестовыхъ походовъ въ политическомъ и торговомъ соперничествѣ самихъ европейскихъ народовъ. Этимъ соперничествомъ объясняется прежде всего направленіе четвертаго похода на Константинополь, затѣмъ отклоненіе походовъ Людовика Святаго на Египетъ и Ту-

ніемъ, этому же соперничеству нужно приписать истощеніе силъ сирійскихъ христіанъ, поглощаемыхъ борьбой Венеціи и Генуи въ XIV вѣкѣ.

Не достигнувъ цѣли крестовыхъ походовъ, западно-европейцы несутъ тяжкую отвѣтственность предъ судомъ исторіи. Вслѣдствіе ошибокъ, допущенныхъ въ XII и XIII в., оказалась надолго утраченными для европейскаго кальтурнаго вліянія Малая Азія, Сирія и Палестина. Ошибками христіанъ воспользовались ихъ враги. Монголы и затѣмъ османскіе турки основали прочное господство на тѣхъ мѣстахъ, которыя были предметомъ неудачнаго домогательства со стороны христіанъ. Вопросъ о возвращеніи святыхъ мѣстъ отошелъ на задній планъ, а на первое мѣсто выступилъ восточный вопросъ стоившій Европѣ уже громадныхъ жертвъ и донынѣ привлекающій къ себѣ вниманіе отчаянными криками о помощи.

Въ виду несказанно тяжелыхъ потерь, понесенныхъ во время крестовыхъ походовъ, и неисчислимаго количества погибшихъ христіанъ, а равно въ виду полнаго несоотвѣтствія результатовъ съ предположенными цѣлями — трудно говорить о томъ, уравновѣшиваются ли громадныя жертвы и потери той пользой, которую извлекло средневѣковое общество изъ знакомства съ Востокомъ. Указываютъ на сравнительно высокую арабскую культуру въ XI вѣкѣ и на заимствованія, усвоенныя отъ арабовъ и перенесенныя въ Европу; приписываютъ большую важность остаткамъ античной культуры въ греческихъ земляхъ, чуждымъ для европейцевъ формамъ жизни на Востокѣ и находятъ многочисленныя заимствованія европейцами въ предметахъ домашняго обихода, въ терминахъ торговли, промышленности; наконецъ, обращаютъ вниманіе на измѣненія въ общественной жизни европейцевъ послѣ крестовыхъ походовъ (развитіе городской свободы, протестъ противъ абсолютизма римской церкви) и пытаются все это поставить на приходъ и разсматривать, какъ прямой результатъ крестовыхъ походовъ. По нашему мнѣнію, выгоды неизмѣримо ниже потерь и убытковъ. Вліяніе крестовыхъ походовъ на прогрессъ средневѣковаго общества подвергается значительному колебанію, если принять во вниманіе естественный процессъ эволюціи, который и безъ крестовыхъ походовъ могъ привести средневѣковые

народы къ успѣхамъ на пути политическаго развитія и эмансипаціи. Независимо отъ того періодъ крестовыхъ походовъ оставилъ Западной Европѣ тяжелое бремя въ восточномъ вопросѣ, который требуетъ отъ нея новыхъ жертвъ и служитъ препятствіемъ къ ея дальнѣйшимъ успѣхамъ на пути развитія.

Оглавленіе.

Просимъ читателей исправить вкравшіяся опечатки:

Стран.	Строка.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
22	5 снизу	дали ему	дали императору
26	10 сверху	видѣвши	видѣвшіе
38	2 снизу	государства	государствъ
41	8 снизу	Риллонъ	Роллонъ
45	1 сверху	уничтожить	уничтожить власть
»	2 снизу	идеи,	идеи
49	5 и 8 снизу	госпиталисты	госпиталиты
51	2 сверху	королевства,	королевства
55	1 снизу	рѣзки	рѣзкихъ формахъ
59	10 снизу	послѣднимъ	послѣдними
60	15 снизу	Галлиполи	у Галлиполи
65	14 сверху	окончательною	оконченною
69	12 снизу	отступать	наступать
»	1 снизу	княжествомъ	княжествамъ
74	13 снизу	припятствій	препятствій
84	16 снизу	Saucil Basilii	Sancti Basilii
96	14 сверху	выговаривалъ	выговорилъ
108	8 снизу	austicarum	Austriacarum
110	10 снизу	снести	свести
118	17 снизу	враждебную	враждебныхъ
119	2 снизу		своихъ
»	1 снизу		Бонифація
120	2 снизу	проъ	про-
»	1 снизу	нам-	намъ
126	12 снизу	условія	усилія
»	9 снизу	самое	слабое
128	8 снизу	появлясь	появляясь
136	13 снизу	Асенъ	Асень
139	14 снизу	но и	но я
140	прим. 2 сверху	одинъ	одни
»	1 снизу	господство	господства
»	14 снизу	согласиться не	согласиться на
151	10 сверху	выступалъ	выступилъ
152	10 сверху	султанамъ	султаномъ
162	16 снизу	руководились	руководясь
167	7 сверху	Сирій	Сиріей

На стр. 104—111 имя графа де-Ріана

неправильно напечатано де-Ріонъ.

